

**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ**

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 15/2020

г. Донецк 2020

**Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»**

ВЕСТНИК

ДОНБАССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Юридические науки

**Научный журнал
№ 15/ 2020**

Выходит 4 раза в год. Издаётся с 2016 г.

**Донецк
ДЮА
2020**

УДК 34

Главный редактор

Заместитель главного редактора

Ответственный редактор

Ответственный секретарь

Редакционная коллегия:

В. В. Чамлай, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*)

Р. Х. Гиззатуллин, д-р юр. наук (*Бакирский государственный университет, г. Уфа, Россия*)

А. Г. Иванов, канд. экон. наук (*Донбасская юридическая академия*)

В. В. Прозоров, канд. экон. наук (*Донбасская юридическая академия*)

Н. В. Барбашова, д-р юр. наук (*Донецкий национальный университет*),

А. В. Броварь, д-р ист. наук (*Донбасская юридическая академия*),

Г. Н. Гапотченко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

В. А. Грабельников, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

В. И. Козюберда, канд. юр. наук, доцент (*Донбасская юридическая академия*),

В. А. Комаров, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

С. Ю. Мироненко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

А. М. Моисеев, д-р юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

А. А. Николаев, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

П. И. Павленко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

А. А. Савченко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

В. Г. Севка, д-р экон. наук (*Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, г. Макеевка*),

Б. Н. Сиренко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*)

Журнал зарегистрирован

В Научной Электронной библиотеке (НЭБ) – головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) (лицензионный договор № 596-11/2016 от 10 ноября 2016 г.)

В Министерстве информации ДНР. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – Серия ААА № 000169 от 14.11.2017 г.

Внесен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Приказом МОН ДНР от 08.05.2018 г. № 433

Основатель и издатель

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская юридическая академия», г. Донецк.

Рекомендован к изданию Ученым советом Донбасской юридической академии, протокол от 20.11.2020 г. № 4

Язык публикации: русский, английский.

Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.

Адрес редакции:

ул. Лебединского, д. 9, г. Донецк, 283049.

e-mail: duan-nauchotdel@yandex.ru

Вестник Донбасской юридической академии: сборник научных трудов / – Вып. 15. – Донецк: ДЮА, 2020. – 190 с. – («Юридические науки»).

© Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская юридическая академия», 2020

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

**Gosudarstvennoe obrazovatelnoe uchrejdenie
vyschego professionalnogo obrazovaniya
«Donbasskaya yuridicheskaya akademiya»**

VESTNIK

DONBASSKOY YURIDICHESKOY AKADEMII

Yuridicheskiye nauki

**Nauchnyi Zhurnal
№ 15/ 2020**

Vykhodyt 4 raza v god. Izdaetsia s 2016 g.

**Donetsk
DYA
2020**

UDK 34

Editor-in-chief

Deputy editor-in-chief

Executive editor

Executive secretary

Editorial board:

V. V. Chamlay, PhD of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*)

R. H. Gizzatullin, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Bashkir State University, Russia*)

A. G. Ivanov, PhD of Economical Sciences (*Donbass Law Academy*)

V. V. Prozorov, PhD of Economical Sciences (*Donbass Law Academy*)

N. V. Barbashova, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Donetsk National University*), A.V. Brovar, Advanced Doctor of Historical Sciences (*Donbass Law Academy*), G.N. Gapotchenko, PhD of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), V. A. Grabel'nikov, PhD of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), V. I. Kozyuberda, PhD of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), V. A. Komarov, PhD of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), S. Yu. Mironenko, PhD of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), A. M. Moiseev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), A. A. Nikolaev, PhD of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), P. I. Pavlenko, PhD of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), A. A. Savchenko, PhD of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), V.G. Sevka, Advanced Doctor of Economical Sciences (*Donbass National Academy of construction and architecture, Makeevka*), B. N. Sirenko, PhD of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*)

The journal is registered

Of the Scientific Electronic Library - (SEL) – the chief executive of the project on determining Russian Science Citation Index (RSCI) (license agreement № 596-11/2016 of November 10, 2016).

In Ministry of information of DPR. Testifying to registration of means of mass information is Series of AAA № 000169 from 14.11.2017 year.

Included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for obtaining the scientific degree of the candidate of sciences should be published, for the academic degree of the Doctor of Sciences Order of the Ministry of Education and Science of the DPR dated 08.05.2018 No. 433.

Founder and Publisher

State Educational Establishment of Higher Professional Education «Donbass Law Academy»

Recommended for publishing by Academic Board of Donbass Law Academy. The Minute №4 dated 20.11.2020 year.

Language of publication: Russian, English

All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only by the agreement of the author and publisher

Address of editor office:

283049, Donetsk, Lebedinsky Street, 9

e-mail: duan-nauchotdel@yandex.ru

Herald of Donbass Law Academy: collection of scientific papers - Release 15. – Donetsk: DLA, 2020. – 190 p.– («Juridical science» series).

© State Educational Establishment of Higher Professional Education «Donbass Law Academy», 2020

*Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors of the materials.

СОДЕРЖАНИЕ

Барбашова Н.В. Экологическая безопасность региона и ее правовое обеспечение на федеральном уровне в Российской Федерации.....	9
Белюрко Н.М. Обзор нравственно-правовых проблем личности с позиции философии права.....	16
Бордюгов Л.Г., Николаева Е.Б. Внутреннее убеждение судебного эксперта: вопросы теории и практики.....	24
Броварь А.В., Гордеева А.Ю., Бондаренко С.И. Правовое регулирование режима полетов над Антарктикой и Арктикой. Развитие арктических территорий Российской Федерации.....	31
Броварь А.В., Степанов В.А. Признание государств в современном мире (на примере Донецкой Народной Республики).....	39
Гордеева А.Ю., Билялов Р.А. Перспективы развития права народов на самоопределение.....	48
Грабельников В.А., Боньковская С.С. Влияние государства на развитие культуры в условиях становления Донецкой Народной Республики.....	58
Заремба П.А. Менеджмент и право.....	67
Каблов Д.С. Законодательное регулирование организации и деятельности полиции.....	74
Коваленко Э.Д. Процессуальные гарантии при расследовании и раскрытии преступлений: обязательство или обстоятельства.....	83
Меркулов С.Н. Структура и содержание обвинения в уголовном судопроизводстве Донецкой Народной Республики.....	92
Охременко С.И. Маркетинг в сфере юридических услуг.....	100
Павленко П.И., Капитонова М.С. Национальный правовой менталитет: особенности возникновения и развития.....	108
Педерсен И.А. Правовое регулирование ответственности в сфере исчисления и уплаты единого социального взноса.....	116
Подмаркова И.П., Верчинский Д.Ю. Пути оптимизации административных и экономических методов в деятельности фискальных органов Донецкой Народной Республики.....	124

Прозоров В.В., Броварь Н.А.	
Инновационные образовательные форматы и их роль в период «пандемического» кризиса.....	133
Сиренко Б.Н., Крамарчук И.О.	
Особенности привлечения к административной ответственности за правонарушения в области оборота информации.....	141
Скорченко Ю.А.	
Проблемы и пути совершенствования судебной власти Луганской Народной Республики.....	148
Стрельцова Н.Л., Белик А.Ю.	
Правовой статус холдинговых компаний в Донецкой Народной Республике....	157
Стрельцова, Н.Л., Величко Н.А.	
Современное предпринимательское право в сети интернет.....	164
Чамлай В.В.	
Особенности становления и развития законодательной базы в сфере организации перевозок автомобильным транспортом от становления СССР до развития Донецкой Народной Республики.....	172
Янчик Е.А.	
Особенности квалификации злоупотребления и превышения должностных полномочий и отграничение их от смежных составов.....	181

CONTENTS

Barbashova, N.V. Environmental safety of the region and its legal support at the federal level in Russian Federation.....	9
Belyurko, N.M. Moral-legal problems of personality from the position of the philosophy of law...	16
Bordyugov, L.G., Nikolayeva, E.B. Internal belief of the forensic expert: questions of theory and practice.....	24
Brovar, A.V., Gordeeva, A.Yu., Bondarenko, S.I. Legal regulation of flights over Antarctica and the Arctic. Development of the arctic territories of the Russian Federation.....	31
Brovar, A.V., Stepanov, V.A. Recognition of states in the modern world (on the example of the Donetsk People's Republic).....	39
Gordeeva, A.Yu., Bilyalov, R.A. Prospects for the development of the right of peoples to self-determination.....	48
Grabelnikov, V.A., Bonkovska, S.S. Influence of the state on the development of culture in the context of the formation of the Donetsk People's Republic.....	59
Zaremba, P.A. Management and law.....	68
Kablov, D.S. Legislative regulation of the police organization and activity.....	75
Kovalenko, E.D. Procedural safeguards during the investigation and disclosure of crimes: an obligation or the circumstances.....	83
Merkulov, S.N. Structure and content of charge in criminal proceedings of the Donetsk People's Republic.....	93
Okhremenko, S.I. Marketing in the field of legal services.....	100
Pavlenko, P.I., Kapitonova, M.S. National legal mentality: features of establishment and development.....	108
Pedersen, I.A. Legal regulation of liability in the sphere of calculation and payment of a unified social contribution.....	116
Podmarkova, I.P., Verchinsky, D.Yu. Ways of optimizing administrative and economic methods in the activities of fiscal bodies of the Donetsk People's Republic.....	124
Prozorov, V.V., Brovar, N.A. Innovative educational formats and their role during the pandemic crisis.....	133

Sirenko, B.N., Kramarchuk, I.O.	
Features of attraction to administrative responsibility for information turnover offenses.....	141
Skorchenko, Yu.A.	
Problems and ways of improving the Lugansk People's Republic judicial power.....	148
Streltsova, N. L., Belik, A.U.	
Legal status of holding companies in the Donetsk People's Republic.....	157
Velichko, N.A., Streltsova, N.L.	
Modern business law on the internet.....	164
Chamlay, V.V.	
Features of formation and development of legislative base in the sphere of organization of transportations by motor transport from the Soviet Union to the development of the Donetsk People's Republic	173
Yanchik, E.A.	
Peculiarities of qualification of abuse and exception of powers and demonstration from adjacent compositions.....	181

УДК 349.6

Н.В. Барбашова, д-р юрид. наук, доцент, Донецкий национальный университет (г. Донецк)

(e-mail: n.barbashova@mail.ru)

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА И ЕЕ ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Важнейшим требованием интеграционных процессов в межгосударственных отношениях является гармонизация экологического законодательства. В работе анализируется опыт Российской Федерации по обеспечению экологической безопасности на региональном уровне. Показано, что федеральное законодательство предоставляет достаточно широкий спектр полномочий органам власти субъектов Федерации, позволяющих им планировать и осуществлять мероприятия по обеспечению экологической безопасности на территориях соответствующих субъектов.

Ключевые слова: экологическая безопасность, окружающая среда, регион, децентрализация, полномочия органов власти.

Barbashova, N.V.

ENVIRONMENTAL SAFETY OF THE REGION AND ITS LEGAL SUPPORT AT THE FEDERAL LEVEL IN RUSSIAN FEDERATION

The most important requirement of integration processes in interstate relations is the harmonization of environmental legislation. The paper analyzes the experience of the Russian Federation in ensuring environmental safety at the regional level. It is shown that federal legislation provides a wide range of powers to the authorities of the constituent entities of the Federation, allowing them to plan and implement measures to ensure environmental safety in the territories of the respective entities.

Key words: environmental safety, environment, region, decentralization, authority of authorities

Актуальность исследования. Происходящие в настоящее время на постсоветском пространстве интеграционные процессы, как в виде создания межгосударственных союзов (СНГ, ЕАЭС, Союзное государство Россия-Беларусь), так и перспективы вхождения в состав Федерации непризнанных государственных образований в приграничных регионах России (Южная Осетия, Абхазия, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика), выдвигают в качестве важнейшего требования гармонизацию законодательства, в том числе и в экологической сфере. Согласованные требования к обеспечению экологической безопасности должны рассматриваться сегодня в качестве одного из приоритетных направлений межгосударственного сотрудничества.

Анализ научных исследований. Для каждого государства в различные периоды его существования присутствует спектр наиболее значимых направлений деятельности определяемый как функции государства. По мнению М. М. Меркулова, «отказ государства от осуществления имманентно присущей

ей функциональной деятельности может повлечь прекращение существования такого государственного строя» [12].

В настоящее время в ранг первоочередных задач в сфере регулирования отношений в системе человек - окружающая среда вышла проблема обеспечения экологической безопасности. Следует отметить, что и ранее этой проблеме уделялось заметное внимание. Ситуация существенным образом изменилась после принятия специального программного документа: Указа Президента РФ «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» [12].

При исследовании вопросов правового регулирования отношений экологической безопасности достаточно часто упускается из виду, что эти отношения, наряду с использованием природными ресурсами и охраной окружающей среды, являются неотъемлемыми составными частями экологических отношений. В литературе существуют различные подходы к содержанию понятия «экологическая безопасность» - от представления отношений экологической безопасности, как части отношений охраны окружающей среды, до признания в качестве самостоятельного института экологического права [1-3, 9].

Как справедливо указывает М.М. Бринчук [3], в эколого-правовой науке отсутствует четкая дифференциация понятий «охрана окружающей среды» и «обеспечение экологической безопасности» вследствие фактической тождественности юридически значимых инструментов их правового регулирования. Последнее предполагает допустимым при анализе отношений экологической безопасности использовать нормы природоохранного законодательства.

По мнению Н.Г. Жаворонковой [6, с. 83-84] обеспечение экологической безопасности преследует особые цели и задачи, являющиеся следствием негативного влияния антропогенной деятельности для окружающей природной среды, жизни и здоровья граждан, а также чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера. Снижение уровня экологических угроз автор связывает, совершенно справедливо, с соблюдением норм экологического законодательства, регулирующих вопросы размещения и эксплуатации хозяйственных и иных объектов, деятельность которых оказывает (или может оказать в будущем) существенное негативное воздействие на окружающую среду.

Целью настоящей работы является исследование особенностей правового обеспечения экологической безопасности на региональном уровне в Российской Федерации.

Изложение основного материала. К настоящему времени существует значительное число определений понятий «экологическая безопасность» и «обеспечение экологической безопасности», в которых авторы акцентируют внимание на различных аспектах этого явления. Для целей настоящей работы мы в качестве примера приведем определение, данное в Законе РФ «Об охране окружающей среды» [14], в котором под экологической безопасностью

понимается защищенность природной среды и жизненно важных интересов человека от последствий техногенной деятельности и угроз естественного характера. отождествление дефиниции «экологическая безопасность» с состоянием защищенности от угроз экологического характера требует своего объяснения. Понимая под экологической безопасностью состояние защищенности от угроз, исходящих для человека от окружающей среды, следует указать, что окружающая среда для человека в целом не носит благоприятный характер и он постоянно вынужден адаптироваться к окружающей среде, используя доступные для этих целей технологии и материалы.

В данном контексте представляются дискуссионными утверждения, в которых экологическая безопасность наделялась его абсолютными свойствами: «безопасность имманентно присуща биосфере, ее экосистемам», «любой природный объект в режиме нормального функционирования создает безопасные условия», «безопасное состояние природного объекта есть безопасное состояние человеческого общества» и т.д. Эти характеристики противоречат основным постулатам эволюционной теории. Более обоснованным будет утверждение, что практически все природные объекты вынуждены защищать себя от угроз внешнего характера, приспосабливаться к изменяющемуся состоянию всей биосферы. Данную ситуацию правильнее было бы характеризовать как динамическое равновесие выделенного объекта биосферы с частью биосферы, которая его окружает. Указанный объект может сам создавать своим существованием угрозы другим объектам биосферы, а также подвергаться угрозе как со стороны части объектов биосферы, так и угрозам, исходящим от объектов неживой природы (радиация, изменение климата, землетрясения, наводнения и т.п.). В частности, климатические условия на территории России столь разнообразны, что требуют в каждом конкретном случае специальных мер защиты от их негативного воздействия. Высказанные соображения дают основания для утверждения, что требования экологической безопасности (безопасности для человека окружающей среды) являются идеализированными и не осуществимыми в физическом мире, в котором проживает человек.

Более оправданным является использование термина «обеспечение экологической безопасности». Тем не менее, и в данном случае под этим действием следует понимать «мероприятия по защите от угроз экологического характера». Критерием здесь выступают экологические нормативы.

Ранее было показано [2], что природоохранная деятельность наиболее эффективно осуществляется в масштабах региона. Об этом говорит и позитивный опыт государств ЕС, США и других стран. Законодательством значительного числа государств предусматривается передача полномочий на уровень управления, соответствующий наиболее эффективному их исполнению (принцип субсидиарности) вопросов охраны окружающей среды, природопользования и осуществления мероприятий по защите населения от угроз экологического характера.

В Российской Федерации государственное управление осуществляется на двух уровнях: федеративном и региональном. Сфера совместной компетенции этих двух уровней управления определена в ст. 72 Конституции РФ. В целом ряде пунктов указанной статьи присутствуют положения, относящиеся к экологической сфере. Важным в контексте исследования представляется сделать акцент на Пункте д), в котором указано, что вопросы обеспечения экологической безопасности относятся к совместному ведению Федерации и Субъектов Федерации. Также, для целей дальнейшего изложения, необходимо указать на п. к), предусматривающий, что оба актора имеют полномочия по формированию экологического законодательства.

По общему правилу распределения полномочий в федеративном государстве вне пределов ведения Федерации и совместного ведения Федерации и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти (ст. 73 Конституции РФ) [8].

На федеральном уровне вопросы правовой защиты от угроз экологического характера регулируются, главным образом, ФЗ «Об охране окружающей среды», являющимся по своей сути системообразующим нормативным актом в сфере регулирования экологических отношений, и нормами поресурсового законодательства: Земельным, Водным и Лесным кодексами, законами «Об охране атмосферного воздуха», «О недрах» и др. Общие вопросы природоохранной деятельности и обеспечения экологической безопасности регулируются также ФЗ «Об экологической экспертизе».

Свое наиболее полное развитие указанные выше конституционные нормы получили в нормах ФЗ «Об охране окружающей среды». К региональным полномочиям в сфере отношений, связанных с охраной окружающей среды (напомним, что этот инструментарий аналогичен обеспечению экологической безопасности), относится не только участие в соответствующих федеральных программах, но и разработка собственных региональных программ, нормативных актов, в том числе, по поводу защиты региона от угроз экологического характера.

Важным представляется здесь указать, что регионы имеют право на установление собственных (региональных) нормативов качества окружающей среды, требования которых должны быть не ниже соответствующих федеральных норм.

Среди других прав регионов, затрагивающих наиболее существенные моменты проблемы безопасности региона, необходимо указать право на обращение в суд с требованием об ограничении вплоть до полного запрета деятельности предприятий, создающей угрозы безопасности человека вследствие загрязнения окружающей среды. В случае, если таковое загрязнение среды произошло, закон наделяет региональные власти правом предъявления исков о возмещении вреда гражданам и компенсации ущерба, нанесенного окружающей среде региона.

Вопросы защиты от угроз экологического характера решаются в поресурсовом законодательстве в значительной степени с учетом режима собственности природных объектов, которые находятся в зоне влияния источника негативного воздействия.

Согласно законодательству земельные участки могут находиться в государственной, муниципальной и частной собственности. Указанная норма дает основание субъектам Федерации разрабатывать и реализовывать собственные региональные программы использования и охраны земель, находящихся в границах соответствующих субъектов [7].

Леса и водные объекты находятся преимущественно в федеральной собственности, за исключением объектов, расположенных на землях муниципальной и частной форм собственности. Для решения вопросов защиты указанных природных объектов от негативных воздействий техногенного и естественного характера и, как следствие, обеспечение режима экологической безопасности на территориях соответствующих субъектов Федерации, последним передаются соответствующие полномочия, принадлежащие федеральному уровню.

В частности, статьями 25, 26 Водного кодекса [5] регионы наделяются правами по осуществлению мер, связанных с охраной водных объектов федеральной собственности и расположенных на территориях соответствующего региона от воздействия негативного характера, а также по ликвидации последствий этого воздействия.

Специфика такого природного объекта как леса в формировании благоприятных и безопасных с экологической точки зрения условий проживания человека проявляются в особом внимании региональных органов власти к проблемам формирования зеленых зон в границах муниципальных образований, в том числе путем создания специальных лесопарковых зон. К полномочиям регионов относятся проведение мероприятий по организации и осуществлению мер пожарной безопасности и тушения лесных пожаров в лесах, расположенных на землях особо охраняемых природных территорий регионального значения и др. (ст. 82 ЛК РФ) [10].

Являясь одним из центральных элементов биосферы, атмосферный воздух (в понятии его качественных характеристик) зависит от негативных воздействий естественного и антропогенного характера. Вследствие указанной причины охрана атмосферного воздуха является одним из приоритетных направлений природоохранной деятельности, как на национальном, так и международном уровнях. Основной задачей охраны атмосферного воздуха является сохранение благоприятного состояния атмосферного воздуха, восстановление и улучшение его качественных характеристик для обеспечения экологически безопасной жизнедеятельности человека, а также предотвращение его вредного воздействия на другие природные объекты [13].

Проблема снижения угроз для человека, вызванных загрязнением атмосферного воздуха, решается в масштабах региона использованием широкого спектра правового инструментария, в частности, путем принятия и

реализации региональных программ, направленных на снижение выбросов загрязняющих вредных веществ в атмосферный воздух, сокращения использования углеводородного топлива, поощрение развития альтернативной (зеленой) энергетики, установления целевых ограничительных показателей выбросов в зависимости от степени их опасности, а также сроков их снижения и др.

Особую роль для снижения угроз экологического характера в регионе выполняют нормы ФЗ «Об экологической экспертизе» [15], которые, с одной стороны, позволяют научно обосновать и спрогнозировать развитие производственного потенциала региона без ущерба снижению уровня экологической безопасности для его населения, а с другой – предусмотреть максимально широкий спектр мероприятий в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, связанных с угрозой заражения вредными веществами территории и населения региона.

Значительный объем полномочий субъектов Российской Федерации в сфере регулирования экологических отношений предусмотрен Федеральным законом «Об отходах производства и потребления» [16]. Согласно ст. 6 Закона таковыми, в частности, являются: мероприятия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, возникших при обращении с отходами; установление нормативов образования отходов и лимитов на их размещение (в том числе и твердых коммунальных отходов) и др.

Выводы. Приведенный перечень нормативных актов Российской Федерации, устанавливающий компетенцию субъектов Российской Федерации в экологической сфере, является далеко не исчерпывающим. Анализ указанных норм дает основание сделать вывод об обладании региональными органами власти достаточно широкими полномочиями правового характера, которые позволяют им планировать и осуществлять мероприятия на территориях соответствующих субъектов Российской Федерации по достижению целевых показателей, установленных в программном документе «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года».

Важное место в регулировании отношений экологической безопасности занимает законодательство субъектов Российской Федерации. Как отмечает в своем исследовании М.И. Васильева [4, с. 77], формирование экологического законодательства регионального уровня является важной составляющей государственной экологической политики. Актуальность этого направления объясняется как задачами развития положений федерального законодательства, что прямо следует из компетенции субъектов Федерации по предметам совместного ведения, так и необходимостью решения ряда практических проблем в сфере управления охраной окружающей среды.

Особенностью региональных актов является их излишняя привязанность к федеральным, вплоть до их копирования, что в случае отсутствия последних (как это имеет место с законом «Об экологической безопасности») приводит к «замораживанию» этой сферы регулирования на региональном уровне. Вследствие своей специфики, разнообразия и степени проработанности

правовых норм проблема регулирования отношений экологической безопасности нормами региональных актов на уровне субъектов Российской Федерации требует отдельного исследования.

Провозглашенный в Донецкой Народной Республике курс на глубокую интеграцию с Российской Федерацией в качестве независимого государства или субъекта Российской Федерации предполагает адаптацию ее системы законодательства с законодательством Российской Федерации. Важным направлением такого сотрудничества является гармонизация экологического законодательства двух государств, учитывающего не только достижения в этой сфере, но и имеющие место отдельные пробелы и недоработки. Ожидаемым результатом такого сотрудничества в сфере экологического правотворчества станет уменьшение вреда окружающей среде и снижение уровня угроз экологического характера для граждан Донецкой Народной Республики.

Список использованных источников

1. Барбашова Н.В. Экологическая безопасность: актуальность правового регулирования // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2015. – № 5(62). – С. 117-126.
2. Барбашова Н.В. Региональные аспекты обеспечения экологической безопасности (учебное пособие). – Курск: ЮЗГУ, 2016. 170 с.
3. Бринчук М. М. О понятийном аппарате экологического права // Государство и право. 1998. № 9. С. 20–28.
4. Васильева М.И. Закон субъекта Российской Федерации об охране окружающей среды: опыт правового моделирования // «Законодательство и экономика». 2005. № 11, № 11. - С. 75-88.
5. Водный кодекс Российской Федерации» от 03.06.2006 № 74-ФЗ: [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Жаворонкова Н.Г. Эколого-правовые проблемы обеспечения безопасности при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера : дис. ... д-ра юрид- наук. М., 2007. С. 83–84.
7. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ: [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г.: [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Краснова И.О. Экологическая безопасность как правовая категория // LEX RUSSICA. 2014. № 5. С. 543-555.
10. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ: [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Меркулов М. М. Проблемы экологической функции современного российского государства: Теоретико-правовой аспект: автореф. дис. на

- соискание уч. степени канд. юрид. наук: спец. 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений» / М. М. Меркулов. Ставрополь. 2002. 22 с.
12. Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»: [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 13. Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об охране атмосферного воздуха»: [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 14. Федеральный Закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»: [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 15. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе»: [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 16. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»: [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 340.1

Н.М. Белюрко, преподаватель, Донбасская юридическая академия, (г. Донецк)

(e-mail: nadezhda_3377@mail.ua)

ОБЗОР НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМ ЛИЧНОСТИ С ПОЗИЦИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

В данной статье проанализированы особенности нравственно-правовых проблем личности в разные эпохи с позиции философии права, рассмотрены подходы к изучаемому вопросу философов и правоведов, сделан анализ научных исследований по данной теме, охарактеризован механизм взаимовлияния правосознания и морали.

Ключевые слова: личность, право, правосознание, мораль, нравственность, свобода, общество.

Belyurko, N.M.

MORAL-LEGAL PROBLEMS OF PERSONALITY FROM THE POSITION OF THE PHILOSOPHY OF LAW

This article analyzes the features of the moral and legal problems of the individual in different eras from the standpoint of the philosophy of law, examines the approaches to the studied issue of philosophers and legal scholars, analyzes scientific research on this topic, characterizes the mechanism of mutual influence of legal awareness and morality.

Key words: *personality, law, sense of justice, morality, morality, freedom, society.*

Актуальность темы исследования. Актуальность темы «Нравственно-правовые проблемы личности с позиции философии права» обусловлена тем фактом, что в современном обществе задачи социального развития связаны с совершенствованием правовой культуры как отдельной личности, так и общества в целом, с достижением правовой стабильности в социуме. Еще одним аргументом в пользу актуальности темы данной статьи является тот факт, что на протяжении всей истории философии и политико-правовой мысли ценность права всегда соотносилась с его нравственным значением для личности, а нравственные принципы, присущие праву, способствовали развитию правосознания.

Анализ научных исследований. Ряд авторов изучали проблемы философии права и внесли свой вклад в развитие отечественной литературы по общим вопросам философии права: В.С. Нерсисянц, Д.А. Керимов, Е.В. Гутов, Л. Петражицкий, Ю.Г. Ершов.

Что касается философии права, то одним из его основоположников стал немецкий юрист Гуго Гроций, который в XVII веке одним из первых предпринял попытку систематизации правовых норм, с позиций естественного права рассмотрел социальную проблематику и заложил основы международного права [1, с. 37].

Целью данной статьи является анализ нравственно-правовых проблем личности в разные эпохи и способы воздействия на её поступки в правовом поле, что особенно актуально в настоящее время, так как для XXI века характерно возникновение новых типов делинквентной антисоциальности; нарушение прав и свобод человека в ситуации, когда прилагаемые усилия по урегулированию правовой ситуации не дают желаемого результата.

Право и мораль направлены на упорядочивание общественной жизни и выступают наиболее значимыми социальными регуляторами поведения людей. Мораль появляется с возникновением и развитием общества, а правовые нормы создаются и санкционируются государством. Мораль как одна из форм общественного сознания и важнейший социальный институт, оказала значительное влияние на оформление права, формирование политических, эстетических норм, регламентирующих деятельность и взаимоотношения людей.

Слово «мораль» в повседневной жизни иногда используют как синоним слова «нравственность», однако в трактовке этих терминов существуют весомые различия. Нравственность можно представить как некий духовный императив, формирующий духовное начало в личности, а мораль является внешним проявлением нравственности. Однако, в отдельных случаях, мораль и нравственность могут совпадать. Например, когда мы говорим о цельности человека, это предполагает гармоничное сочетание в нем одновременно морали и нравственности.

Есть еще одно отличие двух понятий – термин «нравственность» практически не используется в негативном контексте; термин «мораль», иногда встречается в фразах с явным ироническим подтекстом. В русском языке встречаются такие словосочетания, как: «читать мораль», «низкая мораль», «мораль рабов» и пр.; в этом контексте заменить слово «мораль» на «нравственность» весьма затруднительно.

Одним из первых философов, кто провел концептуальное разграничение понятий «мораль» и «нравственность» стал Г.В.Ф. Гегель, автор работы «Философия права» и один из создателей философии немецкого идеализма. Философ полагал, что «нравственное, поскольку оно рефлектируется в индивидуальном, определенном природой характере как таковом, есть добродетель; в той мере, в какой она проявляется лишь в простом соответствии индивида своим обязанностям, по отношению к тем условиям, в которых он находится, она есть добропорядочность» [2, с. 150]. Необходимо отметить, что разграничение понятий «мораль» и «нравственность» было намечено уже в философии И. Канта, который выделял два вида поступков: «сообразно долгу» и «ради долга» [4, с. 297].

На формирование духовного мира личности влияет тот факт, что в обществе индивиды осуществляют свою жизнедеятельность в системе объективных условий, складывающихся вне зависимости от их воли и желания и развитие которых подчиняется действию объективных законов общества.

Проблема нравственных основ личности, государства и права волновала мыслителей, начиная с древнейших времен. Еще в эпоху Античности правоведы, оценивая тяжесть преступления или правонарушения в судебном разбирательстве, считали важным подтвердить или опровергнуть наличие умысла, злой воли, отличить вину от преступной небрежности, неосторожности, влияния непреодолимых сил и т. д. Цицерон так высказался по этому поводу: «где нет намерения, умысла, там нет вины».

У Конфуция основным понятием нравственной стороны его учения является «жэнь». Единства в понимании онтологического статуса данной категории нет, разные источники переводят это слово и как «гуманность», и как «человечность», встречаются и другие варианты с различиями в содержательной основе. Содержание, которое Конфуций вкладывает в понятие «жэнь», характеризует цель нравственного самосовершенствования личности, из чего можно вывести ряд правил, например: «чего не желаешь себе, не делай людям; отвечай добром на добро и справедливостью на зло»; «уважай старших»; «проявляй заботу о младших».

Другой выдающийся древнекитайский мыслитель VI-V веков до н. э. Лао-цзы полагал, что основным в «настоящем человеке» является «естественность добродетели», когда человек совершает нравственные поступки не из страха наказания или стремления к поощрениям, а следуя «своей природе». Человека философ считал частью природы и полагал, что его предназначение заключается в том, чтобы следовать пути добродетели, что в его представлении означало жить согласно природе. Под «деянием» Лао-цзы

понимал вмешательство в естественный ход вещей и его нарушение, поэтому соблюдение моральных принципов на практике он видел в «недеянии», которое означает действия в соответствии с законами природы, а не полную пассивность. Источник зла, по мнению древнекитайского философа, кроется в отступлении от установленных природой законов, в чем Лао-цзы обвиняет правителей и их приближенных, ищущих выгоды.

Древнегреческий философ Сократ развивал учение о «моральной философии», он видел в человеке в первую очередь нравственное существо, а в нравственном поведении – существо разумное. Источником безнравственности Сократ считал неведение, неслучайно спустя тысячелетия Гегель назовет «человека мыслящего» «мерой всех вещей».

Аристотель, основоположник этики, посвятивший этому предмету изучения три своих работы, полагал, что для людей в основе моральной деятельности и нравственности лежит целесообразность.

Древнегреческий философ Зенон, основоположник стоицизма, полагал, что путь достижения высоконравственного общества заключается в самосовершенствовании каждой личности, а основой нравственности полагал жизнь «согласно природе».

Марк Аврелий, римский император, правивший во II веке, представитель позднего стоицизма, в своем сочинении «Наедине с собой» в форме афоризмов изложил свои размышления о нравственности, которую не отделяет от религии; нравственное поведение человека зависит от разума, являющегося порождением и частью мирового божественного разума. С точки зрения Марка Аврелия, поистине разумно и нравственно поступает тот, кто отказывается от суетных стремлений к внешним благам, стоит выше страстей и принимает все происходящее как исполнение мирового космического закона.

Римское право оказало значительное влияние на жизнь средневекового общества, так как стало основой правовых отношений в большинстве европейских стран. В эпоху Средневековья основным источником категорий нравственности стала божественная воля, соответственно, все принимаемые законы должны были исходить из божественного естественного закона. Одной из специфических особенностей Средневековья является тот факт, что в эту эпоху в некоторых странах Европы правоведы считали, что животные тоже способны совершать преступления, а потому их судили по всем правилам юридической процедуры: проводилось следствие, повестками или глашатаями они приглашались в суд, обвинение и защита произносили речи, суд оглашал приговор, который приводился в исполнение.

Во времена Античности и Средневековья для общества было характерно ограничение индивида рядом государственно-правовых запретов, приказов, ограничений, а всякая его деятельность, а иногда и личная жизнь находились под контролем должностных лиц. При этом необходимо отметить, что отдельные элементы гражданского общества существовали в некоторых странах еще в эпоху Античности, например, в Древней Греции.

Становление гражданского общества стало важнейшим этапом развития человечества, государства и права. Разного рода предпосылки зарождения гражданского общества: идеологические, экономические, политические складывались в Европе в период позднего Средневековья, в эпоху Возрождения и Реформации.

В отличие от предшествующих видов общества, гражданское основано на признании правового равенства людей, что сделало положение личности в обществе и государстве качественно новым. Мораль, как форма общественного сознания, особенно высоко ценится в гражданском обществе и представляет собой совокупность норм, принципов и правил, регламентирующих поведение людей. Важность нравственной стороны общественного сознания заключается в том, что она включает в себя аксиологическую составляющую, формирует в личности ценностное отношение к другим людям, миру, окружающей среде. Мораль при этом необходимо отличать от иных форм сознания, например правосознания. Если моральные нормы выполняются высоконравственными людьми добровольно, и в случае их нарушения личность может быть подвержена мукам совести, то правовые нормы обязывают каждого человека к их исполнению, так как в противном случае их неисполнение чревато наказанием со стороны государства.

Т. Гоббс, один из основателей теории общественного договора, полагал, что гражданские обязанности совпадают по содержанию с моральным долгом, источником морали является право, а ее критерием – закон. Т. Гоббс считал, что добродетели способствуют выигрышу, и являются свидетельством силы индивида, а пороки способствуют проигрышу и свидетельствуют о слабости индивида. Суть естественных законов философ выразил в принципе: «Не делай другому того, чего ты не желал бы, чтобы было сделано по отношению к тебе». Данный принцип созвучен с «нравственным правилом» Канта.

Ф. Ларошфуко, философ-моралист, в работе «Размышления, или Моральные изречения и максимы» изложил итог наблюдений за французской аристократией, представив его как наблюдение за моралью всего общества в целом. Нравственный пессимизм философа в полной мере проявляется в его фразе: «добродетели – это чаще всего скрытые пороки» и сближает его взгляды с этикой Т.Гоббса, считавшего, что люди в обществе всегда преследуют свои эгоистические цели.

Ж.-Ж. Руссо, философ эпохи Просвещения, в основе нравственности видел первоначальные, не испорченные цивилизацией, естественные стремления человека, который по своей природе добр. Но поскольку естественный человек изолирован, правовые и моральные нормы, регулирующие в обществе его поведение, не могут быть выведены из природы и возникают в результате общественного договора, который способствует созданию гражданского общества. Автор работы «Об общественном договоре» считал важным самоограничение личного интереса ради общественного, а важнейшими качествами общественного человека, характеризующими его

нравственность, считал трудолюбие, простоту быта и нрава, честность, гражданственность.

Знаменитый категорический императив И. Канта заключается во фразе: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой, ты в тоже время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». «Нравственный закон» И. Канта нацелен на преодоление узости, односторонности механистического мировоззрения, стремлении увидеть в нравственном индивиде свободное существо. Мораль Канта ставит человека центром нравственной жизни, при этом философ объединяет людей некоей моральной связью, которая, как всеобщая форма, имеет приоритет над индивидуальной.

И. Бентам, английский теоретик морали и права XIX века, занимался изучением проблем нравственности и соблюдения прав в обществе и посвятил этому следующие работы: «Введение в основы нравственности и законодательства» и «Деонтология, или наука о морали». И.Бентам полагал, что целью моральной жизни является «наибольшее счастье наибольшего числа людей», что в дальнейшем стало основой построения теории утопического социализма Оуэна.

В XVIII веке П.А.Гольбах, К.А.Гельвеций рассматривали истинную мораль как основание разумного законодательства и политики. П.А.Гольбах посвятил изучению этого вопроса работу «Социальная система, или Естественные принципы морали и политики».

Ж.П.Сартр, представитель атеистического экзистенциализма XX века, всякий поступок человека призывал рассматривать как особый, неповторимый, уникальный. Причинами кризиса гуманизма на Западе философ считал прогресс рационалистического мышления, естественных наук. Когда наука перестала быть ограничена нравственными нормами, появились технократы, уповающие на то, что наука решит все проблемы. Этическая концепция Сартра, заключающая в себе элементы духовного стоицизма, выступает за неподвластность человека какой-либо системе принуждения. Сформулированное Сартром нравственное требование имеет много общего с категорическим императивом [7, с. 132].

Одно из положений, касающихся «жэнь» Конфуция, категорический императив И.Канта, «Золотое правило» в немарксистской этике, в сущности, являются интерпретацией заповеди «Поступайте с другими людьми так, как хотите, чтобы они поступали с вами».

Проблема нравственных основ государства и права во все времена была актуальной и для русских мыслителей.

В XVIII веке известный русский просветитель, учёный-правовед (по мнению Н. М. Коркунова «праотец русской юридической профессуры») С.Е. Десницкий, отмечал, что наиважнейшим «в житии человеческом» является «нравоучительное начало, по которому только единому род человеческий может управлять свои поведения» [5, с. 369].

В.Г. Белинский, русский философ, критик и революционер, прошел непростой путь от идеализма к материализму. Мыслитель полагал, что

оценивая поступок человека необходимо особое внимание уделять его мотивам, поскольку если в намерении присутствует эгоистический расчет, то «поступок дурен, хотя бы и произвел благие следствия». В.Г.Белинский писал о единстве личного и общественного, полагая, что «зло скрывается не в человеке, но в обществе».

Выдающийся русский юрист-правовед, философ, общественный деятель и историк П.И. Новгородцев в 1899 году написал статью «Право и нравственность», в которой выразил позицию убежденного сторонника либеральной философии права. В своей работе П.И. Новгородцев, полемизируя с Вл. Соловьевым, отстаивал несводимость права и нравственности друг к другу, что способствовало определению принципов нравственной критики позитивного права. Новгородцев разделяет право и нравственность, поскольку для права важны только поступки людей и не учитывается, выполняется ли долг по внутреннему убеждению человека или только из страха ответственности за последствия своих деяний [6, с. 358]. Также П.И. Новгородцев развивает идею Канта о том, что нравственная оценка независима от научно-детерминистского познания.

Русский философ и революционер Н.А. Добролюбов внес нововведения в философию «антропологического материализма», в материалистическое обоснование теории морали. Этические работы Добролюбова носили революционный характер, он рассуждал о «новых людях», у которых нравственные идеалы сочетаются с позитивным знанием и практическими действиями во имя освобождения народа. Основы нравственного развития мыслитель усмотрел в обстоятельствах нравственной жизни. Его позиция о нравственности наиболее глубоко изложена в статье «Николай Владимирович Станкевич»: «Кажется, не того можно назвать человеком истинно-нравственным, кто только терпит над собою веления долга, как какое-то тяжкое иго... а именно того, кто заботится слить требования долга с потребностями внутреннего существа своего, кто старается переработать их в свою плоть и кровь внутренним процессом самосознания и саморазвития так, чтобы они не только сделались инстинктивно необходимыми, но и доставляли внутреннее наслаждение», позволяли находить «в счастье других собственное счастье» [7, с. 278].

Если говорить о положительном праве, то его основное отличие от других систем, например, нравственных и религиозных, заключается в неразрывной связи с государством, которое устанавливает и санкционирует совокупность правовых норм.

Право предполагает как свободу личности, так и регламентируемые условия ее жизнедеятельности. Неограниченная свобода людей в обществе может привести к хаосу, анархии, произволу, поэтому государство регулирует свободу личности правовыми отношениями. Правовое регулирование поступков людей в обществе является объективной необходимостью, однако государство должно ограничивать свое вмешательство в сферу бытия личности. В юридическом смысле личность имеет закрепленную государством

возможность совершать действия, поступки, по своему усмотрению, не нарушая свободы других [1, с. 205].

Проблема взаимоотношений между государством и человеком – одна из важнейших проблем правового государства; право в обществе задает границы свободы. Индивид для успешного обеспечения своей жизни вынужден согласовывать свою деятельность с законами развития природы и общества, учитывать результаты воздействия своей сознательной деятельности на окружающий мир и на самого себя. Придание индивиду статуса субъекта права является единственным социальным способом придания ему статуса личности, которая возникает с появлением ее «правового лица». Для современного этапа общественного развития основные права и свободы человека определяются как объективные условия возможности жизнедеятельности личности, без которых она не может существовать в современном обществе.

Выводы. В результате исследования определено, что социокультурная ситуация, складывающаяся в современном обществе, рассмотренная с точки зрения существующих правовых отношений, свидетельствует об обнаружении противоречий, между возникающими новыми реальностями с одной стороны, и процессом их теоретического осмысления в отношении правового обеспечения – с другой стороны, что имеет непосредственное воздействие на нравственно-правовое состояние личности.

Государство, совершенствуя юридические нормы, в первую очередь должно опираться на правосознание и правовую культуру граждан, стремиться не к абстрактному, далекому от реалий «творчеству» закона, а объективированию в действующем праве уже интегрированных в общественное сознание эталонов и регуляторов поведения.

Список литературы

1. Бессонов Б.Н. Гражданское общество и духовное развитие личности / Б.Н. Бессонов, В.В. Дубицкий. – Омск: ОГУ, 2002. – 296 с.
2. Гегель Г. Философия права / Гегель. – Москва: Наука, 2010. – 524 с.
3. Гуманитарная подготовка современного специалиста: Материалы Международной научно-методической конференции (20 февраля 2020 года, Донецк). – Донецк: Цифровая типография, 2020. – с.193.
4. Ильин, И. А. Сочинения в 2 томах. Том 1. Философия права. Нравственная философия / И.А. Ильин. - М.: Медиум, 2012. – 512 с.
5. Коркунов, Н. М. История философии права / Н.М. Коркунов. – Москва: С-Пб. [и др.]: Питер, 2017. – 438 с.
6. Новгородцев, П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П.И. Новгородцев. – Москва: Машиностроение, 2010.-570 с.
7. Шершеневич, Г.Ф. История философии права. 2-е изд / Г.Ф.Шершеневич. – Москва: СПб. [и др.]: Питер, 2016. – 362 с.

УДК 343.98

Л.Г. Бордюгов, канд. юрид. наук, профессор, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: Leonidbrd@yandex.ru)

Е.Б. Николаева, аспирант, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: evgeniyanikolaeva@mail.ua)

ВНУТРЕННЕЕ УБЕЖДЕНИЕ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Статья посвящена проблемам формирования внутреннего убеждения судебного эксперта. Данная проблема уже давно интересует исследователей и неоднократно поднималась в специальной литературе. Однако неопределенность данной категории и в научном и в процессуальном плане только увеличивается. Формирование внутреннего убеждения судебного эксперта проходит ряд этапов по мере выполнения судебной экспертизы, т.е. на подготовительной стадии, аналитической, сравнительной, синтезирующей стадиях и на заключительной стадии.

Ключевые слова: *судебный эксперт, внутреннее убеждение, субъективная уверенность, объективные факты, психологический аспект, гносеологический аспект, логический аспект.*

Bordyugov, L.G.,

Nikolayeva, E.B.

INTERNAL BELIEF OF THE FORENSIC EXPERT: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

The article is devoted to the problems of the formation of the internal conviction of a forensic expert. This problem has long been of interest to researchers and has been repeatedly raised in the specialized literature. However, the uncertainty of this category both scientifically and procedurally only increases. The formation of the internal conviction of a forensic expert goes through several stages as the forensic examination is carried out, i.e. at the preparatory stage, analytical, comparative, synthesizing stages and at the final stage.

Key words: *forensic expert, inner conviction, subjective confidence, objective facts, psychological aspect, epistemological aspect, logical aspect.*

Актуальность темы исследования. В соответствии со статьей 73 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом» [12]. Подобные нормы содержатся и в других процессуальных кодексах.

Как видим, закон указывает, что оценка доказательств должна производиться по внутреннему убеждению, но не произвольно, а на основе всестороннего, полного и объективного рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности. Из этого следует, что при оценке доказательств существует

сочетание субъективного фактора, под которым понимается внутреннее убеждение, и объективного, под которым понимается совокупность всех обстоятельств дела. Следует отметить, что все указанное в законе касательно внутреннего убеждения, относится к субъектам доказывания, однако судебный эксперт не является в процессуальном плане субъектом доказывания. В связи с этим и подход к рассмотрению вопроса о внутреннем убеждении судебного эксперта должен быть несколько иной, так как внутреннее убеждение судебного эксперта в первую очередь направлено на оценку результатов им же проведенной экспертизы.

Анализ исследований и публикаций по данной проблеме. Проблема внутреннего убеждения судебного эксперта не является новой, хотя она является актуальной не только в теоретическом, но и практическом плане. В разное время отдельным аспектам этой проблемы уделяли внимание Т.В. Аверьянова, В.Д. Арсеньев, А.И. Винберг, Р.С. Белкин, А.Р. Шляхов и другие исследователи.

Целью статьи является выявление, научное исследование и анализ проблем, связанных с таким важным субъективным фактором, как внутреннее убеждение судебного эксперта, которое не только не исключается в судебно-экспертной деятельности, но и играет существенную роль.

Как было сказано выше, о внутреннем убеждении субъектов доказывания при оценке доказательств прямо указано в законе. Кроме того, исследованию данного вопроса достаточно внимания уделялось в специальной литературе. В частности, М.С. Строгович о внутреннем убеждении судьи, следователя и прокурора писал, как об уверенности, достигаемой «в результате вдумчивого, непредвзятого и всестороннего исследования всех обстоятельств дела» [11, с. 345]. Ю.В. Корневский внутреннее убеждение указанных лиц называет «критерием истины в правосудии» [9, с. 134].

Вместе с тем, ряд проблемных вопросов остался за пределами внимания исследователей. В частности, не нашли отражения такие вопросы как «зависит ли внутреннее убеждение судьи от вида судопроизводства», «зависит ли внутреннее убеждение от стадии судопроизводства», «зависит ли внутренне убеждение судьи от вида преступления» и т.п. Указанные вопросы могут представлять интерес для дальнейших исследований в данной сфере.

Что касается внутреннего убеждения судебного эксперта, этой проблеме в специальной литературе уделялось внимания гораздо меньше, а потому вопросов возникает еще больше. В первую очередь это можно объяснить тем, что действующее законодательство Российской Федерации и других бывших советских республик, непосредственно регулирующее судебно-экспертную деятельность, специально этого вопроса не касалось и не касается. В литературе имеются сведения о том, что только в статье 181 Уголовно-процессуального кодекса Киргизской ССР и статье 160 Уголовно-процессуального кодекса Эстонской ССР указывалось, что «эксперт дает заключение по своему внутреннему убеждению, основанному на его специальных познаниях и оценке результатов исследования» [6, с. 89].

Следует отметить, что вопрос о формировании внутреннего убеждения судебного эксперта является очень важным в процессуальном плане, поскольку, исследуя те или иные обстоятельства, судебный эксперт может установить новые обстоятельства, которые до этого не были известны суду или следствию и которые не могли быть установлены с помощью других источников доказательств. В связи с указанным, возникает необходимость детального исследования не только деятельности судебного эксперта, но и особенностей его личности, поскольку существенное значение для раскрытия роли внутреннего убеждения при проведении экспертизы и оценке полученных результатов играют гносеологический и психологический аспекты. К гносеологическому аспекту можно отнести опыт и специальные знания, которые использует судебный эксперт и которые образуют его компетентность. Психологический аспект характеризуется решительностью, твердой уверенностью не только в достоверности своих выводов, а и в возможности отстоять их в суде.

Еще больше вопросов о формировании внутреннего убеждения судебного эксперта возникает при исследовании проблем проведения комиссионных и комплексных экспертиз. В специальной литературе рассматривался вопрос о коллективном внутреннем убеждении экспертов, которое было бы возможным при даче заключения от имени экспертного учреждения как юридического лица [3, с. 80-83]. Хотя следует отметить, что этот вопрос не нашел применения.

Все это свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки вопросов, связанных с формированием внутреннего убеждения судебного эксперта.

В.П. Колмаков более 70 лет назад отмечал, что внутреннее убеждение эксперта – это «не инстинкт, не безотчетная интуиция; это – сознательно и свободно сложившееся убеждение, имеющее объективные основания, позволяющие сделать только один – истинный – вывод» [8, с. 28]. Его мысли относительно формирования внутреннего убеждения судебного эксперта, о котором речь будет идти ниже, интересны и для нашего времени.

Вместе с тем, в специальной литературе встречаются различные точки зрения на природу и понятие внутреннего убеждения судебного эксперта. Даже имеются факты различных толкований этого понятия одними и теми же авторами. Так, например, А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская, утверждая, что одним из направлений в разработке судебной экспертологии является учение о субъекте судебной экспертизы, не возражали против существования такой категории, как внутреннее убеждение судебного эксперта, которое характеризовали как субъективную основу «для принятия решения в результате творческого мышления, владения специальными познаниями и правильным диагностированием исследуемых объектов» [5, с. 42]. Позже они же утверждали, что внутреннее убеждение следует понимать только как исключительную компетенцию лица, ведущего производство по делу, то есть следователя и судьи, и которое безусловно не адресовано судебному эксперту,

к функциям которого не принадлежит ведение производства по делу [4, с. 33].

А.Р. Ратинов, исследуя вопрос о внутреннем убеждении субъекта доказывания, отмечал, что оно «в качестве завершающего итога оценки доказательств имеет гносеологический, логический и психологический аспект» [10, с. 478]. Данный подход может быть применен и к внутреннему убеждению судебного эксперта. По своей сути внутреннее убеждение судебного эксперта – это его субъективная уверенность, глубокая убежденность в достоверности фактов, которые были установлены в процессе проведения судебной экспертизы.

Существует мнение, что «правосознание и совесть являются ориентирами формирования внутреннего убеждения» [13, с. 3]. По нашему мнению данное утверждение в большей степени подходит к субъекту доказывания, а не к судебному эксперту, поскольку судебный эксперт в процессе проведения исследования и получения достоверных выводов должен ориентироваться в первую очередь на использование экспертных методик, прошедших валидацию и сертификацию, на свои специальные знания и навыки. Не последнюю роль играет его добросовестность и такие личностные качества как аналитический характер мышления, умение логически мыслить, наблюдательность, решительность и т.д. В этом и заключается роль гносеологических, логических и психологических факторов в формировании внутреннего убеждения судебного эксперта.

В связи с этим уместно вспомнить утверждение В.П. Колмакова о том, что решающее значение в формировании заключения судебного эксперта приобретают такие факты как: высокая подготовленность и практический опыт судебного эксперта; мотивированность и логичность суждений судебного эксперта, на основании чего строится его уверенность в достоверности полученных выводов [8, с. 30].

А.Р. Шляхов совершенно справедливо отмечал, что «субъективность суждений эксперта не означает их необоснованности, недостоверности» [14, с. 97]. Обоснованность внутреннего убеждения судебного эксперта заключается в том, что выводы должны быть основаны «на полном, всестороннем, научно обоснованном и объективном исследовании» [1, с. 336].

«Внутреннее убеждение судебного эксперта является субъективным результатом его психологической деятельности при производстве экспертизы», оно основано «на объективных результатах проведенного им исследования» [2, с. 149]. Это означает, что внутреннее убеждение, будучи категорией субъективной, имеет объективное основание. По мнению Р.С. Белкина внутреннее убеждение судебного эксперта – «категория субъективная, имеющая прочную объективную базу» [3, с. 80].

Следует отметить, что само внутреннее убеждение судебного эксперта, формируясь как субъективно-объективная категория, развивается по философскому закону единства и борьбы противоположностей. В частности, без убежденности и уверенности в правильности выбранного пути исследования – экспертной технологии (подразумеваются способы и приемы,

методики исследования, технические средства, экспертные программы и т.д.) не может быть и убежденности в том, что полученные результаты объективны и достоверны. Вместе с тем, может быть и ложная убежденность, т.е. судебный эксперт может в чем-то заблуждаться в силу своей недостаточной компетентности, однако при этом, используя не тот прием или способ, может прийти хоть и случайно, но к достоверному результату. Вряд ли в данном случае результат можно считать объективным в понимании внутреннего убеждения судебного эксперта. Следовательно, убежденность судебного эксперта должна быть истинной.

Исходя из этого, внутреннее убеждение судебного эксперта должно рассматриваться как структурированная система, состоящая, как было указано выше, из гносеологических, логических, психологических и процессуальных аспектов, которые в свою очередь являются подсистемами.

Из теории систем известно, что вычленение одного элемента из системы не позволяет работать всей системе. Поэтому в приведенном примере при недостаточной компетентности, недостаточном опыте судебного эксперта хоть и получен положительный результат, однако это является случайностью, а не закономерностью. Опыт судебного эксперта, его компетентность должны быть достаточными для решения всех вопросов, входящих в предмет исследования судебной экспертизы соответствующего вида.

Формирование внутреннего убеждения судебного эксперта проходит ряд этапов по мере выполнения судебной экспертизы. Судебная экспертиза, как известно, выполняется по следующей схеме: подготовительная стадия; основное исследование, включающее аналитическую, сравнительную, синтезирующую стадии; заключительная стадия.

На подготовительной стадии судебный эксперт знакомится с представленными на экспертизу материалами и объектами, поставленными вопросами, осознает экспертную задачу, анализирует исходные данные, формирует общее представление о состоянии и признаках объектов, представленных на исследование, выдвигает рабочие гипотезы, намечает порядок исследования, подбирает необходимые методики для проведения исследования, при назначении идентификационной экспертизы определяет, достаточны и пригодны ли объекты для идентификации.

На аналитической стадии в ходе изучения предоставленных на судебную экспертизу материалов экспертом проводится отдельный анализ объектов, представленных на исследование, изучаются свойства этих объектов. На основании этого устанавливаются общие и частные признаки. На данной стадии существенным фактором является наличие уверенности судебного эксперта в правильности определения указанных признаков, поскольку это важно для дальнейшего исследования.

Сравнительная стадия, основной задачей которой является определение совпадающих и различающихся признаков, состоит из двух этапов. На первом этапе проводится сравнение общих признаков, которое в основном позволяет определить только родовую или групповую принадлежность объекта. После

этого проводится сравнение частных признаков, что может позволить судебному эксперту сделать вывод о тождестве, т.е. идентифицировать объект. На данной стадии важной является не только уверенность судебного эксперта в правильности оценки признаков, а и его настойчивость в решении идентификационной задачи, поскольку именно оценка признака как общего или как частного в данном случае играет существенную роль. Иначе говоря, неверное определение судебным экспертом принадлежности признака или неверная его оценка может привести к недостоверному выводу. Уверенность судебного эксперта должна обеспечиваться не только его компетентностью, профессионализмом, но и умелым применением разнообразных технических средств и методов исследования.

На синтезирующей стадии судебный эксперт выясняет, все ли существенные факторы учтены, если что-то не учтено, то, как это влияет на выводы, вытекающие из проведенных исследований. На данной стадии судебный эксперт проводит синтез всех результатов, полученных в процессе исследования, дает научное обоснование полученных результатов.

На заключительной стадии проводится оценка всех результатов исследования и формулирование выводов судебной экспертизы.

Внутреннее убеждение судебного эксперта присуще каждой стадии выполнения судебной экспертизы. Наиболее важно оно для синтезирующей и заключительной стадий, поскольку внутреннее убеждение судебного эксперта является «эмоционально-интеллектуальным состоянием его уверенности в собственной оценке результатов исследования, проведенного при правильном применении имеющихся у него специальных знаний и навыков» [7, с. 9].

Выводы. Поскольку специальные знания, методы и методики исследования, а также порядок, установленный процессуальным законодательством, хотя применяются и оцениваются судебным экспертом, но существуют независимо от его воли и от его субъективного отношения к ним, следует прийти к выводу о том, что гносеологический, логический и процессуальный аспекты являются объективными критериями внутреннего убеждения судебного эксперта.

Поэтому в судебно-экспертной деятельности не только не исключается, но и играет существенную роль такой субъективный фактор, как внутреннее убеждение судебного эксперта, основанное на объективных данных, полученных в процессе исследования объектов экспертизы.

Список литературы

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: курс общей теории. – М.: Норма, 2006. – 480 с.
2. Арсеньев В.Д. К вопросу о внутреннем убеждении судебного эксперта // Труды ВНИИСЭ. – М.: ВНИИСЭ, 1973. – Вып. 5. – С. 147-173.
3. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. – М.: Юридическая литература, 1988. – 304 с.

4. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. К вопросу о внутреннем судебном убеждении и убежденности судебного эксперта // Вопросы судебной экспертизы. – 1982. – Вып. 23. – С. 29-40.
5. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз): уч. пособие; отв. ред. Б.А. Викторов. - Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979.- 184 с.
6. Галкин В.М. О принципах судебной экспертизы по уголовным делам // Труды ВНИИСЭ. – М.: ВНИИСЭ, 1970. – Вып. 2. – С. 76-93.
7. Дьяконова О.Г. Формирование внутреннего убеждения эксперта и его влияние на экспертные ошибки // Эксперт-криминалист.- 2013-№ 4.- С. 8-9.
8. Колмаков В.П. О внутреннем убеждении советского судебного эксперта [доклад на научном совещании криминалистов во Всесоюзном институте юридических наук, 1948 г.] // Вопросы советской криминалистики [Сборник статей] / [Ред. д-р юрид. наук А.И. Винберг]; Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. – М.: Гос. издательство юридической литературы, 1951. – С. 26-30.
9. Корневский Ю.В. Доказывание в уголовном процессе (закон, теория, практика) // Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность / [Ю.В. Корневский, Н.М. Кипнис, Е.Ю. Львова и др.]; Под ред. В.А. Власихина. – М.: Юристъ, 2000. – С. 7-167.
10. Ратинов А.Р. Внутреннее убеждение при оценке доказательств // Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. – Изд. 2-е исп. и доп. – М.: Юрид. лит., 1973. – 736 с.
11. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. – М.: Издательство «Наука», 1968. – 470 с.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики. – Донецк: Издательский дом «Эдит», 2018. – 196 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatyey/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
13. Шевцов С.Г. Усмотрение и убеждение в правоприменении // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 12. – С. 2-4.
14. Шляхов А.Р. Структура экспертного исследования и гносеологическая характеристика выводов эксперта-криминалиста // Труды ВНИИСЭ. – М.: ВНИИСЭ, 1972. – Вып. 4. – С. 3-112.

УДК 341.3

А.В. Броварь, д-р истор. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: aleksandrbrovar@rambler.ru)

А.Ю. Гордеева, аспирант, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: 34061990@mail.ru)

С.И. Бондаренко, студент магистратуры, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: snezhana_bondarenko_1998@mail.ru)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕЖИМА ПОЛЕТОВ НАД АНТАРКТИКОЙ И АРКТИКОЙ. РАЗВИТИЕ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы международно-правового регулирования полетов над Антарктикой и Арктикой, континентальным шельфом, а также государственная политика в Арктическом регионе и механизмы ее реализации, система мер стратегического прогнозирования, планирование социально-экономического развития Арктической зоны России и укрепление национальной безопасности.

Ключевые слова: Конвенция о международной гражданской авиации, Международная организация гражданской авиации (ИКАО), Антарктика, Арктика, континентальный шельф, Северный Ледовитый океан, Северный Полюс.

Brovar, A.V.,

Gordeeva, A.Yu.,

Bondarenko, S.I.

LEGAL REGULATION OF FLIGHTS OVER ANTARCTICA AND THE ARCTIC. DEVELOPMENT OF THE ARCTIC TERRITORIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with issues of international legal regulation of flights over the Antarctic and Arctic, the continental shelf, as well as state policy in the Arctic region and mechanisms for its implementation, a system of strategic forecasting measures, planning of socio-economic development of the Arctic zone of Russia and strengthening national security.

Key words: Convention on international civil aviation, international civil aviation organization (ICAO), Antarctica, Arctic, continental shelf, Arctic Ocean, North Pole.

В результате исследований, начатых правительством Соединенных Штатов, и последующих консультаций между главными союзниками Второй мировой войны, правительство США направило приглашение 55 государствам или властям принять участие в Международной конференции гражданской авиации в Чикаго в ноябре 1944 года.

В ответ на приглашение правительства Соединенных Штатов представители 54 стран встретились в Чикаго с 1 ноября по 7 декабря 1944 года

чтобы «договориться о немедленном создании временных воздушных маршрутов и услуг в мире» и «создать временный совет по сбору, регистрации и изучению данных, касающихся международной авиации, и по разработке рекомендаций по ее совершенствованию». Конференции также было предложено «обсудить принципы и методы, которым необходимо следовать при принятии новой авиационной конвенции».

Как итог, 7 декабря 1944 года 32 государства подписали Конвенцию о международной гражданской авиации (также известную как Чикагская конвенция) [1]. Принятая Конвенция учредила постоянную Международную организацию гражданской авиации (ИКАО) в качестве средства обеспечения международного сотрудничества с максимально возможной степенью единообразия в правилах и стандартах, процедурах и организации, касающихся вопросов гражданской авиации.

На Чикагской конференции были подписаны следующие документы: Временное соглашение о международной гражданской авиации; Международное соглашение о транзите услуг; Международное соглашение о воздушном транспорте; Проекты 12 приложений к Чикагской конвенции; Стандартная форма двустороннего соглашения об обмене воздушными маршрутами и услугами [2].

По сути, наиболее важной работой, проделанной Чикагской конференцией, была техническая область (12 приложений), в связи с тем, что Конференция заложила основу для набора правил и положений, касающихся аэронавигации в целом, что обеспечило безопасность полетов на ближайшее будущее и позволило проложить путь для применения единой аэронавигационной системы во всем мире. Более того, Конференция помогла успешно выполнить две основные задачи: содействовать началу международных воздушных перевозок, как только мировая военная ситуация позволит способствовать упорядоченному и здоровому развитию международной гражданской авиации в послевоенное время.

В связи с необходимыми задержками с ратификацией Конвенции, Конференция подписала Временное соглашение, которое предусматривало создание Временной международной организации (PICAО) технического и консультативного характера с целью сотрудничества в области международной гражданской авиации. Эта организация работала с августа 1945 года по апрель 1947 года, после чего была создана постоянно действующая ИКАО. По сути, переход с PICAО на ICAO был всего лишь формальностью.

Что касается непосредственно Чикагской конвенции – её 96 статей устанавливают привилегии и ограничения всех Договаривающихся государств и предусматривают принятие международных стандартов и рекомендуемой практики (SARPS), регулирующих международный воздушный транспорт. В Конвенции признается принцип, согласно которому каждое государство обладает полным и исключительным суверенитетом над воздушным пространством над своей территорией, и предусматривается, что никакие регулярные международные воздушные перевозки не могут выполняться над

или на территории Договаривающегося государства без его предварительного согласия. Цели и задачи ИКАО, изложенные в статье 44 Чикагской конвенции, заключаются в разработке принципов и методов международной аэронавигации и содействии планированию и развитию международного воздушного транспорта.

Хотя Совет несет ответственность за принятие SARPS и утверждение процедур аэронавигационного обслуживания (PANS), основным органом, занимающимся их разработкой, является Аэронавигационная комиссия ИКАО. Комиссия состоит из 15 человек, которые имеют квалификацию и опыт в науке и практике аэронавтики. Его члены назначаются Договаривающимися государствами и Советом. Они действуют в своем личном экспертном качестве, а не как представители своих номинантов. Комиссии помогают небольшие группы экспертов, назначаемых Договаривающимися государствами и международными организациями и утверждаемые Комиссией.

ИКАО работает в тесном сотрудничестве с другими специализированными учреждениями Организации Объединенных Наций, такими как Международная морская организация, Международный союз электросвязи и Всемирная метеорологическая организация. Другие международные организации, в том числе Международная ассоциация воздушного транспорта, Международный совет аэропортов и Международная федерация ассоциаций пилотов воздушных линий, принимают участие во многих совещаниях ИКАО.

С 1944 года Чикагская конвенция доказала свою жизнеспособность, предоставив достаточно гибкую структуру, позволяющую ИКАО успешно выполнять возложенные на нее обязанности. Однако сегодня перед международной гражданской авиацией стоят серьезные проблемы. ИКАО крайне необходимо адаптироваться в рамках Конвенции к быстро меняющимся обстоятельствам, включая следующее:

- глобализация и транснационализация рынков и операций;
- терроризм и использование самолетов в качестве оружия;
- появление региональных и субрегиональных торговых и регуляторных блоков;
- коммерциализация государственных поставщиков услуг;
- диверсификация фискальных мер для удовлетворения бюджетных потребностей;
- потенциальное уклонение от регулирования безопасности (наряду с трудовым, конкурентным и иным регулированием) как следствие размывания отраслевых границ и ответственности соответствующих органов.

21 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла Конвенцию о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений [3]. Ее целью было единообразное регулирование двусторонних отношений между принимающим государством и международными организациями. Однако эта Конвенция считалась слишком общей и никогда не получала всеобщего признания. Канада не стала

участником Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений 1947 года, однако в Соглашении о штаб-квартире между Канадой и ИКАО от 14 апреля 1951 года были четко изложены принципы и формулировка этой Конвенции.

Таким образом, Международная организация гражданской авиации (ИКАО) является единственным специализированным учреждением Организации Объединенных Наций со штаб-квартирой в Канаде. Основанная в 1944 году, с постоянной штаб-квартирой в Монреале, ИКАО сыграла важную роль в международной деятельности Канады.

В то же время ИКАО наложила особые правовые требования и проблемы на правительство Канады. Правовые решения, применяемые к ИКАО, представляют собой уникальный случай в канадском законодательстве, который требует особого внимания и творческих решений. Особенность канадских федеральных и провинциальных законов и нормативных актов еще больше усложнила решение, представленное в Соглашении между ИКАО и Канадой. Принимая Соглашение и договоренность, Канада продемонстрировала готовность выступать в качестве хозяина Международной организации гражданской авиации и учитывать ее особые потребности.

Ввиду своей первостепенной важности, безопасность полетов является смыслом существования ИКАО. В соответствии с Чикагской конвенцией, в соответствии с принципом, согласно которому каждое государство обладает полным и исключительным суверенитетом над воздушным пространством над своей территорией, каждое договаривающееся государство несет ответственность за обеспечением безопасности полетов на своей территории.

То же самое относится и к зарегистрированному в нем воздушному судну. Вместе с тем следует отметить, что принцип полного и исключительного суверенитета, который остается краеугольным камнем современного международного воздушного права, не является изобретением Чикагской конвенции и поэтому не может рассматриваться как ее достижение. Этот принцип был заложен в Парижской конвенции 1919 года[5], и поэтому статья 1 Чикагской конвенции носит чисто декларативный характер. Чикагская конференция, а также заключенная на ней Конвенция были бы излишними, если бы цель конференции была ограничена подтверждением принципа суверенитета. На самом деле Конференция преследовала более высокие цели, вытекающие из интересов международного сообщества, а именно: обеспечить, чтобы «международная гражданская авиация могла развиваться безопасным и упорядоченным образом». Как сказал президент Соединенных Штатов Франклин Делано Рузвельт, цель конференции состояла в том, чтобы все страны «работали вместе, чтобы человечество могло использовать воздух для служения человечеству ...».

Многие из основателей ИКАО, возможно, предусмотрели план, который будет выходить за рамки правил безопасности. Действительно, в 1944 году была предпринята серьезная попытка разработать многосторонний экономический механизм для справедливого определения маршрутов,

мощностей и тарифов и тем самым превратить ИКАО в международный орган экономического регулирования. История ИКАО показала, что она не является таким регулирующим органом. Что касается правил безопасности, то видение Чикагской конференции в 1944 году оказалось успешным.

Прежде всего, Чикагская конференция заложила правовую основу для регулирования безопасности, которая действует до сих пор. Соображения безопасности пронизывают всю Конвенцию. Помимо Преамбулы и Статьи 44, существует множество других положений, которые призваны повысить безопасность полетов. Одним примечательным примером является 3 пункт статьи, который предусматривает, что договаривающиеся государства обязуются при издании правил для своих государственных воздушных судов должным образом учитывать безопасность гражданских воздушных судов.

Поскольку государственные воздушные суда включают военные и полицейские воздушные суда, регулирование полетов этих воздушных судов может рассматриваться в качестве основных элементов суверенных прав, которые государство будет ревностно защищать от вмешательства извне. Несмотря на это, стороны Конвенции смогли на раннем этапе развития международной гражданской авиации признать, что свобода осуществления суверенных прав во внутренних делах может подвергаться определенным ограничениям. Соображения безопасности для гражданских воздушных судов могут представлять собой такое ограничение.

Одной из важных особенностей рамок Чикагской конвенции является упор на единообразие стандартов, что позволяет повысить безопасность полетов. Разработчики Конвенции грамотно разработали инновационную систему, в соответствии с которой Совет ИКАО может принять международные стандарты и применять их ко всем государствам-членам, если только они не уведомят ИКАО о том, что они не могут их соблюдать. Эта система, которая нацелена на единообразие и допускает определенную гибкость, преодолела слабость Парижской конвенции и доказала, что является очень ценным активом ИКАО [5, стр. 61].

В дополнение к правовой базе для регулирования безопасности, на Чикагской конференции была также создана институциональная основа, а именно ИКАО. Создание механизмов так же важно, как и основной вопрос.

ИКАО не только предоставляет государствам-членам форум для согласованных действий по вопросам безопасности, но и предоставляет институциональные механизмы для достижения целей и задач Чикагской конвенции. Институциональные структуры ИКАО включают пленарный орган - Ассамблею; постоянный орган, ответственный перед Ассамблеей - Совет; и Секретариат, возглавляемый Генеральным секретарем Организации. Совет ИКАО уникален в системе Организации Объединенных Наций, поскольку его члены проживают круглый год в том месте, где ИКАО имеет свои Штаб-квартиры для наблюдения за общей повседневной деятельностью организации. Одной из обязательных функций Совета, касающихся безопасности, является

принятие и изменение Приложений к Чикагской конвенции, в которых содержатся международные стандарты и рекомендуемая практика.

Приложения постоянно пересматриваются и дополняются для того, чтобы идти в ногу с новыми разработками и передовыми технологиями. Когда ИКАО отмечала свое 50-летие, число поправок к приложениям достигло почти 800. Как уже упоминалось ранее, ИКАО предприняла инициативы по усилению защиты гражданских воздушных судов в полете от определенных военных операций.

Арктикой (в России также – Заполярьем) называют северный полярный регион нашего земного шара, он располагается к северу от северного Полярного круга, который находится в $66^{\circ}33'44''$ ($66,5622^{\circ}$) параллели северной широты. Сюда же входят северные территории континентов – Америки, Европы, Азии. Самая большая часть Арктики – это океанские просторы вместе с островными образованиями.

Такие пространства имеют разный правовой статус и режим использования. В настоящее время любое из известных (то есть открытых) наземных образований арктической территории находится под исключительным суверенитетом одного из государств, имеющих выход к Северному Ледовитому океану. Это США, Канада, Дания (Гренландия), Норвегия и Россия.

Отдельные положения о разграничении пространственной сферы и, соответственно, о правовом режиме Арктики приняли только две страны - СССР и Канада. Российская Федерация - правопреемница СССР над своим арктическим пространством, продолжала издавать ряд актов, касающихся правового статуса этого пространства (его различных частей) и концепции правового режима Арктики. К таким актам относится ряд законов федерального значения, касающихся государственной границы Российской Федерации, ее внутренних морских вод, а также прилегающей зоны континентального шельфа и экономической зоны.

Канада сделала первые попытки определить правовой режим Арктики и законодательно закрепить свои претензии на пространство, прилегающее к основной территории государства. Следует отметить, что формально ни одно из арктических государств не претендовало на весь комплекс морских и сухопутных пространств указанного региона. В то же время в юридической практике в отношении международно-правового режима Арктики долгое время утверждалось мнение о распространении полномочий этих стран на территорию каждого из арктических секторов, прилегающих к их побережьям, вершины которых сходятся на Северном полюсе.

Этот подход, получивший название «теория секторов», не получил должного официального закрепления в национальных правилах или международных договорах. Такие термины - «полярный сектор» или «арктический сектор» - не используются ни в одном официальном международно-правовом документе. Законодательные акты, принятые СССР и Канадой в области международно-правового режима Арктики, касаются

закрепления полномочий этих стран только за теми сухопутными образованиями (материковыми и островными), которые расположены на прилегающем пространстве. Даже особый правовой статус, присвоенный архипелагу Шпицберген (закрепляющий признание суверенитета Норвегии), закрепленный в многостороннем международном договоре, не влияет на прилегающие морские пространства. Это основные особенности правового режима Арктики.

Если говорить о правовом статусе северного морского пространства в целом, то в его основе лежат принципы и нормы общего международного права, касающиеся Мирового океана, которые закреплены в Женевских конвенциях 1958 г. и Конвенции ООН (принята в 1982) по морскому праву. В свете этих международных соглашений о правовом режиме Арктики юрисдикция и суверенитет всех полярных государств распространяется не на всю территорию каждого из соответствующих секторов, а только на часть океанских вод, прилегающих к одному из сухопутных образований этих стран или омывающие их.

Речь идет о внутренних водах, континентальном шельфе, исключительной и прилегающей экономической зоне, территориальном море, международном районе морского дна или существующих проливах, которые перекрываются территориальным морем прибрежных стран и не используются в качестве международных морских коммуникаций.

VI статья Договора об Антарктике (1959 г.) определяет территориальные границы его действия по отношению к району, расположенному южнее шестидесятой параллели южной широты. Следовательно, указанный в Конвенции регион включает в себя все пространства – воздушные, водные, островные и континентальные, которые с севера ограничены этой условной линией - географической параллелью 60° южной широты. В пределах этого региона права любого государства, в том числе и полеты гражданских воздушных судов, осуществляются в соответствии с положениями международно-правового договора об открытом море и выполняя требования ИКАО [6].

В Основах государственной политики Российской Федерации в Арктическом регионе на период до 2020 года и на последующий период, подписанных Президентом России 5 марта 2020 года (Пр-164), определены основные цели, ключевые задачи и стратегические приоритеты России [7]. Также подотчетный Министерству экономического развития Совет по изучению производительных сил и Российская академия наук разработали проекты концепций Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) и поддержки национального развития безопасности на период до 2020 года, а также Государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» на тот же период. Цель двух документов - способствовать реализации положений Основ и повышение эффективности решения приоритетных задач.

Концепции исходят из постулата о том, что географическое положение, создающее предпосылки для активного использования арктических пространств, является фактором чрезвычайной значимости для дальнейшего устойчивого развития АЗРФ и Российской Федерации в целом. Российская Федерация могла бы провести стратегический маневр и взять на себя роль конкурентоспособного транзитного государства с развитой отраслью услуг и ориентированной на услуги экономикой.

У АЗРФ появился шанс кардинально пересмотреть специализацию своей внешней торговли в течение следующих десяти-двенадцати лет.

Перспективным направлением деятельности может стать полномасштабная реализация потенциала транзитных перевозок за счет развития системы международных транспортных коридоров, пересекающих территории и акватории, находящиеся под юрисдикцией России.

Строительство железнодорожной линии между станциями Полуночная и Обская, достройка линии между Обской и Бованенково с последующим выходом на порт Харасавей, ввод в эксплуатацию железнодорожного коридора Надым-Салехард до Лабытнанги и строительство линии Коротчаево и Игарка с будущим выходом к порту Дудинка в устье реки Енисей и городу Норильск свяжут рудные ресурсы Арктического Урала и нефтегазодобывающие территории полуострова Ямал с хорошо развитыми частями индустриального Урала. Кроме того, появляется все больше возможности для создания маршрутов через Северный полюс, в том числе воздушных путей, поскольку они обеспечивают самое быстрое сообщение между Восточным и Западным полушариями.

Список использованных источников

1. Конвенция о международной гражданской авиации (Чикаго, 7 декабря 1944 года) (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://base.garant.ru/2540490/>
2. Приложения к Чикагской конвенции [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://dream-air.ru/>
3. Конвенция о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений. Принята резолюцией 179 (II) Генеральной Ассамблеи от 21 ноября 1947 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/specagencies_privileges.shtml
4. Конвенция о регулировании воздушных передвижений, подписанная в Париже 13 октября 1919 года [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901976800>
5. Лахтин В.Л. Проблема суверенитета государств на воздушное пространство/ В.Л. Лахтин, Научно-исследовательский институт иностранной библиографии, 1932. 61.
6. Договор об Антарктике [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1901494>
7. Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. N 164 "Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года"

[Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/>.

УДК 341.4

А.В. Броварь, д-р истор. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: aleksandrbrovar@rambler.ru)

В.А. Степанов, студент магистратуры, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: 21linasovna@gmail.com)

ПРИЗНАНИЕ ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (НА ПРИМЕРЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ)

В статье представлен анализ проблемы определения статуса непризнанных государств (на примере Донецкой Народной Республики), которая является одной из самых сложных в международно-правовой практике. Большое внимание уделяется историческим предпосылкам возникновения данной проблемы и прогнозу ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: непризнанное государство, признание государства, ООН, Донецкая Народная Республика.

Brovar, A.V.,

Stepanov, V.A.

RECOGNITION OF STATES IN THE MODERN WORLD (ON THE EXAMPLE OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC)

The article gives an analysis of the problem of determining the status of unrecognized states (on the example of the Donetsk People's Republic), which is one of the most difficult in the international legal practice. Much attention is given to historical background of this problem and the forecast of its further development.

Key words: Unrecognized state, recognition of the state, UN, Donetsk People's Republic.

Актуальность исследования заключается в том, что не все государства в настоящее время признаны международным сообществом. Проблема непризнанных государств привлекает внимание многих дипломатов, политиков и ученых в области международного права.

Проанализировав ряд документов и резолюций таких международных организаций, как Организация по Безопасности и Сотрудничеству Европы (ОБСЕ), Организация Объединенных Наций (ООН) и других, нами было обнаружено, что самым распространенным термином для обозначения новых государств/государство подобных образований, которые не признаются международным сообществом, служит термин «непризнанное государство». В частности, представители миссии ОБСЕ, ООН и других международных организаций во время своих заявлений и выступлений используют именно вышеупомянутый термин.

Непризнанное государство – это общее название для образований, которые, обладая всеми признаками государственности (Конституция, правительство, вооруженные силы и т. д.), не имеют международного признания и не могут выступать в качестве субъекта международных отношений. Они не имеют дипломатического признания большинством государств-членов ООН. Не следует забывать, что это понятие очень условно, и среди ученых нет единого подхода к определению «государственности».

Целью исследования является изучение проблемы определения статуса непризнанных государств (на примере Донецкой Народной Республики), которая является одной из самых сложных в международно-правовой практике.

В международно-правовой практике вопрос о признании и непризнании государств является одним из самых сложных. В отношении механизмов международно-правового признания государств международное сообщество до сих пор не пришло к консенсусу. Символом признания в современной системе международных отношений стало членство в ООН.

Анализируя процесс появления феномена непризнанных государств/государство подобных образований, необходимо учитывать, что существует целый ряд причин, которые могут обуславливать процессы их возникновения на территории современных суверенных государств. В частности, можно назвать следующие: геополитические, политические, правовые, этнокультурные и социально-экономические причины, историческую подоплеку и тому подобное. По нашему мнению, в свою очередь, их можно классифицировать на «перманентные причины» (то есть те, которые действуют постоянно и влияние которых нельзя избежать) и «переменные причины» (то есть те, что возникают ситуативно и действие которых можно уменьшить или вообще устранить).

Анализ соответствующей научной литературы свидетельствует, что феномен непризнанных государств в международно-политической практике появился достаточно давно, однако исследовать его начали лишь во второй половине XX века. Более того, есть основания утверждать, что феномен непризнанных государств – это не просто новая тенденция, а историческая закономерность. Подтверждением этого можно считать многочисленные факты, теперь уже несколько подзабытые или специально не упоминаемые, о том, что почти все современные государства прошли сложные и противоречивые процессы самоопределения, самопровозглашения независимости и признания, а некоторые из них – и длительного непризнания. Типичные и показательные примеры: США провозгласили свою независимость в 1776 г., а были признаны лишь в 1783 г.; Нидерланды получили юридическое признание только в 1648 г., то есть через 70 лет после обретения фактической независимости. Стоит внимания и тот факт, что по состоянию на 1910 г. в мире существовало лишь 15 нынешних государств членов ООН. Почти все остальные государства-члены ООН прошли через сложную, противоречивую и иногда довольно длительную стадию формирования государственности: самопровозглашение и получение международного признания.

Актуализация феномена непризнанных государств представляет для международного сообщества глобальную проблему, урегулирование которой не всегда под силу даже таким влиятельным и могущественным организациям, как ООН и НАТО. Тем более, что для международного признания вновь созданного государства недостаточно лишь волеизъявления (например, в ходе референдума) большинства населения обособленной территории. Согласно международному опыту последних лет, правовые процедуры (всенародные референдумы о независимости или референдумы о самоопределении, демократические выборы, принятие цивилизованных законов и др.) являются достаточно важными для получения признания, но, доминирующим фактором в принятии решения о признании/непризнании остаются геополитические интересы мощных государств или их объединений.

Кроме того, существуют основания полагать, что ныне относительная устойчивость феномена непризнанных государств, постоянно присутствующих на международной арене, требует новых подходов для исследования. Необходимо подчеркнуть, что основательных специальных работ, посвященных анализу процессов образования новых непризнанных государств в современных условиях (а именно в условиях глобализации, глокализации и информационных войн), в отечественной науке, насколько нам известно, пока нет.

Проведенный анализ актуальности и состояния исследования феномена непризнанных государств, дает основания утверждать, что изучать этот феномен крайне необходимо, но заниматься этим надо объективно и беспристрастно. Следовательно, в целом можно сделать такие обобщения и предположения.

Во-первых, процессы глобализации захватили почти весь мир и проникли во все сферы общества. Как следствие, увеличилось количество этнополитических конфликтов и вооруженных столкновений, связанных с появлением новых непризнанных государств.

Во-вторых, в научных кругах некоторые ученые пытаются определить место непризнанных государств в современных международных отношениях. В частности, возросло и продолжает расти количество статей, книг и монографий, а также конференций и круглых столов по данной теме, что подтверждает ее актуализацию.

В-третьих, было установлено, что феномен непризнанных государств представляет собой длительный, противоречивый исторический процесс, требующий объективного и комплексного исследования.

Целесообразным также будет подчеркнуть, что пока ведутся научно-теоретические дискуссии, актуализация данного вопроса на практике, то есть в современных реалиях, достигла своего апогея. Это свидетельствует о необходимости анализа феномена непризнанных государств с целью предотвращения дальнейшего возникновения новых конфликтов, связанных с непризнанными государствами/государство подобными образованиями, а также с целью формирования рекомендаций по урегулированию проблем появления

непризнанных государств и процесса их признания/ непризнания международным сообществом.

Согласно Уставу ООН, членство в Организации «открыто для всех миролюбивых государств, которые будут придерживаться обязательств, прописанных в Уставе ООН и которые, по мнению Организации, могут и желают выполнять эти обязательства». В кратком изложении процедуру можно резюмировать следующим образом:

1. Государство представляет Генеральному секретарю заявление и письмо, с официальным заявлением о том, что оно принимает на себя обязательства, содержащиеся в Уставе.

2. Заявление рассматривается Советом Безопасности. Рекомендация о назначении считается принятой, если за нее проголосовало 9 из 15 членов Совета, и ни один из 5 постоянных членов, таких как Российская Федерация, Китай, Великобритания, США и Франция – не проголосовали против нее.

3. Если Совет вынесет рекомендацию о приеме, она представляется Генеральной Ассамблее. Для приема нового государства требуется большинство в две трети голосов членов Ассамблеи.

4. Членство вступает в силу со дня принятия решения о приеме.

Признание государства и признание власти, в свою очередь, имеют свои отличия и особенности.

Признание государства, если на международной арене появляется новое независимое государство, возникшее по разным причинам - например, революция или разделение государств. Признание правительства обычно происходит одновременно с признанием нового государства, однако, не всегда - главным критерием в этом случае является эффективность, т.е. фактическое обладание государственной властью на территории. Существует также такое понятие, как «признание правительств в изгнании» или «правительства в изгнании». Эта практика была широко распространена во время Второй мировой войны и в настоящее время используется редко. Также в середине XX века существовало признание групп сопротивления и национально-освободительных движений, но эта практика не распространяется на признание государства или признание правительства в изгнании.

Принцип территориальной целостности и национального самоопределения. В соответствии с этим принципом государства должны уважать территориальную целостность и политическую независимость государства.

Это наиболее известное противоречие, содержащееся в Уставе ООН. Оно заключается в одновременном подтверждении права наций на самоопределение, которое дает народам право определять форму своего существования как государства и запрещает любые попытки нарушения территориальной целостности государств. Иными словами, Декларация принципов запрещает действия, приводящие к распаду государства, но не запрещает признание новых государств, возникших в том числе при распаде. Решение этого вопроса было рассмотрено 4 ноября 2011 года, когда ПАСЕ

приняла Резолюцию № 1832 - «Национальный суверенитет и государственность в современном международном праве: необходимость прояснения вопроса», где было отмечено, что «даже если бы международное право признавало право национальных или этнических меньшинств... такое право не давало бы автоматически права на отделение» [2]. В документе содержится призыв ко всем государствам-членам воздерживаться от признания или какой-либо поддержки структур, которые стали фактической властью на определенных территориях в результате незаконных процессов отделения (особенно поддерживаемых иностранным вмешательством). Этнические, религиозные, языковые меньшинства имеют право на культурную автономию, на уважение их интересов в демократическом государстве, но это не исключает определенной ответственности по отношению к государству, на территории которого они расположены.

Проблемы непризнанных государств в теории и практике международных отношений весьма противоречивы. Феномен таких государственных образований воспринимается как естественное продолжение признания права на самоопределение и конфликта как фактора политического развития. В настоящее время в области политологии существует явная необходимость систематизации существующих подходов и теорий, а также разработки механизмов решения проблем, связанных с появлением государств.

Событием, спровоцировавшим обострение этой проблемы в XX веке, безусловно, является распад Советского Союза. После распада Советского Союза образовалось несколько государственных структур, не признанных международным сообществом – Приднестровская Молдавская Республика, Абхазия, Южная Осетия, Нагорно-Карабахская Республика. Позиция России по отношению к ним лучше всего можно охарактеризовать как прагматичную, основанную на национальных интересах. Так, в 2008 году Российская Федерация продолжала завершать процесс признания Абхазии и Южной Осетии в рамках своих геополитических целей по недопущению активизации деятельности стран НАТО на постсоветском пространстве [5].

Что касается Нагорного Карабаха, то Россия поддерживает баланс отношений, обеспечивая переговорный процесс между Арменией и Азербайджаном.

«Русская весна» 2014 года привела к созданию двух новых непризнанных республик - Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. Исторические обстоятельства, приведшие к борьбе Донецкой Народной Республики за независимость, можно описать следующим образом:

- угроза, возникшая со стороны киевской власти, пришедшей в результате переворота и выражавшей русофобскую политику, подкрепленной фашистской идеологией;

- экономическая самостоятельность региона (мощный промышленный потенциал - во второй половине XX века в регионе появились крупные заводы);

- наличие территории с постоянным компактным населением;

- практический опыт государственного строительства (Донецко-Криворожская Советская Республика в 1918-1919 гг.). В XIX веке, с началом промышленной революции, основой населения Донбасса стали великороссы, которые приехали в этот регион на заработки; к ним постепенно присоединяются и другие этнические компоненты - евреи, белорусы, армяне, которые в значительной степени воспринимали элементы русской культуры. Следствием стал русскоязычный Донбасс, что не было вызвано принудительной русификацией, как принято сейчас считать в Украине, а естественным историческим процессом [3].

Донецкая Народная Республика была провозглашена в Донецкой области Украины весной 2014 года в результате проведения референдума о самоопределении, с целью защиты прав населения Донбасса от киевской власти, которая пришла в результате Евромайдана.

11 мая 2014 г. был проведен референдум по вопросу о самоопределении. Результатом стало сохранение в силе Закона о провозглашении государственной суверенитета от 07.04.2014 года [1].

Во многих случаях осуществление права на самоопределение приводит к конфликтам, и зачастую он носит вооруженный характер. Если цель осуществления права на самоопределение не достигается, то государство, в котором эта самоопределяющаяся территория продолжает существовать, определяется термином «замороженное конфликтное государство».

На сегодняшний день ДНР не получила признания ни от одного государства-члена ООН. Единственным государством, признавшим независимость ДНР, является Южная Осетия, которая сама по себе не является членом ООН и имеет ограниченное признание.

Понятие «непризнанные государства» используется для обозначения самоопределяемых государственных образований. Как правило, они обладают такими атрибутами государственности, как наличие официального названия, государственной символики, контроль над территорией, системы правления (включая органы власти, судебную систему, вооруженные силы) и правовой системы (закрепленной в конституции и других нормативных документах) [11]. Но такие государства еще не получили официального дипломатического признания со стороны государств-членов ООН.

В современной мировой политике признанные государства считаются полноправными участниками таких отношений. Но появление новых государств и межгосударственных альянсов способствует разрушению прежнего мирового порядка [7]. Закрепленный в Уставе ООН принцип права на самоопределение обеспечивает доступ к международно-правовому признанию новых государств – противоречие между принципом самоопределения и принципом нерушимости границ и территориальной целостности, закрепленным в статьях 1 и 2 Устава ООН, основной причиной конфликта, возникающего между самоопределяющимися государствами и государствами, признанными ранее. Обращаем внимание на то, что подобная ситуация сложилась на территории Донбасса. После проведения в мае 2014 года

референдумов о самоопределении территорий, претендующих на политическую независимость, государство Украина не согласилось с их результатами и не признало легитимность волеизъявления народа. Это проявилось в неспособности существующей общественно-политической структуры адаптироваться к реалиям современности [9].

В результате возникла конфронтация, сопровождающаяся значительными, трагическими потерями с обеих сторон. Вместе с тем считаем, что только на основе международного гуманитарного права возможно мирное урегулирование таких конфликтов в современных условиях в силу отсутствия других оснований для согласования интересов конфликтующих новых и давно сложившихся государств. Поэтому для самоопределяющейся стороны в вооруженном конфликте вопрос о международно-правовом признании становится ключевым.

Противоречивые позиции конфликтующих сторон находятся в плоскости квалификации этого конфликта. Международное гуманитарное право выделяет:

- 1) международные вооруженные конфликты;
- 2) вооруженные конфликты немеждународного характера;

3) конфликты смешанного характера, т.е. с вмешательством другого государства [8]. Подчеркиваем, что конфликты по своему содержанию отличаются друг от друга во времени. Соответственно, квалификация конкретного конфликта также характеризуется динамикой и изменчивостью. В качестве основы для квалификации конфликта выбираем предметный состав сторон - его участников. Таким образом, в случае конфликта интересов государств, признанного международным сообществом, такой конфликт квалифицируется как международный. В этом случае международное гуманитарное право дает правовые основания для совершения определенных действий. Например, оно детально определяет порядок обращения воюющих сторон с военнопленными, распределяет лиц, участвующих в конфликте, по группам (комбатанты, некомбатанты, шпионы, наемники и т.д.) [10]. Более сложной выглядит ситуация с квалификацией немеждународного вооруженного конфликта, в котором задействованы правительственные силы, с одной стороны, и повстанцы, с другой. Как правило, отношение последних к целям своей борьбы опосредовано национально-освободительным мотивом.

Таким образом, считаем оправданным положение о том, что население этих территорий ведет борьбу за осуществление своего права на самоопределение [6]. Противоречивые позиции международных сторон в конфликте обусловлены их различным отношением к мотивам сторон. С учетом различных аспектов – исторических, культурных, языковых, религиозных, национальных – позиция воюющей стороны может свидетельствовать об обоснованности международно-правового признания территории, претендующей на политическую независимость. Именно это рассматриваем как способ прекращения вооруженного конфликта на нашей территории. Международно-правовое признание в правовом смысле – это

односторонний акт государства, посредством которого легализуется новый субъект международного права и устанавливаются с ним дипломатические и иные отношения. Только признанное государство может в полной мере взять на себя права и обязанности, основанные на нормах международного права, эффективно участвовать в международном общении и сотрудничестве [11]. Мировой порядок, возникший после Второй мировой войны, закрепил право признания новых государств как суверенное право уже существующих государств. Акт о признании может быть сделан только от имени государства или его правительства. Международное признание обычно осуществляется посредством односторонних действий, которые: а) признают существование государства; б) устанавливают дипломатические отношения между государствами (примером является Указ Президента Российской Федерации от 26 августа 2008 г. № 1260 «О признании Республики Абхазия»). Процедура мирного урегулирования вопроса о признании новых государств имеет правовые прецеденты. В мире уже сложилась практика, на которую можно положиться в рассматриваемой ситуации и сформированы критерии, которым государство должно соответствовать для своего официального признания: 1) соблюдение положений Устава ООН; 2) соблюдение принципа нерушимости границ; 3) уважение прав и свобод человека, построение демократического режима, гарантирование прав этнических и национальных меньшинств; 4) принятие обязательств, связанных с разоружением и нераспространением ядерного оружия; 5) мирное урегулирование региональных споров, в том числе связанных с вопросами правопреемства [10].

Хотя вышеуказанные критерии носят рекомендательный характер, они сыграли решающую роль в признании новых государств в Восточной Европе и бывшем СССР [4]. Концепция признания самоопределяющегося государства содержит комплекс мер, направленных на его международное признание. Построение системного законодательства является базовым. Реализация норм международного права считается основным принципом законотворческого процесса [11]. Нормативно-правовое закрепление основополагающих гуманитарных принципов в законодательстве самоопределяющегося государства будет способствовать реализации концепции его международного признания.

Таким образом, реализация права на самоопределение населением, проживающим на определенной территории, направлена на международное признание самопровозглашенного государства.

На основании проведенного научного исследования работы было установлено, что урегулирование проблем новых государств/государство подобных образований чрезвычайно сложный и спорный вопрос, именно это и обуславливает не нахождение действенных и окончательных путей и методов урегулирования определенных этнополитических конфликтов, связанных с появлением и признанием/непризнанием новых государств/государство подобных образований и нахождения универсальной карты действий в подобных ситуациях.

Ключевым элементом концепции международного признания самопровозглашенного государства является законодательный блок. В нем различаются основные и специальные компоненты. Базовая часть содержит основополагающие нормы международного права и стандарты, признанные международным сообществом, а особая часть законодательного блока отражает интересы населения, реализовавшего свое право на самоопределение, в сферах экономики, политики, культуры, образования, науки и др. Эти интересы определяют содержание той или иной отрасли права и во многом зависят от международно-правовой ситуации, а также требований общества и экономических реалий. Международное признание Донецкой Народной Республики является необходимым условием достижения общепризнанных социальных стандартов на нашей территории.

Список использованных источников

1. Акт о провозглашении государственной самостоятельности Донецкой Народной Республики г.Донецк 07.04.2014 г. // Славянская Громада. - 19 мая 2014 г.
2. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/declhr>
3. Донбасс - предпосылки и предыстория народных республик [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://news.rambler.ru/cis/36398064-donbass-predposylki-i-predystoriya-narodnyh-respublik/?updated>, свободный (дата обращения : 25.11.2019). - Загл. с экрана.
4. Заявление «двенадцати» о будущем статусе России и других бывших республик (Брюссель, Гаага, 23 декабря 1991г.) // «Дипломатический вестник». - № 1. - 15 января. - 1992 г.
5. Идеология: поиски и находки: монография / науч. ред. проф. И.И. Кальной. - М.: Международный издательский центр «Энциклопедия», 2015. 420 с.
6. Международное публичное право: учебник / Л.П. Ануфриева, Д.К. Бекашев, К.А. Бекашев, В.В. Устинов [и др.]; отв. ред. К.А. Бекашев. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. - 784 с.
7. Муза Д. В преддверии новой российской империи: некоторые интуиции, наблюдения и оценки // Идеология Отечества. - Сборник статей. - М.: Международный издательский центр «Энциклопедия», 2015. - 164 с. - С. 64-76.
8. Николаев, Д. Г. Феномен непризнанных государств в мировой политике [Электронный ресурс] / Д. Г. Николаев // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. - 2010. -№1.- С.27-41. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-nepriznannyh-gosudarstv-v-mirovoy-politike/viewer>,свободн. (дата обращения: 18.11.2019).
9. Толстых В.Л. Курс международного права: учебник. - М.: Волтерс Клувер,

2009. - 1056 с.

10. Устав Организации Объединенных Наций от 26.06.1945 г. - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>
11. Холина Е.А. Формы и критерии признания государств // Пробелы в российском законодательстве. - № 3/2012. - С. 218-222.

УДК 378.014:15

А.Ю. Гордеева, аспирант, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: 34061990@mail.ru)

Р.А. Билялов, студент магистратуры, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: putnik2019@mail.ru)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВА НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Статья посвящена особенностям эволюции права народов на самоопределение, разграничены внутренний и внешний аспекты реализации этого права. Исследование права народов на самоопределение приобретает всё большую актуальность в современном международном праве. Процесс деколонизации завершился, эпоха огромного подъёма национально-освободительных движений, казалось бы, подошла к концу, но тема ничуть не утратила своей актуальности.

Ключевые слова: право на самоопределение, правоотношения, государство, народ, национально-этнические меньшинства, политические права.

Gordeeva, A.Yu.,

Bilyalov, R.A.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE RIGHT OF PEOPLES TO SELF-DETERMINATION

The article is devoted to the peculiarities of the evolution of the right of peoples to self-determination, the internal and external aspects of the implementation of this right are distinguished. The study of the right of peoples to self-determination is becoming increasingly relevant in modern international law. The process of decolonization is over, the era of a tremendous upsurge of national liberation movements, it would seem, has come to an end, but the topic has not lost its relevance.

Key words: the right to self-determination, legal relations, state, people, national and ethnic minorities, political rights.

Рассматривая особенности эволюции права народов на самоопределение, целесообразно разграничить внутренний и внешний аспекты реализации этого права. Такое разграничение необходимо еще и потому, что рассмотрение реализаций права на самоопределение преимущественно во

внутреннем аспекте, то есть в аспекте регулирования правоотношений между государством и проживающими в нем народами и нацменьшинствами само по себе является одной из тенденций современного толкования права на самоопределение. Указанная тенденция может быть сформулирована следующим образом: право на самоопределение во внутреннем аспекте понимается как реализация представителями всех народов, национально-этнических меньшинств и других социальных общностей многонациональных государств прав, связанных с государственным суверенитетом.

Основная роль принадлежит обеспечению политических прав, включая «право участвовать в полной мере в соответствии с демократическими процедурами принятия решений каждого государства в политической, экономической, социальной и культурной жизни своих стран, в том числе на основе демократического участия в работе директивных и консультативных органов на национальном, региональном и местном уровнях, в рамках политических партий и ассоциаций» [1, С. 686].

В частности, подчеркивая взаимосвязь между реализацией права народов на самоопределение и уровнем обеспечения в демократическом государстве политических прав, было отмечено: «Если... после ликвидации колониальной системы самоопределение по своему действию действительно превратится в универсальный принцип, то в дальнейшем его развитие должно происходить в рамках внутренней системы самоуправления, т.е... в пределах существующих государств и в целях защиты демократического правления и этнических меньшинств» [2, С. 475;67].

Рассмотрение права на самоопределение народов, преимущественно в аспекте его внутригосударственной реализации, связано с другой современной тенденцией в толковании этого права, а именно: надлежащий уровень обеспечения прав человека, включая права народов и национальных меньшинств, становится критерием неправомерности любых сепаратистских требований и сецессии. Такой вывод вытекает из толкования пункта 3 статьи 2 Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, статьи 21 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, принятой государствами-членами Совета Европы 18 апреля 1995 г., статьи 12 Конвенции об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, принятой 21 октября 1992 г. государствами-членами СНГ и др. [3, С.116; 986].

В Венской Декларации и Программе действий, принятых Всемирной конференцией по правам человека 25 июня 1993 г. после положений, подтверждающих право всех народов на самоопределение, подчеркивается, что «вышесказанное не должно истолковываться как разрешение или поощрение любых действий, нарушающих или подрывающих, полностью или частично, территориальную целостность или политическое единство суверенных и независимых государств, которые соблюдают принцип равноправия и самоопределения народов и в силу этого имеют правительства,

представляющие интересы всего народа на их территории без каких-либо различий» [4, С. 4].

Таким образом, анализ международных документов (преимущественно регионального уровня) и ряда теоретических исследований, посвященных современной интерпретации права народов на самоопределение, свидетельствует о том, что, начиная с 90-х годов XX в. получает определенное развитие тенденция рассмотрения права на отделение как факультативного элемента права на самоопределение, реализация которого зависит от согласия государств, от которых желает отделиться тот или иной народ [5, С. 154]. В частности, исходя из того, что государственное отделение не является той формой самоопределения, которая играет основную роль при реализации последнего, некоторые юристы называют сведение права на самоопределение к праву на отделение экстремистской интерпретацией этого права [6, С. 3-4].

Таким образом, дальнейшая эволюция права народов на самоопределение во внутреннем аспекте как права, создающего регулятивные правоотношения между государством и проживающими в нем народами/национальными меньшинствами, по всей вероятности, будет осуществляться в рамках обеспечения прав человека и систем международной региональной безопасности. В этом аспекте юристами предлагается также возможность регламентации вопроса относительно имплементации государствами права на самоопределение, если народ, проживающий в их пределах, претендует на отделение. В частности, в этом случае государствам предлагается, прежде всего, доказать, что они соблюдают право на самоопределение, поскольку предоставляют законодательные гарантии сохранения национально-этнической самобытности, а также имеют правительства, которые представляют весь народ [7, С. 3-21].

Рассматривая правоотношения, регулирующие взаимоотношения государств с народами и национальными меньшинствами, проживающими в их пределах, необходимо, в свою очередь, остановиться на особенностях эволюции субъекта этих правоотношений.

Так, в последнее время всё большее число сторонников завоевывает точка зрения, согласно которой предмет правового регулирования различных элементов права на самоопределение во внутреннем аспекте должно быть определение юридического статуса не отдельно взятых индивидуумов – представителей народов/национальных меньшинств – а права целостных социальных организмов, основанных на международной защите прав народов.

В связи с соответствующим расширением понятия субъекта права на самоопределение (во внутреннем аспекте) заслуживают внимания предложения некоторых юристов о необходимости дифференцированного подхода к определению правового статуса указанного субъекта: от предоставления минимального стандарта прав, который устанавливается статья 27 Международного пакта о гражданских и политических правах до максимальных прав, включая возможность получения соответствующего статуса в рамках многонационального государства (автономии, субъекта

федерации и т.д.). Эти меры регулируются в зависимости от «содержания конкретных материальных отношений» [8, С. 99-115] с участием того или иного народа или национального меньшинства и служат в демократическом государстве превентивной мерой в целях избежания возможных этнических конфликтов и осложнений. Мы полностью разделяем эту точку зрения, поскольку для сохранения национальной идентичности народа, не являющегося «господствующим» в том или ином государстве, недостаточно использования только недискриминационного правового режима, уравнивающего в правах все народы/национальные меньшинства. Наряду с принципом недискриминации, должен осуществляться и принцип справедливости, обязывающий государства предпринимать дополнительные меры в осуществлении отдельными народами своих прав. Эти меры, неодинаковые по форме и содержанию, зависят «от конкретной совокупности материальных отношений и многообразия материальных факторов во взаимодействии государства и конкретного национального меньшинства» [9, С. 113].

Ряд мер специального правового регулирования, связанного с предоставлением особого правового режима, предусмотрен в отдельных положениях некоторых региональных и внутригосударственных документов (последние имеют для международного права значение юридического факта), в Декларации Генеральной Ассамблеи ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам и в Конвенции МОТ № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах 1989 г. [10, С. 116], а Экономический и Социальный Совет ООН создан в рамках Подкомиссии по предотвращению дискриминации и защите меньшинств, являющегося структурным подразделом Комиссии ООН по правам человека.

Эволюция юридического содержания права народов на самоопределение во внешнем аспекте связана с новыми подходами в толковании элементов правоотношения, устанавливаемого этой нормой: прежде всего, с расширенным толкованием субъекта права на самоопределение как участника международных правоотношений, а также с эволюцией объекта этих правоотношений в контексте коллективных прав народов.

Так, несмотря на то, что два основных права народов – право на самоопределение и право на равноправие – закреплены в качестве одного из основных принципов международного права, нормативное определение субъектов этих прав по-прежнему остается одной из наиболее дискуссионных проблем. По справедливому замечанию А.П. Мартыненко «международному праву незнакомы даже объем и содержание понятия «народ», которое нашло широкое употребление в разнообразных международных документах, начиная с Устава ООН... В условиях же полнейшей неопределенности в отношении субъекта прав народов... тяжело вести речь о самих правах» [11, С. 108]. Как известно, в современном позитивном международном праве народы рассматриваются в качестве субъектов международного права только в том случае, если они являются нациями, ведущими борьбу за независимость и

создание собственного национального государства [12, С. 36; 96] либо «становящимися государствами» [13, С. 47]. Вместе с тем, в современных условиях либерализации внутригосударственных режимов и демократизации международных отношений вопрос о субъекте права на самоопределение все чаще рассматривается в контексте прав народов как участников различных международных правоотношений.

В этой связи следует кратко остановиться на тех концепциях, которые прямо или косвенно признают международную правосубъектность народов. Эти концепции можно условно разделить на 3 группы:

- 1) доктринальные концепции, признающие международную правосубъектность народов на стадии национально-освободительной борьбы;
- 2) концепции, прямо или косвенно признающие международную правосубъектность народов, не связанную с теми или иными обстоятельствами;
- 3) точка зрения, признающая за народами и правами народов основополагающее значение для становления и развития всей системы международного права.

Концепции, прямо или косвенно признающие международную правосубъектность народов, сформулированы И.П. Блищенко, Г.П. Задорожным, Ф.И. Кожевниковым, Г.В. Шармазанашвили, К. Бейме, Ф.Луманом, И. Дюверже и др. По мнению Г.П. Задорожного, народы являются прямыми субъектами международного права, так как основным признаком этих субъектов есть суверенитет, который принадлежит народу, а не правительству и государственным учреждениям [14, С. 10].

На принципе народного суверенитета основывается определение народа (и, соответственно, понимание его международной правосубъектности), предложенное рядом западных юристов. В частности, государство понимается как юридически персонифицированный народ, как суверенная нация [15, С. 26] и др.

Таким образом, выводя понятие государственности из принципа народного суверенитета, авторы признают народ в качестве косвенного субъекта международных отношений и международного права. В частности, Г.В. Шармазанашвили отмечает, что «государственный суверенитет является отражением народного суверенитета в международных отношениях»; «народ, как основной субъект права на самоопределение, делегирует некоторые свои функции и свои полномочия государству как носителю государственного суверенитета» [16, С. 31].

Один из аспектов рассмотрения международной правосубъектности народов связан с постановкой вопроса об ответственности народов по международному праву [17, С. 7-8], в том числе за деятельность своих правительств.

Основным недостатком теорий, прямо или косвенно признающих международную правосубъектность народов, является то, что во всех изложенных выше концепциях под понятием «народ» понимается население/граждане государства, а под государством – продукт развития одного

народа/нации, без учета сложной системы внутренних связей и отношений «государственно состоявшихся» и «государственно несамостоятельных народов», проживающих в пределах одного государства. Следовательно, субъектами международных отношений могут быть, через посредство своего государства, только те народы, «внутренние и международные связи и отношения которых нашли свое воплощение в форме государства» [18, С. 140].

Наконец, третий из указанных подходов к рассмотрению международной правосубъектности народов воплощен в документах некоторых неправительственных международных организаций, в частности, во Всеобщей декларации прав народов, принятой в 1976 г. на Международной неправительственной конференции в Алжире.

Согласно этому подходу, развитие концепции прав народов должно осуществляться посредством постепенного превращения народов в полноправных субъектов международного права, смещения «в их сторону центра тяжести нормативного международно-правового развития» и вероятного замещения в будущем «всей системы ныне действующего международного права хорошо разработанной системой прав народов» [18, С. 107].

Представляется, что реализация идеи о замещении действующей системы международного права системой прав народов возможна лишь в отдаленном будущем, и предпосылками, обеспечивающими такую возможность, станут глобализация международного права, создание единого правового и демократического пространства (вначале на региональном, затем – на глобальном уровнях), преобразование правовых систем государств на основе общих демократических принципов. Вместе с тем, уже в настоящее время наметилась тенденция к нормативному становлению категории народов как субъектов определенных правоотношений, о чем свидетельствуют основополагающие акты современного права.

Наряду с расширением и изменением объема юридического содержания понятия «народ» как субъекта внутригосударственных и международных отношений, дальнейшее развитие права народов на самоопределение связано с эволюцией объекта этого права в контексте прав народов (коллективных прав народов).

Среди коллективных прав народов, признанных в доктрине международного права, выделяются право народов на самоопределение и право народов на мир и безопасность (п. 2 ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах; пункт 1 статьи 23 Африканской Хартии прав человека и народов 1981 г.[19], право народов на развитие (Декларация социального прогресса и развития 1969 г., Декларация о праве на развитие 1986 г., ст. 22 Африканской Хартии), право народов на суверенитет над своими богатствами и природными ресурсами, право народов на благоприятную окружающую среду (ст. 24 Африканской Хартии, принципы 8-16 Декларации по окружающей человека среде 1972г.[20], право народов на пользование «всеобщим наследием человечества» (ст. 9 Декларации социального прогресса и развития).

При этом даже поверхностный правовой анализ перечисленных коллективных прав народов позволяет говорить о том, что между ними существуют отношения тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Так, в ряде коллективных прав народов в нормативном плане содержатся те или иные аспекты принципа самоопределения народов. В частности, право народов на суверенитет над своими богатствами и природными ресурсами является, как указывалось выше, основным элементом экономического самоопределения народов. Юридическое содержание права народов на развитие раскрывается в аспектах экономического, социального, культурного и политического самоопределения народов. При этом осуществление в полной мере права народов на самоопределение предполагается в качестве основы осуществления права народов на развитие (п. 2 ст. 1 Декларации о праве на развитие). В свою очередь, фактором осуществления права народов на экономическое и социальное развитие является установление права всех народов на пользование «всеобщим наследием человечества». Наконец, право народов на мир и безопасность, отличающееся наибольшей степенью обобщенности, представляет собой общее условие осуществления всех остальных прав народов.

Помимо прав, установленных в международно-правовых документах и доктринально признанных, можно выделить новые права народов, которые закреплены в документах неправительственных организаций и в национальном законодательстве отдельных стран. Несмотря на то, что эти права, за редким исключением, не обобщены международно-правовой доктриной, они представляют определенный интерес как юридический факт, намечающий возможности последующего нормативного становления и кодификации прав народов. Это право на существование (право на жизнь), право на уважение своей национальной и культурной идентичности, право на мирное обладание своей территорией и на ее возврат в случае изгнания, право иметь демократический режим, право на справедливое и равноправное осуществление международного обмена и на справедливую оценку труда, право на свободное существование и свободу от насилия и страха и многие другие [21, С. 4].

В свою очередь, права народов, имеющие характер норм более общего характера, раскрываются в указанных документах в комплексах других прав, детализирующих объекты правоотношений. Так, право народов на политическое самоопределение, которое квалифицируется как неотъемлемое и неотчуждаемое право, раскрывается в нормах, устанавливающих право сопротивляться всякому колониальному, прямому или косвенному господству и всем расистским режимам, как право народов иметь демократический режим, представляющий всех граждан без различия расы, пола, религии, цвета кожи. Право на культурное самоопределение раскрывается как право разговаривать на своем языке, сохранять и развивать свою культуру, не подвергаться влиянию чуждой культуры и т.д. (статьи 13 и 15 Всеобщей декларации прав народов 1976 г.).

Несмотря на то, что права народов, содержащиеся в документах международных организаций, не кодифицированы международным правом, они находятся в процессе своего нормативного становления. Это, в частности, подтверждается документами ООН и ЮНЕСКО, в которых устанавливаются некоторые из перечисленных выше прав народов без проведения различий между субъектами этих прав (то есть по субъекту и содержанию права народов в документах ООН и ЮНЕСКО совпадают с системой прав человека).

Таким образом, эволюция права народов на самоопределение во внутреннем аспекте осуществляется в рамках обеспечения прав человека и систем региональной безопасности. Развитие права на самоопределение в контексте реализации прав человека означает, прежде всего, право народов иметь демократический режим, способный обеспечить эффективное уважение прав человека и основных свобод для всех граждан. Развитие права на самоопределение в контексте обеспечения региональных систем безопасности обуславливает толкование права на отделение в качестве факультативного элемента права на самоопределение либо как экстремистскую трактовку последнего. Дальнейшее развитие права на самоопределение во внутреннем аспекте связано с изменением предмета правового регулирования: определение правового статуса представителей народов/нацменьшинств постепенно уступает место установлению юридического статуса целостных социальных организмов, основанных на системе прав народов. Одной из возможностей дальнейшего развития права на самоопределение во внутреннем аспекте является дифференциация правового статуса различных народов в зависимости от уровня отношений, сложившихся между ними и государством их проживания.

Во внешнем аспекте право народов на самоопределение связано с расширенным толкованием субъекта права на самоопределение как участника международных правоотношений, а также с эволюцией объекта этих правоотношений в контексте коллективных прав народов.

Вышеизложенное позволяет прийти к следующим основным **выводам**.

Современное право на самоопределение является комплексным правом, элементы которого реализуются во внешнем и внутреннем аспектах в политической, экономической, социальной и культурной областях.

Право народа на политическое самоопределение реализуется во внешнем аспекте в таких правах: в праве на свободное отделение от государства, в котором он ранее проживал; на свободный выбор любого другого определяемого народом политического статуса; в праве народов на национально-освободительное движение в случае, если он принуждается, вопреки его воле, проживать в рамках созданного иной нацией (народом) государства; право на получение индивидуальной или коллективной международной помощи в осуществлении права на политическое самоопределение.

Право народов на политическое самоопределение во внутреннем аспекте реализуется как право на осуществление своего суверенитета, установление

целостности своей национальной территории и национального единства, как право самостоятельного выбора политических институтов и форм правления. Основное обязательство, вытекающее из права народов на политическое самоопределение во внутреннем аспекте, связано с обеспечением со стороны государства равного, недискриминационного и справедливого правового статуса всех «государственно несамостоятельных» народов и национальных меньшинств, проживающих в его пределах.

Право народов на экономическое самоопределение заключается в праве достижения экономической независимости и создания собственной национальной экономики.

Во внешнем аспекте право на экономическое самоопределение реализуется как право народов на равноправное, недискриминационное и справедливое участие в международных экономических отношениях на основе демократических принципов современного международного экономического права. Из этого права вытекает обязанность народов осуществлять свою внешнеэкономическую деятельность без ущерба для международного экономического сотрудничества.

Во внутреннем аспекте право народов на экономическое самоопределение раскрывается как право на установление суверенитета над своими природными ресурсами, их эксплуатацией и экономической деятельностью, право выбирать и определять свою экономическую систему в соответствии с волей народа, право на возмещение и полную компенсацию за эксплуатацию или ущерб, причиненный природным и всем другим ресурсам. Право народов на экономическое самоопределение во внутреннем аспекте сочетается с их обязанностью уважать интересы других государств на основе принципа суверенного равенства, а также учитывать интересы всего мирового сообщества при эксплуатации своих природных ресурсов.

Право народов на самоопределение в социальной сфере во внутреннем аспекте реализуется как право выбирать и определять свою экономическую систему, учреждать социальные институты в соответствии с волей народа, определять собственные цели социального развития, средства и методы их достижения без вмешательства извне.

Во внешнем аспекте право народов на социальное самоопределение реализуется как право пользоваться в условиях независимости плодами социального мирового прогресса и как право всех народов на пользование всеобщим наследием человечества (социально-экономическое право).

Право на самоопределение народов в области культуры раскрывается как право и обязанность развивать культуру и сохранять культурную самобытность, право свободно решать вопрос о сохранении, адаптации, обогащении культурных ценностей, которые народ (нация) считает основополагающими для своей самобытности.

Право народов на самоопределение осуществляется не только как комплексное право, но и создает в пределах универсального международного права постоянное обще регулятивное правоотношение, которое раскрывается

при рассмотрении взаимодействия права на самоопределение с основными международно-правовыми принципами. Выявление места принципа самоопределения в системе основных принципов международного права, а также его разноаспектное толкование в связи с применением этих принципов позволяет говорить об определенном структурообразующем потенциале права народов на самоопределение, что связано с нормативной реализацией элементов его юридического содержания в специальных отраслевых принципах и нормах.

Анализ современных тенденций развития права народов на самоопределение позволяет говорить о возможностях эволюции этого права, как во внутреннем, так и во внешнем аспектах. Во внутреннем аспекте право народов на самоопределение может осуществляться в направлении усиления обязательств государств по отношению к «негосударственным народам», проживающим на их территории, предоставления отдельным народам/национальным меньшинствам не только общего недискриминационного правового режима, но и льготного правового статуса, вплоть до права на территориальную автономию. Во внешнем аспекте право народов на самоопределение может эволюционизировать в контексте международной защиты прав народов как основное коллективное право народов.

Список использованных источников

1. Решение Будапештского Саммита СБСЕ 1994г.// Международные акты о правах человека. Сборник документов. М.,1999. С.686.
2. Tburer D. Self-Determination Encyclopedia. P.475. Цит. по работе Бокер-Сеге Х. Понятие и характер каталога прав человека и обязательства государства. К. 1992. С.475;67.
3. Права человека. Сборник международно-правовых документов. Минск, 1999. С.116; 986.
4. Док. ООН. A/Conf.157/23. 12 July 1993. С.4.
5. Черниченко С.В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // Московский журнал международного права, 1996. № 4. С.154.
6. Решетов Ю.А. Право на самоопределение и отделение // Московский журнал международного права, 1994. №1. С.3-4.
7. Черниченко С.В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // Московский журнал международного права, 1996. № 4. С.3-21.
8. Мартыненко А.П. Материальные императивы правового регулирования положения национальных меньшинств// Реализация международно-правовых норм во внутреннем праве. К.,1992. С.99-115.
9. Мартыненко А.П. Материальные императивы правового регулирования положения национальных меньшинств// Реализация международно-правовых норм во внутреннем праве. К.,1992. С.113.
10. UN Doc. General Assembly Resolution 3210, 14 oct. 1974. С.116;331.

11. Мартыненко А.П. Права народов в современном международном праве. К., 1993. С.108.
12. Международное право. М., 1972; Бобров Р. Л. Современное международное право (объективные предпосылки и социальное назначение). М., 1962; Маджорян Л.А. Основные права и обязанности государств. М., 1965. С. 36; 96; 18-19.
13. Гункин Г.И. Вопросы теории международного права. М., 1962. С.47.
14. Задорожный Г.П. Международная правосубъектность. Некоторые вопросы теории. М., 1971. С.10.
15. Quaritsch H. Staat und Soverenitat. Frankfurt – am – Maine, 1970. С.26; 471.
16. Шарманзашвили Г.В., Цикунов А.К. Право народов и наций на свободу и независимость. М.,1987. С.31;43.
17. UN Doc. General Assembly Resolution 3236 (XXIX), 22 Oct. 1974. С.7-8.
18. Мартыненко А.П. Права народов в современном международном праве. К., 1993.С.140.
19. Мартыненко А.П. Права народов в современном международном праве. К., 1993.С.107.
20. UN Doc. General Assembly Resolution 3277(XXIX), 22 Oct. 1974.
21. UN Doc. General Assembly Resolution 3376 (XXX), 10 Oct. 1975. С.4.

УДК 321.01

В.А. Грабельников, канд. юрид. наук., доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: duaftn@mail.ru)

С.С. Боньковская, студент магистратуры, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВА НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье рассмотрено функционирование государства в области культуры в условиях построения демократического общества. Определено, что сфера культуры имеет ряд специфических черт, которые определяют ее положение в обществе и объем государственного влияния. Такими чертами являются творческий характер деятельности, социальная значимость культуры, комплексное воздействие на каждого человека. Государство положительно влияет на развитие культуры, используя организационно-управленческие, финансовые и нормативно-правовые методы регулирования. В условиях Донецкой Народной Республики требуется создание определенного подхода государственного регулирования в области культуры с учетом переходного характера современного этапа развития государства, а также специфики регулируемого объекта.

Ключевые слова: культура, государство, влияние, функция, регулирование, сфера, развитие, становление, общество, взаимодействие.

**Grabelnikov, V.A.,
Bonkovska, S.S.**

INFLUENCE OF THE STATE ON THE DEVELOPMENT OF CULTURE IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

The article considers the functioning of the state in the field of culture in the conditions of building a democratic society. It is determined that the sphere of culture has a number of specific features that determine its position in society and the amount of state influence. Such features are the creative nature of activity, the social significance of culture, and the complex impact on each person. The state has a positive impact on the development of culture, using organizational and managerial, financial and regulatory methods of regulation. In the conditions of the Donetsk people's Republic, it is necessary to create a certain approach to state regulation in the field of culture, taking into account the transitional nature of the current stage of development of the state, as well as the specifics of the regulated object.

Key words: *culture, state, influence, function, regulation, sphere, development, formation, society, interaction.*

Актуальность. Данная тема актуальна в наше время, так как на этапе формирования самостоятельного государства Донецкая Народная Республика столкнулась с необходимостью совершенствования правового регулирования законодательства. Эта задача охватывает в полной мере и функционирование государства в области культуры. Провозгласив себя демократическим, правовым, социальным государством Донецкая Народная Республика поставила перед собой множество нерешенных проблем, одной из которых является проблема функции государства в области культуры.

Анализ предшествующих исследований и публикаций. Теоретические основы влияния государства на развитие культуры освещены в трудах как зарубежных, так и отечественных ученых. Весомый вклад в исследование особенностей влияния государства на сферу культуры внесли такие ученые, как Бенгардт Д.В., Елескина О.В., Зуева Н.В., Костоглодова Е.Д., Косынкина Г.М., Осмаев М.К., Флиер А.Я. Отдавая должное научным работам по этой проблематике, следует заметить, что исследования влияния государства на развитие культуры в условиях трансформации имеют общенаучный смысл и носят более описательный характер. Одной из причин такой направленности исследований является отсутствие действенного, научно обоснованного подхода и метода, который бы учитывал комплексную природу государственного управления сферой культуры.

Целью исследования является определение границ функционирования государства при развитии сферы культуры в условиях построения Донецкой Народной Республики и внесения предложений по усовершенствованию данного процесса.

Трансформация политической системы Донецкой Народной Республики влияет на все без исключения сферы жизнедеятельности общества, даже на такую, которая многими исследователями трактуется как неполитическая,

сферу культуры. Переход к демократической системе характеризуется деидеологизацией, плюрализмом и децентрализацией. Однако с самого начала этот процесс носил противоречивый характер, многие принятые меры не были эффективными, а полученные результаты до этого времени невозможно оценить однозначно.

В этой ситуации необходимо понять, какие функции должно выполнять государство в условиях формирования самостоятельности, чтобы максимально способствовать как сохранению, так и развитию культуры. Создания нормативной модели недостаточно, необходимо проанализировать, каким образом осуществляется регулирование сферы культуры в Донецкой Народной Республике, и выявить те противоречия и проблемы, которые влияют на эффективность действий государства.

В течение многих лет продолжается дискуссия о возможности или недопустимости какого-либо государственного влияния на развитие культуры. На наш взгляд, регулирование сферы культуры, в которой государство занимает центральное место, является объективным процессом, который обусловлен сущностью общества как целостной системы, включающей в себя всю совокупность способов взаимодействия и объединения людей.

Будучи сложноорганизованной системой, общество состоит из ряда элементов-подсистем. Например, Т. Парсонс выделил четыре такие подсистемы – политическую, экономическую, подсистему интеграции и подсистему поддержания культурных образцов [8, с. 68]. Ж. Лапьер определяет пять подсистем – биосоциальную, экологическую, экономическую, культурную и политическую [1, с. 17]. В некоторых отечественных изданиях речь идет о политической, экономической, социальной и духовной составляющих общественной системы [5, с. 19].

Каждая подсистема по отношению к обществу выполняет ряд определенных функций. Политическая система отвечает за формулировку целей и задач развития общества, согласование интересов индивидов и социальных групп, принятие решений и их выполнение. Реализуя эти функции, политическая система через свои институты воздействует на все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и на культурную. В свою очередь, политическую сферу можно рассматривать как одну из форм культуры, которая появилась на определенном этапе развития общества. Таким образом, политическое регулирование развития культуры является объективно существующей данностью, которая определяется взаимодействием политической и культурной систем. Вследствие этого, в истории человечества не существовало государства, которое не проводило бы более-менее осознанно ту или иную политику, направленную на регулирование культуры.

Острой проблемой в отечественной литературе является неопределенность в рассмотрении культуры как объекта политического регулирования, что связано с разнообразием толкований этого феномена. Культуру можно понимать в широком смысле как способ бытия человека, включая оба основных подхода к ее определению – аксиологический (как

систему ценностей, идеалов, смыслов) и деятельностный (как специфический способ человеческой жизнедеятельности). Значительное количество авторов рассматривают, так или иначе, с этих позиций культуру в качестве объекта государственной политики, определяя сам процесс политического регулирования как «культурную политику». В данном случае культурная политика выступает неотъемлемой частью всех направлений государственной деятельности, отражает ее ценностные, этические, нормативные аспекты их формирования и осуществляет по отношению к ним интегративную функцию.

Культура по ряду оснований может подразделяться на несколько составляющих:

- области (политическая, правовая, экономическая культура);
- типы (национальные, исторические или хозяйственные культуры);
- формы (элитарная, народная, массовая культура);
- виды (доминирующая культура, субкультуры) [6, с. 16].

В содержательном аспекте культура может включать в себя ряд таких сфер как религия, образование, наука и технологии, искусство, быт, поведение. Каждый из этих элементов может быть относительно самостоятельным объектом политического регулирования, формируя в структуре культурной политики разные направления.

Нами используется понимание культуры как системы организаций и лиц, осуществляющих деятельность по созданию, сохранению, распространению, изучению и потреблению культурных ценностей. Такое понимание сферы культуры как объекта политики очень часто подвергается критике – считается, что оно приводит к ограничению понимания самой культуры и культурной деятельности. Но на наш взгляд, специфика целей этой деятельности позволяет выделять ее в качестве относительно самостоятельного объекта регулирования, которая наравне с политикой в сфере образования, науки, информации, экологии и т. д. становится частью культурной политики. Сфера производства и потребления культурных ценностей, взятая вместе с общественными институтами, которые регулируют этот процесс, образует сферу культуры как особую область жизни и развития общества.

Таким образом, мы можем сформулировать следующее определение влияния государства в области культуры – это взаимодействие различных общественных сил для осознания, представления и проведения своих интересов, формулирования целей развития культуры, реализуемых через деятельность культурных институтов, и решение возникающих проблем, с которыми не в состоянии справиться существующие административно-правовая и моральная системы.

Как установленная область человеческой жизнедеятельности, сфера культуры включает в себе определенное количество элементов. Во-первых, это те люди, кто создает, хранит, изучает и распространяет культурные ценности. Во-вторых – это те, кто эти ценности потребляет, то есть общество в целом и человек в частности – путем участия в культурной жизни, творческой деятельности, доступа к культурному наследию. В-третьих – культурные

институты, которые возникли вследствие того, что взаимодействия между двумя первыми субъектами в ходе своего развития приобрели организованный характер и стали осуществляться по определенным правилам и нормам. Именно последние становятся непосредственными объектами политики в сфере культуры, поскольку институционализация любого вида человеческой деятельности говорит о склонности ее социальному контролю и соответственно целенаправленному регулированию. Кроме этого, культурные институты, являясь результатом совместной деятельности людей, могут становиться предметом противоречий между различными интересами их участников, решение которых требует согласования существующих мнений и выработки общих принципов функционирования сферы культуры.

Поскольку появление институтов связано с определенными видами деятельности людей, то и для функции государства в сфере культуры превалирующее значение будет иметь выполнение определенных функций, эффективная реализация которых должна быть главной целью государственного регулирования, поэтому рассмотрим их более подробно. На сегодняшний день существует множество культурных институтов, которые, по мнению А. Я. Флиера, в зависимости от выполняемых ими функций делятся на группы:

1. Институты с непосредственной культурной работой с населением, такие как:

- институты просветительского профиля (библиотеки, музеи, выставки, мемориальные сооружения и комплексы нехудожественного плана, организации просветительно-лекционного жанра и т. п.);

- институты эстетического воспитания (художественные музеи и выставки, концертные организации, кинопрокат, структуры по проведению различных художественно-зрелищных мероприятий и т. д.);

- культурно-досуговые институты (клубы, дворцы культуры, детские досуговые учреждения, структуры самодеятельного художественного, декоративно-прикладного и иного творчества и т. п.).

2. Творческие институты (театры, студии, оркестры, ансамбли, съемочные группы, художественно-производственные мастерские и другого рода художественные коллективы, творческие союзы, объединения и организации художественно-творческого профиля).

3. Культурно-охранные институты (органы по учету, охране и использованию памятников культурно-исторического наследия, реставрационные мастерские и т. п.) [9, с. 4-16].

Сфера культуры имеет ряд специфических черт, которые определяют ее положение в обществе и характер политического регулирования. Среди них следует назвать: творческий характер деятельности, социальную значимость культуры, комплексное воздействие на человека, результаты которого проявляются в течение всей его жизни. Однако одновременно в деятельности культурных институтов отсутствует экономическая целесообразность, и большая часть населения не осознает их наличие как жизненно необходимых,

на основании чего формирует свое отношение к сфере культуры. В результате отношение человека к культуре перманентно сохраняет метод остаточного принципа.

Наиболее ярко это проявляется в условиях переходного характера развития общественных отношений в Донецкой Народной Республике. Реформирование политической системы, ее демократизация, затрагивает все сферы жизнедеятельности общества, которые находятся в постоянном взаимодействии. Построение политической системы в молодом государстве формирует новые институты (государственные, общественные, правовые, институты законных и подзаконных актов), что изменяет характер деятельности различных политических субъектов, как государственных, так и общественных, определяет типы формальных и неформальных отношений. Однако незавершенность этого процесса не просто отодвигает проблемы культуры на второй план, но грозит разрушением основ ее развития.

Вследствие этого необходимо разработать концепцию государственной политики в области культуры в условиях построения нового демократического правового государства. Прежде всего необходимо отметить, что в условиях становления политической системы, в качестве одной из ведущих целей определяется плюрализм культурной деятельности, что напрямую зависит от появления новых социальных слоев и групп. Это предопределяет постройку содержательной стороны функционирования культурных институтов, выводя ее за рамки единой идеологии, которая, например, существовала ещё в советский период. С одной стороны, это положительный процесс, потому что предоставляется возможность удовлетворения максимального количества культурных потребностей. Но с другой стороны, характер протекания этого процесса может привести к негативным последствиям.

«Революционный» характер реформ, применение «шоковой терапии» в начале 90-х гг. XX в. при переходе на новые рыночные механизмы развития обусловили кардинальную трансформацию социальной системы общества. Это не позволило ни существующим, ни вновь возникающим социальным группам адекватно адаптироваться к изменяющимся условиям, приняв характер «борьбы за выживание», когда витальные потребности людей заняли преобладающее положение над духовными, что отодвинуло их заинтересованность в развитии сферы культуры на задний план [4, с. 34].

Следует заметить, что современные изменения в системе государственного регулирования в области культуры будут напрямую зависеть от способности различных социальных сил их осуществлять. Все многообразие потенциальных участников политического регулирования сферы культуры можно объединить в три группы: государство, гражданское общество (представленное различными общественными организациями, творческими союзами, фондами), предприниматели. Их взаимодействие приведет к формированию полисубъектной модели в области культуры. Заметим, что эта модель существенно отличается от моносубъектной модели, где доминирующую роль играет государство, а другие субъекты либо пассивные,

либо их активность незначительна и находится под влиянием государства. Таким образом, их взаимодействие может порождать множество вариантов, в зависимости от интересов самих субъектов, возникающих проблем и других факторов. Государство, гражданское общество и предприниматели могут действовать совместно, действовать на двусторонней основе, в одиночку оказывать регулирующее влияние на развитие культуры, проводить в ней собственные интересы и т. д.

При этом следует отметить, что в самой сфере культуры вследствие этого формируется несколько секторов, которые можно объединить в две большие группы – государственную и негосударственную. Это связано с тем, что для реализации собственных интересов все три субъекта могут создавать собственные организации культуры со своими целями и задачами, что вовсе не отрицает возможности совместного влияния на их деятельность. Но государство как политический институт, в силу своего положения в политической системе, в любом случае будет по отношению к другим участникам занимать доминирующую позицию в соответствии с выполняемыми ею функциями. Например, любая организация культуры независимо от формы собственности действует в рамках существующей правовой системы, которая, так или иначе, устанавливается государственными органами власти.

Взаимодействие государства с гражданским обществом и предпринимателями должно соответствовать демократическим принципам, когда одной из важнейших задач государства, наряду с проведением собственной политики в сфере культуры, становится согласование интересов различных субъектов культурной деятельности. Важную роль в характере данного взаимодействия будет играть окружающая среда – совокупность всех политических, экономических, социальных, культурных и иных условий, в которых протекает деятельность культурных институтов и формируется влияние государства на развитие культуры [7, с. 86-87].

Таким образом, государство, в силу выполнения социальных функций, всегда будет заявлять о своих интересах в области культуры. В разные периоды и в разных странах объем ее может быть разным. Если в обществе есть налаженная система регуляции культурной деятельности со стороны предпринимательской деятельности и гражданского общества, объем влияния на культуру со стороны государства будет небольшим, в противном случае государство будет обязано взять на себя всю заботу о поддержании и развитии культурных институтов, которые обладают высокой степенью значимости для развития общества.

На сегодняшний день в Донецкой Народной Республике государство остается ведущим субъектом регулирования сферы культуры, что обуславливается переходным состоянием развития общественных отношений. В период становления Донецкой Народной Республики, характеризующегося неопределенностью, побеждает тот субъект, который сильнее, а таковым для культуры сейчас является именно государство. Однако в условиях

преобразований роль государства изменяется, что приводит к формированию новых подходов влияния государства на развитие культуры.

Анализ исследованной литературы показал, что существует достаточно много точек зрения в отношении проблемы влияния государства на развитие культуры. Всё их многообразие можно свести к двум противоположностям. В первом случае речь идет о полном невмешательстве государства в процессы, происходящие в сфере культуры, поскольку это приводит к ограничению творческой деятельности и доступа населения к культурным ценностям. Связано это с тем, что государство начинает определять, что, как, почему и каким образом должно создаваться и быть доступно человеку. Поэтому основным механизмом отношения в сфере культуры должен стать рынок, который все расставит по своим местам. Во втором – признается насущная необходимость государственного регулирования сферы культуры, поскольку культура – это ценность, которой рынок только вредит. Между ними возможно существование множества вариаций, в той или иной степени сочетающих оба подхода.

На необходимость разумного сочетания обеих позиций неоднократно указывается в трудах различных авторов. Как отмечается в работах П. Бурдые, негативный характер государственная деятельность в сфере культуры имеет потому, что навязывает воспроизведения культурных представлений доминирующих сил. Но расходы на культуру не покрываются доходами, поэтому сфера культуры вынуждена опираться на государство и рассчитывать на его материальную поддержку. Кроме того, даже в условиях полной самокупаемости эта поддержка необходима с точки зрения стимулирования инновационной деятельности в сфере культуры. Получая помощь со стороны государства, культурная деятельность тем самым освобождается от прямой привязанности к законам рынка [3, с. 158].

Стоит отметить тот факт, что сфера культуры объединяет различные виды деятельности и организации, предоставляющие культурные услуги населению и выполнение некоторых функций, закрепленных за организациями культуры, вообще не может быть организовано на рыночных принципах и не зависит от спроса или потребности населения. Например, сохранение культурного наследия. Организации культуры обеспечивают достижение социально значимых целей, эффекты и результаты которых не могут измеряться только экономической эффективностью, а выражаются в развитии культуры и общества, творческого потенциала, гарантиях социальной защиты и социальной справедливости. Поэтому для эффективного функционирования сферы культуры рыночные механизмы распределения ресурсов должны дополняться другими институциональными механизмами, и прежде всего – со стороны государства.

Мировой тенденцией влияния государства на развитие культуры является ее демократизация. Речь идет о переходе от принятия государственных решений узким кругом лиц к прозрачности при формировании, выработке и принятии управленческих решений, расширение

круга участников данных процедур. Целью таких мероприятий является стремление сделать прошлый опыт культурного созидания доступным как можно большему числу людей. При этом обществу должны быть предоставлены равные возможности. Результатом данных действий должно стать пробуждение творческой активности общества. С другой стороны, целью влияния государства на развитие культуры является обеспечение всех членов общества равными и реальными возможностями участия в создании и развитии современной культуры [2, с. 76].

Однако в трансформирующихся обществах, на наш взгляд, реальная демократизация составляет проблему. Процесс становления нового государства всегда сопровождается социально-экономическим кризисом, низкими доходами населения, снижением качества жизни, ростом цен на услуги организаций культуры, что не позволяет значительной части общественности реализовывать своё право на доступ к культурным ценностям и участие в культурной деятельности.

Итак, условия реформирования общественных отношений в Донецкой Народной Республике требуют создания определенного подхода государственного регулирования в области культуры с учетом переходного характера современного этапа развития государства, а также специфики регулируемого объекта.

Выводы. Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Необходимо отметить, что никогда, ни на одном историческом этапе сфера культуры не была полностью свободна от государственного регулирования, но степень этой необходимости определялась различными условиями того или иного исторического периода. Роль государства в регулировании процессов в сфере культуры может варьироваться от методов прямого подчинения в различных областях к координации действий независимых субъектов. Государство может положительно влиять на реализацию мероприятий по развитию сферы культуры, используя организационно-управленческие, финансовые и нормативно-правовые методы регулирования.

Список литературы

1. Бенгардт Д.В. Ценность культуры в контексте будущего России: автореферат дис...кандидата философских наук: 09.00.13 / Д.В. Бенгардт. – Челябинск: ЧГАКИ, 2012. – 25 с.
2. Богачева О. В. Государственное финансирование сферы культуры и искусства (опыт индустриально развитых стран) / О. В. Богачева // Вопросы экономики. - 2013. - № 10. - С.76.
3. Бурдьё П. Социология политики: [пер. с фр. сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко]. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
4. Горлова И. И. Культурная политика в условиях переходного периода: федеральный и региональный аспект: автореферат дис...доктора философских наук : 24.00.01 / И. И. Горлова . – М.: Моск. гос. ун-т культуры, 1997. - 41 с.

5. Елескина О.В. Государственная политика в сфере культуры: Региональный аспект (1985-2003 гг.): автореферат дис...кандидата исторических наук: 07.00.02. – Кемерово: КемГУ, 2012. – 27 с.
6. Косынкина Г.М. Организационно - экономический механизм государственного регулирования в сфере культуры: автореферат дис... кандидата экономических наук: 08.00.05 /. – М.: ВГИК, 2013. – 26 с.
7. Ноздренко Е.А. Сфера культуры как специфический объект маркетинговой деятельности // Успехи современного естествознания.- 2014.- № 6. – С. 86-87.
8. Парсонс Т. Социальная система: пер. с англ. – М.: Академический проект, 2018. – 530 с.
9. Флиер А. Я. Вектор культурной эволюции // Обсерватория культуры. –2011. – № 5. – С. 4–16.

УДК 338.242.2

П.А. Заремба, д-р экон. наук., профессор, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: pavelz09@gmail.com)

МЕНЕДЖМЕНТ И ПРАВО

В статье рассматриваются вопросы функционирования некоторых институтов уголовного права с позиций менеджмента в соответствии с уголовно-правовым пониманием сущности явлений, проблемы соотношения теоретической и практической подготовки специалиста- юриста, а также механизмы правового регулирования как системы юридических средств, организованных с целью преодоления препятствий на пути удовлетворения интересов субъектов права.

Ключевые слова: менеджмент, право, технологии менеджмента, юридические проекты, правовое регулирование.

Zaremba, P.A.

MANAGEMENT AND LAW

The article discusses the functioning of some institutions of criminal law from the standpoint of management in accordance with the criminal law understanding of the essence of phenomena, the problems of the correlation of theoretical and practical training of a specialist lawyer, as well as mechanisms of legal regulation as a system of legal means, organized to overcome obstacles to satisfaction interests of subjects of law.

Key words: management, law, management technologies, legal projects, legal regulation.

Формирование демократического правового государства возможно лишь при условии формирования действенных институтов гражданского общества, становления подлинной демократии, борьбы с коррупцией, утверждения уважения к правам членов этого общества. Это должно являться безусловной нормой во взаимоотношениях государства и гражданина. В этот период особое

внимание обращено на деятельность правоприменителей, т.е. на судей, прокуроров, следователей и адвокатов.

Работники юридической сферы должны обладать не только необходимыми профессиональными знаниями и умениями, необходимыми для выполнения должностных обязанностей, но также определенными личностными качествами, которые проявляются в определенной культуре поведения.

Можно говорить о востребованности образа «идеального» юриста, как примера для подражания, своего рода «духовного авторитета» [6].

Актуальность темы исследования. Укрепление законности и установление в обществе требуемого построения правового государства не представляется возможным без профессиональной деятельности работников права.

Юристы в своей профессиональной деятельности постоянно общаются с людьми различных психотипов, поэтому им необходимо поддерживать с ними коммуникационные отношения, вырабатывать управленческие решения и предпринимать соответствующие управленческие действия.

Для того, чтобы эффективно участвовать в межличностных отношениях, эффективно вести диалог, необходимо учитывать закономерности коммуникативных процессов. Знание, учет этих закономерностей, свободное владение навыками общения составляют такое важное профессиональное качество личности юриста как коммуникативная компетентность

Современный юрист - это всесторонне грамотный специалист, который не просто владеет знаниями в различных отраслях права, но и своевременно применяет их на практике, влияя на жизнедеятельность организации и принимая управленческие решения. Такое положение не может не накладывать отпечаток на формирование, существование и процветание любой юридической структуры - отдела, управления, департамента [5].

Анализ научных исследований. Современные исследования в области юриспруденции, к сожалению, не затронули юридический менеджмент как отдельную отрасль менеджмента. Пока нет пособия по управлению юридической службой, которое в полной мере могло бы стать настольной книгой юридического менеджера. Хотя нельзя не отметить, что определенные подвижки в этом вопросе уже сделаны.

Проблема применения теории и практики менеджмента в юриспруденции освещалась в трудах Головиной Е. П., Гуковой И. С., Жилиной Е.А., Камалетдинова Э.С., Микулиной Л.Д., Мирошниченко М.А., Михайленко Е. В., Поляковой Н. В., Юрковского А. В. и др. авторов.

Цель статьи. Целью данной статьи является рассмотрение возможности применения методов классического менеджмента в практической деятельности юристов и юридических организаций.

Профессиональная компетентность юриста может быть рассмотрена через такие ее составляющие, как: специальную, коммуникативную, управленческую, социальную, психологическую и др. Значительная часть

выпускников юридических вузов в психологическом отношении оказывается далеко не всегда профессионально пригодной, что актуализирует проблему формирования именно профессионально-психологической компетенции будущего юриста [2].

Проблема, затронувшая все страны, — это вопрос о соотношении теоретической и практической подготовки специалиста юриста. В отношении правоведов некоторые пути уже найдены и успешно отрабатываются. Так, вопрос о профессиональной подготовке должен быть отдан на усмотрение соответствующего профессионального сообщества. Такой вариант известен в мировой и российской практике. Например, занятие в России должности судьи, нотариуса, адвоката, арбитражного управляющего возможно только после сдачи квалификационного экзамена, принимаемого профессиональным сообществом. Попытки создать аналогичную систему для юристов иных категорий на законодательном уровне, к сожалению, только начали предприниматься [5].

Можно говорить об имеющихся разрывах между профессиональным юридическим образованием и профессиональным юридическим трудом.

Михайленко Е.В. предлагает 9 правил, которые действуют в отношении абсолютно всех юристов в любых странах мира, в течение всего времени, сколько существует юриспруденция. Приведем их, а также виды и технологии менеджмента, использование которых позволяет реализовать эти правила [7].

1. Юриспруденция очень сложная наука, она не терпит дилетантского подхода а, значит, не стоит пытаться решать юридические проблемы самостоятельно (производственный менеджмент, менеджмент-консалтинг);

2. Задача юриста не в том, чтобы максимально усложнить документооборот и бизнес-процессы в компании, а в том, чтобы сделать его прозрачным и адекватным (организация делопроизводства в менеджменте);

3. О существующей задаче - юрист должен знать все документы, которые имеют к ней отношение (производственный менеджмент);

4. Для решения вопросов юристам необходимо время, иногда много времени (тайм-менеджмент);

5. Работа юриста поглощает его целиком и у него не остается времени решать вопросы, не относящиеся к юриспруденции (производственный менеджмент, тайм-менеджмент);

6. Юристы не могут знать всего обо всем, у юристов есть специализация (менеджмент коммуникаций, эккаутинг-менеджмент, риск-менеджмент);

7. Вопросы юристу стоит задавать максимально четко и с пониманием того, что вы хотите (коммуникативный менеджмент);

8. Аргументы из категории: «а вот один знакомый юрист мне сказал, что так можно» для юриста не имеют ни малейшей ценности (менеджмент-консалтинг, коммуникативный менеджмент);

9. Ситуация, когда у двух юристов три различных мнения, абсолютно обычна и нормальна (риск-менеджмент, репутационный менеджмент, адаптивный менеджмент).

Практика показывает, что используя только традиционные юридические методы и подходы к рассмотрению преступной деятельности, работники правоохранительных органов оказываются в ситуации, когда этих методов явно недостаточно для противодействия преступной деятельности субъектов уголовного процесса. На сегодня преступность представляет собой многоаспектное явление, которое нуждается в других, более современных методах их анализа и оценки, что во многом определяется социальной природой правонарушений [9].

Специалисты права, имеющие по роду занятий дело с людьми, воспринимаются обвиняемыми, подсудимыми, свидетелями не только как исполнители определенных ролей, но и рассматриваются со стороны их привлекательности, положительных или отталкивающих человеческих качеств. В частности, каждый, кто силой обстоятельств вовлекается в ролевое общение с юристом, ожидает от него не только квалифицированного исполнения обязанностей, но и уважительного отношения, что налагает на юриста особую меру моральной ответственности, предъявляет к нему повышенные требования как к личности. Уже одно это становится основанием для возникновения специфических норм и правил поведения, регулирующих выполнение людьми профессиональных обязанностей и стимулирующих их внимание к самовоспитанию [1].

В этих условиях можно говорить о возможности применения менеджерского подхода к уголовно-правовому явлению.

Классик менеджмента П. Ф. Друкер определил общие «принципы» организации. Принцип первый: организация, несомненно, должна быть прозрачной. Служащие должны знать и понимать структуру учреждения, в котором они работают. Второй принцип: в организации обязательно должно быть лицо, принимающее конечное решение в сфере своей компетенции. Третий важный принцип гласит: каждый работающий должен иметь только одного «начальника».

Существует еще один важный структурный принцип: количество уровней организации должно быть минимальным [4].

С точки зрения технологий менеджмента, рассматривая преступную группу как группу лиц, имеющих определенную организационную структуру управления, можем говорить о том, что она в обязательном порядке имеет своего главного менеджера в качестве лидера. Именно он, реализуя общие функции менеджмента, занимается планированием и организацией преступления, избирает методы наиболее эффективного управления членами преступной группы (персоналом), учитывая их способности и личные качества, осуществляет работу по сплочению данных лиц (воспитательное воздействие, коллективный «дух»), назначает или даёт согласие на то или иное распределение ролей (кадровая расстановка), контролирует «специализацию» членов группы. Преступная «специализация» по своей сути не отличается от специализации деятельности, находящейся в пределах правового поля. Как известно, специализация может изменяться, причём как по воле руководителя,

так и по воле остальных членов группы [3].

Как видно, технология менеджмента применима к формам соучастия со сложной внутренней структурой, несмотря на противоправный характер деятельности, поскольку менеджмент может иметь диаметрально различные формы, но всегда одинаков по внутреннему назначению.

Таким образом, некоторые институты уголовного права могут рассматриваться с позиций менеджмента, притом в соответствии с уголовно-правовым пониманием сущности явлений. Это становится возможным по причине единой социальной «природы» как уголовного права, так и менеджмента, а также по причине универсального характера последнего.

Управление проектами используется практически во всех отраслях производственно-экономической деятельности человека. Последнее время организации различного профиля все чаще привлекают менеджеров проектов, понимая важность наличия у них профессиональных навыков. Компании не хотят рисковать, а потому стремятся обеспечить гарантии в области успехов своих проектов.

Для предварительной проработки возможных вариантов решения управленческой задачи часто применяется метод моделирования, что объясняется следующими обстоятельствами:

1. Модель проще и доступнее для исследования, чем реальный объект.
2. Моделирование позволяет выявить наиболее существенные факторы, формирующие свойства объекта.
3. Применение модели позволяет виртуально определить наиболее эффективные способы управления объектом.
4. Модель предоставляет возможность прогнозирования последствий реализации воздействий на объект.

Рассмотрим метод моделирования, который, по нашему мнению, может быть применен для описания деятельности, связанной с менеджментом юридических проектов.

Залогом успеха проекта может служить правильный выбор соответствующей модели управления проектом, вид которой, в свою очередь, зависит от поставленной задачи, оптимального информационного обеспечения при условии соблюдения и выполнения всех требований к полученному результату и изначально определенным условиям.

Развитие управления проектами в современном мире, полученные знания и опыт по управлению проектами в различных сферах вышли на тот уровень, когда стало возможным и необходимым интегрировать знания в области управления проектами в единую системную модель, которая создана на основе представления управления проектами как кибернетической системы (см. рисунок 1) [8].

Процесс управления проектом направлен, прежде всего, на достижение поставленных целей. При этом значительную роль играет организация и координация деятельности участников проекта в процессе выбора идеи и самого объекта, обоснование идеи проекта. Результатом деятельности

коллектива по реализации проекта является достижение необходимой эффективности проекта при получении необходимого его качества в установленные сроки и по оптимальной стоимости.

Системность и комплексность являются необходимым условием успеха юридического проекта наряду с наличием специальных правовых знаний и навыков профессиональных менеджеров.

В практической деятельности профессиональных юристов менеджмент проектов является пока еще новой, но уже достаточно востребованной услугой, объединяющей две сферы деятельности – менеджмент и юриспруденцию.

Уже можно говорить о сложившемся спросе на подобного рода юридические услуги. Контролировать проект тем сложнее, чем от больше, а, следовательно, требует и больших усилий для его координации и продвижения. Один юрист, состоящий в штате организации, не способен проконтролировать все этапы выполнения проекта в полной мере. Чем шире и объемнее проект, тем большей профессиональной юридической проработки он требует, тем больше усилий необходимо для осуществления его контроля. Решение в этом случае напрашивается само собой – для управления большими проектами требуется целый штат квалифицированных юристов. Это значительно усложняет организационную структуру управления таким коллективом, но позволяет в более полной мере учитывать все влияющие на процесс управления факторы.

Рис. 1 – Модель управления проектами

Внедрение новых для юридической сферы подходов и технологий также позволит эффективнее справляться с выполнением задач в области обеспечения правопорядка.

Технологию совмещения эффективного управления и квалифицированной юридической поддержки предпринимательской и иного вида деятельности можно определить как правовой менеджмент.

Можно выделить следующие группы правовых норм, действующих в механизме правового менеджмента:

1. Систему правовых норм, которые регулируют процессы организации субъектов хозяйственной деятельности.

2. Систему норм, которые регулируют правовые отношения между органами государственной власти и предприятиями различных форм собственности.

3. Систему правовых норм, которые регулируют правовые отношения участников производственно-хозяйственной и маркетинговой деятельности, а также оказание услуг.

Выводы. Вопрос о необходимости использования технологии менеджмента юридическими проектами становится все актуальнее.

Некоторые институты уголовного права могут рассматриваться с позиций менеджмента в соответствии с уголовно-правовым пониманием сущности явлений.

Основой реализации функций правового менеджмента является правовое регулирование, которое, в свою очередь, представляет собой систему юридических рычагов и механизмов для нивелирования преград на пути реализации интересов субъекта права.

Внедрение новых для юридической сферы деятельности подходов и технологий менеджмента позволит эффективнее решать юридические задачи.

Правовой менеджмент должен быть направлен на эффективность правового регулирования, которая определяется как соотношение между результатом и поставленной целью правового регулирования. Повысить эффективность правового регулирования возможно следующими подходами:

1. Совершенствованием правотворчества как завершающей части процесса правообразования с использованием соответствующих юридических средств.

2. Разработкой и совершенствованием механизма правового менеджмента.

3. Рассмотрением некоторых институтов уголовного права с позиций проектного менеджмента в соответствии с уголовно-правовым пониманием сущности явлений.

4. Совершенствованием правоприменения с учетом юридических особенностей конкретной ситуации.

5. Повышением уровня правовой культуры субъектов права.

Список литературы

1. Васильев В. Л. Юридическая психология. Л.: изд-во Ленингр. ун-та, 1974. С. 95.
2. Головина Е.П., Микулина Л.Д., Головин С.С. Компетентностный подход к профессиональной подготовке современного юриста // Территория науки. 2013. № 5. С. 105-109.
3. Гукова И. С. «Технология» соучастия: менеджеристский подход к уголовно-правовому институту // Иркутский юридический институт. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-souchastiya-menedzheristskiy-podhod-k-ugolovno-pravovomu-institutu> (дата обращения 23.11.2019)
4. Друкер П. Ф. Энциклопедия менеджмента: Пер. с англ. М., 2004. С. 102-103.
5. Жилина, Е. А. Юридическая служба предприятия: создание и управление : практическое пособие / Е.А. Жилина. — Москва : КНОРУС, 2017. — 166 с.
6. Камалетдинов Э. С. «Идеальный тип» юриста в современном российском обществе: сущность и качественные характеристики // Вестник Башкирского университета. Уфа, 2012. – Т. 17. №4. – С. 1859-1861.
7. Михайленко Е. В. Менеджмент в юриспруденции: учебник по курсу МВА "Лидерство. Управление карьерой юриста-управленца. Управление персоналом" / Е.В. Михайленко; Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ун-т. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва: Изд-во Московского психолого-социального ун-та; Воронеж: МОДЭК, 2012.-279 с.
8. Сазонова М.В., Сазонов А.А. Модели управления проектами // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2016. – № 24. – С. 180-184.
9. Юрковский А. В., Кузьмин И. А. Теоретико-методологические и практико-организационные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности с позиции сотрудников прокуратуры РФ (социологические и юридические аспекты) // Научные труды. Российская Академия юридических наук. М., 2015. С. 1238-1244.

УДК: 342.98

Д.С. Каблов, канд. юрид. наук, доцент, Донецкий национальный университет (г. Донецк)

(e-mail: kablv.denis@rambler.ru)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

В статье рассматриваются вопросы законодательного регулирования деятельности органов внутренних дел на современном этапе развития. На основе анализа различных точек зрения и подходов исследуются фундаментальные аспекты описываемой в статье проблематики и

выделяются не только общие положения, но особенности законодательства в сфере деятельности полиции.

Ключевые слова: законодательство, правовое регулирование, правовой статус, нормативно-правовые акты, полиция.

Kablov, D.S.

LEGISLATIVE REGULATION OF THE POLICE ORGANIZATION AND ACTIVITY

The article deals with the issues of legislative regulation of the activities of the internal affairs bodies at the present stage of development. Based on the analysis of various points of view and approaches, the fundamental aspects of the problems described in the article are investigated and not only general provisions are highlighted, but also the peculiarities of legislation in the field of police activity.

Key words: legislation, legal regulation, legal status, regulations, police.

Актуальность темы. Для Донецкой Народной Республики, которая конституционно определила себя правовым государством, особое значение приобретает существование и функционирование четкого и эффективного нормативно-правового регулирования организации и деятельности всех составных частей государственных органов, непосредственное значение которых заключается в осуществлении правоохранительной деятельности.

В системе государственных органов полиция занимает специфическое место, что обусловлено, прежде всего, теми функциями, которые она призвана осуществлять, а также тем, что ее деятельность происходит среди людей и охватывает практически все сферы общественной жизни. Поэтому вопросы, связанные с обеспечением надлежащего качества всех уровней правовой базы организации и деятельности полиции ДНР, приобретают особое значение и требуют глубоких разносторонних исследований.

Особое внимание требует правовое регулирование организации и деятельности полиции, так как в этой сфере на сегодня сложилась кризисная ситуация и решение этой проблемы видится в усовершенствовании механизма нормативно-правового регулирования деятельности полиции, выработке новой современной концепции нормотворческой деятельности, определении ее приоритетов и оптимальной организации.

Ведущая роль в создании эффективной правовой системы, которая призвана подготовить совершенную законодательную базу реформирования государства, принадлежит органам законодательной власти. Народный Совет ДНР осуществил в этом направлении большую работу.

Анализ научных исследований. Отдельные аспекты проблемы регулирования организации и деятельности полиции рассмотрены в работах С.Н. Бочарова, А.П. Коренева, В.В. Копейчикова, Н.С. Куликовой, М.М. Бабаева, Ю.Д. Блувштейн. Однако ряд отдельных вопросов правового регулирования остается недостаточно проработанным.

Целью статьи является анализ законодательного регулирования организации и деятельности полиции и направления его усовершенствования.

Как правильно отмечает С.С. Алексеев, «человеческое общество характеризуется той или иной степенью организованности, упорядочения. Это вызвано необходимостью согласования потребностей, интересов отдельного человека и общества людей». Для достижения такого согласования осуществляется социальное регулирование, то есть целенаправленное воздействие на поведение людей [1, с. 223].

В системе социального регулирования важнейшая роль принадлежит правовому регулированию, под которым в узком смысле понимается действие норм права (системы правовых норм), других специально-юридических средств на поведение людей и на общественные отношения с целью их упорядочения и прогрессивного развития.

В литературе, научных исследованиях было сделано несколько попыток совместить в одном процессе правового регулирования и регулятивную деятельность государственных органов и влияние, которое осуществляется правом на общественные отношения, но позже все авторы, как правило, отказывались от таких попыток.

Ведущее место в правовом регулировании организации и деятельности органов исполнительной власти (как представительных, так и исполнительных) занимает Конституция ДНР. Это обусловлено сущностью Конституции, как Основного Закона государства и общества, а также кругом особенностей конституционных норм, которые отличают их от других правовых предписаний.

Существенной особенностью является то, что Конституция ДНР не предусматривает полностью исчерпывающей регламентации системы органов исполнительной власти. Это подтверждается тем, что в Конституции отсутствуют прямые указания на полный перечень составляющих элементов (звеньев) системы органов исполнительной власти, а также сама Конституция относит решение вопросов «организации и деятельности» органов исполнительной власти, которые могут непосредственно влиять на различные аспекты построения и функционирования системы данных органов, к предмету регулирования «исключительно законами ДНР».

Так, например, ст. 80 часть 3 гласит: «Статус, полномочия, порядок и гарантии деятельности судей определяются законом Донецкой Народной Республики», а ст. 81 говорит нам о том что «Прокуратура Донецкой Народной Республики осуществляет надзор за соблюдением настоящей Конституции и исполнением законов на территории Донецкой Народной Республики, выполняет иные функции, установленные законами» [6].

Министерство внутренних дел Донецкой Народной Республики является республиканским органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел в сфере контроля оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в сфере миграции, а также осуществляет правоприменительные функции по государственному контролю (надзору) в сфере внутренних дел. Именно МВД

определяет общую стратегию, формы и методы деятельности органов внутренних дел, координирует их взаимоотношения с другими органами государства по борьбе с преступностью, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

В Положении о Министерстве внутренних дел ДНР говорится, что «МВД ДНР в своей деятельности руководствуется Конституцией Донецкой Народной Республики, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Донецкой Народной Республики, законами Донецкой Народной Республики, актами Главы Донецкой Народной Республики и Правительства Донецкой Народной Республики и настоящим Положением» [15].

Конституция ДНР имеет исключительно большое значение для дальнейшего совершенствования организации и деятельности полиции ДНР. И в этом утверждении нет преувеличения, хотя сами органы внутренних дел, как и другие отраслевые органы государственного управления, в Конституции даже не упоминаются. Но это не удивительно, поскольку Конституция фундаментально закрепляет коренные основы общественного и государственного устройства ДНР.

На сегодняшний день практика применения действующих нормативных предписаний, процесс совершенствования законодательства и законодательная деятельность в целом усложняются тем обстоятельством, что в государстве используется большой объем нормативной базы, которая регулирует вопросы деятельности органов власти, в том числе и деятельность полиции. Еще одним фактором, затрудняющим применение законодательства, являются различные мнения в толковании законодательных терминов. Так, например термин «законодательство» встречается в законах, в том числе кодифицированных. В текстах нормативных правовых актов зачастую встречается словосочетание «в случаях, предусмотренных законодательством ДНР», «на основании действующего законодательства». Это связано с тем, что они, на наш взгляд, имеют неодинаковую смысловую нагрузку - в одних случаях имеются в виду только законы, в других - законы и другие акты Народного Совета и Главы Республики, а также нормативные правовые акты органов исполнительной власти.

Так, в своих работах Б.А. Кистяковский, объясняя законодательство как важнейшую функцию в правовом государстве, говорил: «акты правительства, основанные на законе, должны издаваться только с той целью, которая преследуется законом, а не вопреки ей, только тогда они целесообразны» [4, с. 123].

Однако среди ученых - юристов, исследовавших место нормативного акта органов исполнительной власти в системе законодательства, существует негативное мнение относительно широкой трактовки понятия «законодательство». Это объясняется тем, что до недавнего времени акты, самые низкие по рангу в иерархии нормативно-правовых актов, занимали по своему количеству доминирующее место. Это, в свою очередь,

свидетельствовало о том, что нормативно-правовые акты низших степеней иерархии системы (например, акты министерств, ведомств и т. д.) приравнивались к нормативно-правовым актам высшей юридической силы - законам, а на практике занимали господствующее, доминирующее место [8, с. 93].

Приведенное выше наталкивает на необходимость анализа Закона ДНР «О нормативных правовых актах», в котором содержится свое определение данного понятия. Так, под понятием «законодательство» рассматривается «система нормативных правовых актов, принятых в установленном порядке, и международных договоров, заключенных в установленном порядке, регулирующих общественные отношения на территории Донецкой Народной Республики и за ее пределами»,

Рассматривая вышесказанное в качестве понятия «законодательство», мы считаем, что данное понятие требует уточнения и должно трактоваться таким образом: «совокупность нормативно-правовых актов, к которым следует отнести законы, и другие нормативные правовые акты, принятые уполномоченными органами, а также международные договоры, согласие на обязательность которых предоставлено Народным Советом ДНР».

К настоящему времени существующая часть общественных отношений, которая сложилась в сфере организации и деятельности полиции ДНР, не всегда урегулирована законами и базируется иногда на действии различных нормативных актов. Большое количество указов, постановлений, распоряжений, правил, приказов, инструкций разного уровня фактически выступает в качестве законодательства. Такое положение несовместимо с понятием правового государства.

Так, по мнению Куликовой Н.С., множественность нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность полиции, остается пока реальностью, вряд ли положительно влияющей на деятельность этого органа [7, с. 15].

Некоторые ученые делают вполне правильный, на наш взгляд, вывод о том, что большое количество нормативных актов само по себе является «дезорганизацией», которая порождает у исполнителей своеобразный «правовой коллапс», который способствует их отчуждению от службы [2, с. 64]

Таким образом, говоря далее о законодательном регулировании организации и деятельности полиции ДНР, мы будем рассматривать только законы, а не другие нормативные акты, акцентируя внимание на том, что предметом правового регулирования организации и деятельности полиции выступает достаточно широкий круг общественных отношений, большая часть которых непосредственно касается прав, свобод и законных интересов граждан. А это, в свою очередь, предполагает необходимость закрепления на законодательном уровне многих положений, которые до настоящего времени имеют место в подзаконных нормативных актах.

Среди законодательных актов, которые специально посвящены урегулированию нормативно-правового статуса полиции ДНР, особое место

занимает Закон ДНР «О полиции» [11] от 07 августа 2015 года. Этот закон впервые после провозглашения независимости ДНР попытался комплексно урегулировать вопросы, связанные с определением полиции в системе государственных органов, ее основные задачи, обязанности работников полиции, их защиту и ответственность.

Закон ДНР «О полиции» [11] создает необходимые условия для осуществления гражданами своих прав, охраняет эти права, и, в случае нарушения, принимает необходимые меры для восстановления нарушенных прав. Так, обеспечивая охрану правопорядка, полиция создает условия для осуществления гражданами своего права на жизнь, личную безопасность и одновременно предохраняет конституционные права граждан. Значение данного закона для практической деятельности трудно переоценить. Стремление построения правового государства позволило заложить в закон уважение и соблюдение прав человека, профессионализм сотрудников, достаточность и сбалансированность прав, свобод и обязанностей.

Положительным фактом является то, что воплощение в жизнь именно этого закона способствовало установлению постоянной системы правовой и социальной защиты работников полиции. Правовая защита работников МВД ДНР охватывает большой круг вопросов, которые можно объединить в две условно самостоятельные группы: правовая защита работников органов внутренних дел как представителей закона и государства; защита прав и законных интересов личности работника при исполнении служебных обязанностей в органах внутренних дел.

Как уже отмечалось, статья 1 Закона ДНР «О полиции» для выполнения поставленных задач наделяет полицию правом применения средств принуждения [11]. Причина в том, что цели деятельности полиции во многом совпадают с назначением других правоохранительных органов.

Право использования метода принуждения с применением специальных средств и даже оружия действительно отличает полицию от других правоохранительных органов. Это приводит к тому, что полицию можно признать вооруженным органом правопорядка. Однако такие ученые как С.Н. Бочаров, А.П. Корнев возражают против такой характеристики полиции, считая ее недемократической, объясняя при этом, что метод принуждения, исполняемый вооруженным государственным органом и должностными лицами не противоречит ни идеям правового государства, ни принципам правоохранительной системы - если принуждение применяется для защиты прав человека и в соответствии с законом [3, с. 8].

В основе выделения полиции как самостоятельного государственного органа лежат средства деятельности полиции. Такими средствами являются: непосредственное принуждение, меры физического воздействия, применение спецсредств, оружия и т.д. Предоставленное полиции право применять силу для достижения законных целей - ее главная отличительная особенность, которая позволяет занимать полиции особое место в государственной системе органов правопорядка.

Высказанное вовсе не означает, что деятельность полиции строится исключительно на применении силы. В реальной практике она гарантирует достижение законных целей чаще всего лишь одной потенциальной возможностью своего применения.

Большинством законов среди стран СНГ полиция была определена как «вооруженный правоохранительный орган исполнительной власти» (Молдова), «исполнительный орган государственной власти» (Эстония, Литва), «государственный вооруженный правоохранительный орган» (Беларусь, Туркменистан), «государственный вооруженный орган исполнительной власти» (Украина). В России полиция – «система государственных органов исполнительной власти».

Как мы видим, законодательство пошло по пути признания замаскированной до настоящего времени организационной сущности полиции как самостоятельной государственной структуры, которая имеет возможность с помощью принуждения добиваться исполнения законов.

ДНР в плане развития законодательства продвинулось вперед к правовому государству путем принятия закона «О службе в органах внутренних дел ДНР» [13], так как по данному вопросу в литературе возникает много споров.

Однако система законодательного регулирования организации и деятельности полиции не ограничивается только законами ДНР «О полиции» и «О службе в органах внутренних дел ДНР». Непосредственно деятельность органов внутренних дел, их структуру и систему управления регулируют Законы ДНР «О внутренних войсках ДНР» [9], «О дорожном движении» [10] «Об оперативно-разыскной деятельности» [14] КоАП [5] и другие.

Так, Закон ДНР «О дорожном движении» [10] определяет правовые и социальные основы дорожного движения с целью защиты жизни и здоровья граждан, создание безопасных и комфортных условий для участников дорожного движения. Ст. 8 этого закона регулирует деятельность МВД ДНР как органа государственной исполнительной власти, который в пределах своей компетенции обеспечивает безопасность дорожного движения, несет ответственность за выполнение государственных и отраслевых программ в сфере дорожного движения, издает нормативные акты о дорожном движении, которые не противоречат законодательству о дорожном движении, а также способствует предприятиям, учреждениям и организациям в осуществлении мероприятий, направленных на обеспечение безопасности дорожного движения.

Закон ДНР «О системе государственной службы ДНР» регулирует общественные отношения, охватывающие деятельность государства по созданию правовых, организационных, экономических и социальных условий реализации гражданами права на государственную службу. Ст. 1 Закона определяет, что государственная служба - это профессиональная деятельность лиц, занимающих должности в государственных органах и аппарате по практическому выполнению задач и функций государства и получающих

заработную плату за счет государственных средств. Эти лица являются государственными служащими и имеют соответствующие служебные полномочия [12].

Понятие службы в ОВД подпадает под общее понятие государственной службы как профессиональной деятельности лиц, занимающих должности в государственных органах и ее аппарате по практическому выполнению задач и функций государства и получающих заработную плату за счет государственных средств.

Таким образом, мы рассмотрели ряд законов ДНР, которые непосредственно регулируют деятельность полиции или детализируют отдельные предметы ведения полиции.

Особое внимание к нормативно-правовому регулированию организации и деятельности полиции объясняется, прежде всего, тем, что в настоящее время сложилась кризисная ситуация в борьбе с преступностью, поэтому службы подразделений полиции и их нормативно-правовое регулирование должны соответствовать требованиям правового государства.

Выводы. Подводя итог, следует сказать, что задачи, функции, структура подразделений полиции имеют качественное отличие от иных действующих правоохранительных формирований. Отличие заключается в том, что данные подразделения должны быть исключительно единственными самостоятельными подразделениями, составляющие звенья которых через четкий и хорошо отлаженный механизм сотрудничества должны быть направлены на эффективное решение основной задачи полиции – борьбе с преступностью.

Необходимо принять законы о структурных подразделениях, составляющих полицию, таких как: «Об управлении по борьбе с организованной преступностью», «Об органах предварительного следствия», «Об уголовной полиции» и другие, в которых определить их структуру, задачи, функции и место в системе полиции, а также разработать на должном уровне соответствующие положения об этих подразделениях. Отсутствие таких нормативно-правовых актов позволяет отдельным подразделениям работать в правовом вакууме длительные периоды времени. При этом все нормативные правовые акты целесообразно принимать одновременно для всех подразделений органов внутренних дел. Такой подход обеспечит согласованность иерархии актов в рамках относительно замкнутой системы, которая будет предусматривать их последовательность и правопреемство.

Список литературы

1. Алексеев, С.С. Теория государства и права: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / Алексеев С.С., Архипов С.И., Игнатенко Г.В. и др.; Отв. ред. В.Д. Перевалов. - 3. изд., перераб. и доп. - М. : НОРМА, 2004. – 484 с.

2. Бабаев, М.М., Блувштейн, Ю.Д. Бюрократизм в правоохранительной деятельности: истоки и пути преодоления / М.М. Бабаев, Ю.Д. Блувштейн Ю.Д. // Советское государство и право. - М.: Наука, 1990, № 9. - С. 60-66
3. Бочаров, С.Н., Коренев, А.П. Российский закон о милиции / С.Н. Бочаров, А.П. Коренев Б.П. Кондрашов, Ю.П. Соловей, В.В. Черников. - М.: Вердикт, 1992. - 176 с.
4. Кистяковский, Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) / Б. А. Кистяковский // Вехи; Из глубины : сб. ст. о рус. интеллигенции. – М.: Правда, 1991. – С. 122–149.
5. Кодекс України про адміністративні правопорушення Відомості Верховної Ради УРСР від 18.12.1984/1984 р., № 51, стаття 1122
6. Конституция ДНР: Верховным Советом Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/>. – (дата обращения: 24.09.2020).
7. Куликова Н.С. Правовое регулирование обеспечения законности и дисциплины в административной деятельности полиции: автореф., дисер. ... канд юрид. наук: 12.00.14 - Административное право; административный процесс» / Куликова Наталья Сергеевна. – Краснодар, 2016 г. –25 с.
8. Лисенкова О. Законодавство України: необхідне нормативне визначення поняття / О. Лисенкова // Право України. - 1999.- № 11. – С. 93 - 97.
9. О внутренних войсках ДНР: Закон. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-vv-mvd/>. – (дата обращения: 24.09.2020).
10. О дорожном движении: Закон. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-dorozhnom-dvizhenii/>. – (дата обращения: 24.09.2020).
11. О полиции: Закон. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-o-politsii-donetskoj-narodnoj-respubliki/>. – (Дата обращения: 24.09.2020.)
12. О системе государственной службы ДНР: Закон. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-gos-sluzhbe/>. – (дата обращения: 24.09.2020).
13. О службе в органах внутренних дел ДНР: Закон. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-o-sluzhbe-v-ovd/>. – (дата обращения: 24.09.2020).
14. Об оперативно - розыскной деятельности: Закон. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-operativno-razysknoj-deyatelnosti/>. – (дата обращения: 24.09.2020).
15. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Донецкой Народной Республики: Указ. Главы Донецкой Народной Республики от 23.04.2020 № 110 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0001-110-20200423//>. – (дата обращения: 24.09.2020).

УДК 343.14

Э.Д. Коваленко, канд. юрид. наук, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: eduard.pakhomov.69@mail.ru)

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ИЛИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

В статье нашли репрезентацию актуальные теоретико-прикладные положения относительно обеспечения гарантий и принципов уголовно-процессуальных отношений. Изучение процессуальных гарантий и конституционных принципов обусловлено задачами уголовно-процессуального права, оперативно-следственной практики относительно реформирования уголовно-процессуального законодательства, правоприменительной деятельности в уголовном процессе с характерной для ДНР ориентацией на находящиеся под защитой конституции человеческие ценности.

Ключевые слова: процесс, гарантии, принципы, приоритеты, права человека.

Kovalenko, E.D.

PROCEDURAL SAFEGUARDS DURING THE INVESTIGATION AND DISCLOSURE OF CRIMES: AN OBLIGATION OR THE CIRCUMSTANCES

The article presents current theoretical and applied provisions concerning the provision of guarantees and principles of criminal procedure relations. The study of procedural guarantees and constitutional principles is conditioned by the tasks of criminal procedure law, operational and investigative practice regarding the reform of criminal procedure legislation, and law enforcement activities in criminal proceedings with the DPR's characteristic focus on constitutionally protected human values.

Key words: process, guarantees, principles, priorities, human rights.

Актуальность. Сама идея доминирования прав и свобод человека в системе социальных ценностей предусматривает углубленное изучение всех возможностей для оптимального обеспечения реализации таких прав граждан при организации мероприятий по борьбе с преступностью. Конституция ДНР, уголовно-процессуальные принципы и гарантии вместе с признанием приоритетов социальных ценностей устанавливают соответствующую ответственность государства за определённую функциями деятельность тех или иных органов исполнительной власти. Современная преступность становится серьёзной проблемой и опасностью для стабильного существования, развития государства и требует соответственно новых подходов для организации борьбы с ней. Расследование преступлений становится более сложным видом деятельности, поскольку требует соблюдения прав человека, соответствующих процессуальным гарантиям.

Если рассматривать роль процессуальных гарантий при расследовании уголовных дел, следует отметить характерные строгие содержательные и

структурные ограничения, что в обеспечении эффективности уголовного судопроизводства наиболее сильно отличают их от иных гарантий, законодательно предусмотренных для реализации иных видов правых норм.

Одним из критериев установления правового характера и легитимности любого нормативно-правового акта является соответствие его содержания требованиям Конституции ДНР.

Уголовное судопроизводство является именно той сферой деятельности государства, при которой возможны ограничения прав и свобод личности. Цели таких ограничений заключаются не в нанесении вреда конкретному человеку, участнику уголовного судопроизводства, а в установлении объективной истины по уголовному делу, в установлении справедливости и последующего наказания лиц, преступивших уголовный закон. Правовые системы предусматривают ограничение прав и свобод граждан в процессе борьбы с преступностью, этим вопросам уделялось внимание учёных процессуалистов, но проблемы до конца не разрешены.

Целью статьи является разрешение ряда вопросов по обеспечению прав человека, компромиссам в процессе производства по уголовному делу при условии обязательного обеспечения процессуальных гарантий, в том числе учитывая процессуальные особенности и правовые основания использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе.

Законность, объективность, справедливость уголовного судопроизводства невозможны без чёткого исполнения каждым его субъектом норм Конституции ДНР, имеющих основополагающий концептуальный характер для всего уголовно-процессуального права.

Одной из базовых основ уголовного судопроизводства является законность, которая по своему правовому смыслу означает, что суд, прокурор, следователь, орган дознания, при производстве по уголовному делу обязаны точно и неукоснительно соблюдать требования Конституции ДНР и Законов ДНР. Это одна из немногих основ, не имеющая исключений. Оправдать несоблюдение или неправильное применение законов не могут никакие обстоятельства [5, с. 44].

Следует согласиться с мнением учёных-процессуалистов, что несоблюдение в уголовном судопроизводстве принципа «дозволено только то, что предусмотрено Законом» непременно приведёт к произволу властных государственных органов и должностных лиц, обеспечивающих уголовный процесс [6, с. 7].

В правовом обществе контролировать преступность значительно сложнее, поскольку при этом одновременно необходимо обеспечить исполнение принципов, соответствующие процессуальные права обвиняемого и потерпевшего, а также взаимные компромиссы. Таким образом, поиски объективной истины по уголовному делу затиснуты между двумя ценностными границами, необходимостью с одной стороны более жёсткого контроля над преступными проявлениями, а с другой стороны – неукоснительным соблюдением прав человека [8, с. 112].

Вполне естественно, при наличии только прав и свобод человека, но без обязанностей, нормальная жизнедеятельность в государстве и обществе невозможна. Также нельзя представить нормальную жизнедеятельность в государстве и обществе без определённых ограничений тех самых прав и свобод человека.

Для осуществления эффективной реализации норм уголовной политики необходимо учитывать диалектическое соотношение прав и интересов участников уголовного судопроизводства и чёткое определение ценностных приоритетов, защищать которые необходимо в каждом конкретном случае [2, с. 223].

Особенное значение соотношения прав и интересов участников уголовного судопроизводства и характера процессуальных мер, связанных непосредственно с вторжением в сферу частных интересов личности, затронуть которые могут сотрудники правоохранительных органов при расследовании уголовных дел, заключается в определении принципиальных положений при организации борьбы с преступными посягательствами. Необходимо изначально разрешить ряд вопросов и определить концептуально: чему именно отдаётся предпочтение в борьбе с преступностью – защите прав и свобод человека или созданию благоприятных условий для установления объективной истины при расследовании уголовных дел [9, с. 107].

При этом необходимо учитывать фактические обстоятельства – современная преступность требует использования более изощрённых методов и средств для противостояния с ней. Новым и новейшим формам преступности необходимо противопоставлять соответствующие средства реагирования со стороны правоохранительных органов, иначе отсутствие определённой стратегии может привести к бескомпромиссности в реализации уголовно-процессуальной политики. Это не означает, что современные тенденции требуют введения жестких мер реагирования, принятия в сфере уголовного судопроизводства таких реакционных нормативных актов, которые в состоянии уменьшить уровень преступности путём её подавления. Однако, как показывает практика, принцип «отвечать злом на зло» не приведёт к разрешению всех проблемных вопросов, связанных с организацией борьбы с преступностью. Применение новейших, зачастую нетрадиционных средств борьбы с преступностью предусматривает отдельные компромиссные решения, порой связанные с ограничением прав и свобод граждан. Речь идёт о возможности применения принуждения на определённый срок как компромиссного фактора для осуществления общегосударственных интересов в борьбе с преступностью. Только необходимостью быстрого установления объективной истины по конкретному уголовному делу, выявлением всех виновных в совершении преступления определяется необходимая процессуальная возможность для принятия решения об ограничении прав и свобод личности при организации раскрытия и расследования преступления.

В этом плане именно оперативно-розыскная деятельность занимает ключевые позиции среди всего комплекса специальных правовых и

организационных мер, применяемых государством через систему правоохранительных органов в борьбе с организованной и общеуголовной преступностью. При этом деятельность, основанная на принципах законности, обеспечения прав и свобод человека, требует взаимодействия с органами управления и населением, что позволяет находить какие-либо варианты компромиссов. Правовая основа оперативно-розыскной деятельности в ДНР складывается из совокупности нормативно-правовых актов, провозглашающих правовые нормы, регламентирующие группы однородных общественных отношений между государством и конкретной личностью в процессе специальной деятельности правоохранительных органов по обеспечению безопасности человека, общества и государства путём применения специальных мер, методов и сил, а также использование оперативно-розыскных средств, если иными способами невозможно противостоять угрозе жизненно важным интересам отдельного человека, общества или государства в целом.

Правовую основу оперативно-розыскной деятельности составляют Конституция ДНР, Уголовный кодекс ДНР, Уголовно-процессуальный кодекс ДНР, Законы ДНР «Об оперативно-розыскной деятельности», «О статусе судей», «О прокуратуре», «О полиции», «О министерстве государственной безопасности», «О государственной тайне», «Об информации», непосредственное обеспечение безопасности лиц, участников уголовного судопроизводства, государственная защита сотрудников правоохранительных органов и суда, иные законодательные акты и правовые соглашения и договоры.

Принцип законности заключается в том, что должностные лица органов внутренних дел, обеспечивающие реализацию оперативно-розыскной деятельности, лица, способствующие осуществлению оперативно-розыскной деятельности, а также контролирующие и надзирающие за ней органы, обязаны исполнять требования законодательства в точном соответствии его содержанию, руководствуясь в своей деятельности нормами, составляющими правовую основу оперативно-розыскной деятельности.

Без соблюдения законности любая деятельность правоохранительных органов, особенно оперативно-розыскная деятельность будет являться незаконной, недопустимой. Любые результаты такой деятельности, какие бы цели они не преследовали, не должны признаваться ни обществом, ни государством [1, с. 89].

Начнём с того, что оперативно-розыскная деятельность предусматривает оформление всего процесса её проведения соответствующими документами. Правильно оформленные документы по результатам оперативно-розыскной деятельности, соблюдение процессуальных форм в целом, обеспечивают установление объективной истины по уголовному делу, выступают важнейшей гарантией законности, защиты прав и свобод личности.

Сотрудники оперативных подразделений получают определённую информацию, имеющую по своей сути вероятный характер. Такая информация требует дальнейшей проверки и соответствующего процессуального

документирования. Порядок получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности и её содержательный характер не позволяют считать такую информацию достоверной с момента её получения, поскольку это может привести к нежелательному распознаванию источников оперативной информации. В ряде случаев оперативно-розыскную информацию необходимо законно легализовать, из негласной категории перевести в подлежащую огласке, для дальнейшего использования в уголовном судопроизводстве. Предварительный, подготовительный, поисковый характер оперативно-розыскной деятельности ограничивается пределами её гласности. Процессуальная гласность проявляется в доступности, открытости информации, возможности использования информации в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства.

Законность соблюдения прав и свобод человека вызывает необходимость исполнения правового режима получения, проверки и использования оперативно-розыскной информации. При осуществлении оперативно-розыскной деятельности не допускаются любые нарушения прав отдельных граждан или юридических лиц. Отдельные ограничения таких прав и свобод имеют под собой исключительность и носят временный, иногда конфиденциальный, характер. Такие ограничения могут применяться только по мотивированному решению суда и только в отношении лиц, в действиях которых есть признаки состава преступления, а также в случаях, предусмотренных законодательством ДНР.

Позволяя осуществлять оперативно-розыскную деятельность при наличии необходимых оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий и использования соответствующих средств и методов, закон требует для осуществления оперативно-розыскной деятельности наличия достаточных и достоверных поводов. Законные поводы для начала реализации оперативно-розыскных мероприятий являются определённой гарантией соблюдения законности проведения оперативно-розыскной деятельности. Основания устанавливают определённый ограничительный характер относительно применения сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности, что не допускает бесконтрольного их применения. Как уже отмечалось, оперативно-розыскная деятельность – наиболее результативная государственная правовая форма организации борьбы с преступностью, реализуется через специальные оперативные подразделения, сотрудники которых наделены правом широкого использования специальных сил, средств и методов. В то же время предоставленные уголовно-процессуальные функции предоставляют возможность, используя оперативно-розыскные методы не только выявлять лиц, совершивших преступления, но и процессуальным путём, с соблюдением гарантий, оформлять полученную информацию, как доказательства [1, с. 114].

Реализация прав и законных интересов граждан в оперативно-розыскной деятельности определяется специальными особенностями их регламентации, специального регулирования, при этом учитываются негласный,

конспиративный характер оперативно-розыскных мероприятий, проводимых до принятия решения о возбуждении уголовного дела. Поэтому исполнение конституционных принципов оперативно-розыскной деятельности имеет свои специфические особенности. Одним из основных конституционных принципов является право человека на свободу и личную неприкосновенность. Конституция ДНР определяет: никто не может быть арестован или содержаться под стражей иначе как по мотивированному решению суда и только на основании и в порядке установленных законом. Одним словом, законность и обоснованность процессуального ареста приводят к необходимости оценки обоснованности предъявленного обвинения совокупностью доказательств по уголовному делу.

Неприкосновенность личности представляет собой общеправовой институт, к которому относят телесную, духовную, моральную, психологическую неприкосновенность [7, с. 255]. Уголовно-процессуальное законодательство в значительной степени делает упор на элементы государственного принуждения, которые по своей процессуальной сущности и процессуальной необходимости ограничивают, но не умаляют неприкосновенность как таковую. Кроме процессуального задержания или содержания под стражей возможно выделить и другие меры процессуального принуждения, которые производятся на основании и в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством, такие как привод и доставка свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, что также в какой-то степени ограничивает свободу граждан. С целью собирания доказательств по уголовному делу закон допускает также возможность ограничений конституционных прав граждан и при производстве обыска (неприкосновенность жилища), наложении ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, осмотр корреспонденции и её выемку, снятие информации с каналов связи (тайна переписки, телефонных переговоров), принудительное освидетельствование, получение образцов для экспертного исследования, личный обыск (неприкосновенность личности).

Предметом споров является задержание подозреваемого сотрудниками оперативных подразделений. Основным предназначением такого задержания в первую очередь является прекращение преступной деятельности подозреваемого, ну и конечно предупреждение уклонений подозреваемого от следствия, недопущение фальсификации доказательств со стороны подозреваемого.

Так, например, при физическом задержании подозреваемого, при реализации процессуального решения об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей или определении иной меры пресечения, ограничиваются личные права и свободы гражданина, виновность которого судом ещё не признана.

Сравнивая процессуальное задержание подозреваемого и физическое задержание того же подозреваемого, заключаем, что процессуальное задержание целенаправленно позволяет прекратить преступную деятельность

подозреваемого, предупредить попытки уклонения от следствия, установить личность подозреваемого, если такова не установлена, обеспечить участие подозреваемого в производстве процессуальных действий, не допустить фальсификации доказательств путём угроз и компромиссных показаний свидетелей и потерпевших и иных попыток помешать установлению объективной истины по уголовному делу. В свою очередь, задержание подозреваемого сотрудниками оперативных подразделений, как правило представляет кратковременное ограничение свободы лица, обоснованно подозреваемого в совершении преступления, без процессуального решения. Такое задержание возможно осуществимо до возбуждения уголовного дела, при непосредственном обнаружении оперативными сотрудниками признаков состава преступления, когда основания для задержания появляются стремительно и осуществить процессуальное задержание не предоставляется возможным. Законодательство ДНР допускает возможность физического задержания подозреваемого. Ст. 117 УПК ДНР специально определяет процессуальный порядок задержания оперативными подразделениями лица, подозреваемого в совершении преступления. При наличии оперативно-розыскной информации о готовящемся или совершенном преступлении, за совершение которого уголовным законом может быть назначено наказание в виде лишения свободы, орган дознания (сотрудники оперативно-розыскного подразделения) имеет право задержать лицо при наличии законных оснований. Такими основаниями будут являться обстоятельства, когда лицо застигнуто на месте в момент совершения преступления или непосредственно после совершения преступления.

Задержание сотрудниками оперативных подразделений подозреваемого, если на нём, на его одежде, при нём или в его жилище выявлены явные следы преступления, может осуществляться при непосредственном выявлении признаков преступления или при реализации оперативно-розыскной информации. В таких случаях уголовное дело ещё не возбуждено, а возникшая ситуация может иметь неотложный характер, и законодательство при этом прямого предварительного получения разрешения не требует. В таких ситуациях возможно говорить не только о явных следах преступления в прямом смысле этого слова, но и о возможных вещественных доказательствах, изобличающих лицо в совершении преступления – оружие, наркотики, похищенное имущество, документы, орудия преступления и другое. Оперативные сотрудники, производящие задержание, лично, по своему внутреннему убеждению, оперативно удостоверяются в существовании явных следов преступления. При этом необходимо учитывать тот фактор, что за их действиями могут наблюдать и посторонние лица, свидетели совершённого преступления. При задержании подозреваемого в ходе реализации оперативно-розыскной информации у сотрудников зачастую есть возможность подготовиться к физическому задержанию и при этом осуществить процессуальное задержание подозреваемого. В случае, если в отношении лица было заведено розыскное дело, систематически отрабатывалась оперативная

информация о местах сокрытия похищенного имущества, сокрытия подозреваемого, соучастников, пособников совершенного преступления и иная доказательственная информация, задержание подозреваемого или подозреваемых будет являться реализацией оперативно-розыскной информации при процессуальной легализации иных фактических данных, полученных путём проведения оперативно-розыскной деятельности.

Следует согласиться с мнением учёных, что согласно процессуальному законодательству, для производства действий по выявлению следов преступления в жилище или ином владении лица на основании оперативно-розыскной информации, нельзя проводить обыски, освидетельствования, изъятия, если уголовное дело не возбуждено. Однако при процессуальном задержании подозреваемого такие действия допустимы. Результаты таких действий должны отображаться в отдельных протоколах по конкретному уголовному делу [3, с. 34].

При раскрытии и расследовании тяжких и особо тяжких преступлений оперативным сотрудникам, как правило, требуются дополнительное время и силы на установление всех участников организованной преступной группы или преступного сообщества, выявление организаторов, установление действительной роли каждого члена организованной группы или сообщества в совершении преступлений. Производство по делу осложняется и возможными угрозами в адрес сотрудничающего со следствием лица со стороны соучастников.

Практика показывает, что определённое количество нарушений правовых норм, имеющих негативные правовые и моральные последствия для отдельных граждан, связано не с оперативно-розыскной деятельностью, как формой организации борьбы с преступностью. В большинстве случаев говорится о фактах несвоевременного принятия решений, неправильности решений, что приводит к полному игнорированию или бескомпромиссному реагированию на оперативную информацию о подготовке или совершении преступления, нарушениях регламентации отдельных методик проведения мероприятий, профессионально неграмотное или безответственное осуществление оперативно-розыскных мероприятий.

Если рассматривать вопрос о компромиссных принципах нравственной допустимости в оперативно-розыскной деятельности, необходимо учитывать, что с тактической точки зрения разработкам решений оперативно-служебных задач, стоящих перед оперативными сотрудниками, нередко сопутствует проявление форм профессиональной деформации моральных требований. При этом наблюдается проявление служебной морали, замкнутой на служебных интересах профессиональной группы оперативных работников, не соответствующей, а порой противоречащей сопредельным интересам преступной группы, или отдельно взятого фигуранта. Нейтрализация такого проявления в наибольшей степени зависит от интенсивности и содержания воспитательного процесса, направленного на разработку определенных правил

поведения при решении оперативно служебных задач, имеющих ярко выраженную нравственную окраску.

Моральный компромисс в оперативно-розыскной деятельности – наиболее тонкий и сложный акт нравственной альтернативы, где в процессе достижения цели существуют риски уничтожения её добродетельного характера. Особенно контрастно такие риски проявляются при конфиденциальном содействии граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Оперативным сотрудникам нередко приходится находить компромисс между преобладающими в сознании граждан жёсткими позициями в борьбе с преступностью и использованием информации, исходящей от криминальных субъектов.

Следует согласиться, что оперативные компромиссные конструкции могут выражать направленность на стабилизацию общественных отношений, нормальное течение которых нарушено в результате совершения преступления, а именно стимулирование лиц, совершивших преступления, к добровольному положительному поведению в будущем, изменение отношения потерпевшей стороны к преступнику на более компромиссное [4, с. 55]. Следовательно, компромиссные оперативные процедуры по существу могут обеспечить урегулирование уголовно-правового конфликта, в процессе которого стороны принимают активное участие, а достигаемый при этом результат воспринимается ими как альтернативный.

Наряду с этим процессуальная экономия не всегда выступает производной разрешения спора на основе компромисса. Оперативная процедура эффективна, если рациональное расходование процессуальных средств обеспечивает надлежащую защиту прав и законных интересов всех участников уголовного процесса.

Соблюдение процессуальных гарантий по обеспечению законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства представляет собой сложный, многоплановый механизм. Из существующей взаимной связки между расследующими преступления, осуществляющими процессуальный надзор за поведением участников уголовного процесса и вытекает согласованное, компромиссное правовое регулирование.

Мы уже акцентировали внимание на том, что в аспекте уголовного судопроизводства все привыкли говорить о защите прав тех, кто совершил преступное посягательство, кого привлекают к уголовной ответственности. Законодательно на защиту подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного и направлены процессуальные гарантии. Согласно Конституции ДНР каждый гражданин имеет право на свободное развитие своей личности, если при этом не нарушаются права и свободы других граждан. Закон предлагает компромиссно уделять внимание защите прав и свобод всех граждан, что и является выражением правового общества и государства.

Список литературы

1. Бандурка А.М. Оперативно-розыскная деятельность. Часть 1: Учебник. – Харьков: Изд-во Нац. ун-та внутр. дел, 2002, 547 с.

2. Бахин В.П. Средства борьбы с преступностью и право личности: Учебное пособие. - Киев, 1997, 342 с.
3. Грохольский В.Л. Реализация и соблюдение конституционных принципов оперативно-розыскной деятельности // Вестник ОИВД.- 1998.- №3.
4. Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России. Диссерт. канд. юрид. наук. Самара: СамГУ, 2011, 272 с.
5. Маляренко В.Т. Пределы судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека в стадии предварительного расследования уголовного дела // Право Украины. - 2001. - №4. С. 42-49.
6. Михеенко М.М., Молдован В.В, Шибико В.В. Уголовно-процессуальное право. - Киев, 1997, 745 с.
7. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. - М.: Наука, 1989, 380 с.
8. Петрухин И.Л. Человек и власть. - М., 1999, 392 с.
9. Строков И. Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве // Право Украины. - 2001. - №3.

УДК 343.133

С.Н. Меркулов, канд. юрид. наук, доцент, Донецкий национальный университет (г. Донецк)

(e-mail: merkulovepf@mail.ru)

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Рассмотрены составляющие элементы обвинения в уголовном судопроизводстве. Показано единство его материальной и процессуальной сторон. Определено соотношение обвинения как процессуальных функции и деятельности. Фабула обвинения, его юридическая формулировка и правовая квалификация составляют структуру обвинения в уголовном судопроизводстве. Конкретизированная структура обвинения служит задачам совершенствования процессуальных документов в следственной и судебной практике.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказывание, обвинение, фабула, юридическая формулировка, правовая квалификация.

Merkulov, S.N.

STRUCTURE AND CONTENT OF CHARGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

The constituent elements of the charge in criminal proceedings have been considered. The unity of its material and procedural sides has been shown. The ratio of the charge as a procedural function and activity has been determined. The theory of the charge, its legal language and legal qualification constitute the structure of the charge in criminal proceedings. The concretized structure of the

charge serves the tasks of improving procedural documents in investigative and judicial practice.

Key words: *criminal proceedings, proof, charge, theory, legal language, legal qualification.*

Актуальность темы исследования. Права и свободы человека, провозглашенные Конституцией Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) высшей ценностью (ст. 3 Конституции ДНР), предполагают осуществление последовательного подхода к содержанию ограничительных мер в уголовно-процессуальном законодательстве. На текущий период проблемным в уголовном судопроизводстве ДНР остаются правовые основания для ограничений прав и свобод человека. Ученые-процессуалисты исключают волюнтаризм злоупотребления ограничительными мерами в уголовном судопроизводстве [19, с. 214]. Между тем, внимания требует защита упомянутых прав человека при предъявлении обвинения, которое наносит лицу нравственные страдания и может сказаться на его имущественном положении. Поэтому содержание предъявляемого обвинения требует изучения, совершенствования его структуры и содержания, в плане обеспечения защиты прав и свобод человека.

Анализ научных исследований. Вопросам понятия, сущности и реализации обвинения посвящены работы многих отечественных ученых-процессуалистов, таких как: Л.В. Головкин, П.М. Давыдов, Т.Н. Добровольская, О.Д. Жук, В.С. Зеленецкий, З.З. Зинатуллин, Т.З. Зинатуллин, Г.Н. Королев, Г.М. Миньковский, Н.П. Подольная, С.Б. Россинский, М.С. Строгович, Ф.Н. Фаткуллин и др. Однако на сегодняшний день отсутствует единый научный подход к пониманию содержания обвинения в уголовном судопроизводстве.

Цель статьи формулируем как конкретизацию содержания обвинения в уголовном судопроизводстве ДНР.

Обратимся к содержанию понятия обвинения. С позиций следственной и судебной практики обвинение воплощено обвинительным заключением (актом), приговором, другими процессуальными документами. Поэтому вопросы содержания и структуры обвинения сохраняют практическую актуальность. Согласно классическому определению, обвинение – это совокупность процессуальных действий, направленных на изобличение лица, совершившего преступление [18, с. 105]. Ряд ученых отождествляют данное понятие с деятельностью по поддержанию обвинения в суде [9, с. 25; 13]. Другие авторы расширяют содержание обвинения за счет деятельности компетентных органов и лиц по разоблачению обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении, с обоснованием его уголовной ответственности, чтобы добиться публичного его осуждения [20]. Обращено внимание на обязательность обоснования обвинения собранными по делу доказательствами, в силу чего обвиняемый подвергается осуждению и наказанию [14, с. 262]. Авторы определяют обвинение как самостоятельную уголовно-процессуальную функцию, суть которой составляют

регламентированные законом направления деятельности субъектов обвинения (следователя, прокурора, потерпевшего и гражданского истца, их представителей) [8]. Мы поддерживаем позицию ученых, что обвинение – это деятельность уполномоченных субъектов, направленная на привлечение лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности. Содержание этой деятельности сводится к сбору доказательств виновности лица в совершении преступления. Тогда целью обвинения можно назвать привлечение лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности, а не только разоблачение обвиняемого. Данное определение выражает устоявшееся в современной науке мнение. Ученые указывают и на необходимость включения в структуру обвинения мер по предупреждению преступлений [2, с. 25].

Учитывая вышеизложенное, обвинение можно определить как обоснованное нормами права и совокупностью исследованных доказательств утверждение органа досудебного расследования и прокурора о совершении определенным лицом деяния, предусмотренного законом об уголовной ответственности. Обвинение, как юридический факт, создает условия для реализации прав участниками уголовного производства, разрешения уголовного дела по существу в судебном порядке. Заметим, что такое понимание предусматривает в структуре обвинения характеристику (описание) уголовного преступления, его юридическую квалификацию, а также конкретные доказательства, полученные в установленном законом порядке.

Авторы различают обвинение как функцию, и как деятельность [3, с. 26]. Так, обвинение как процессуальная деятельность отображает его процессуальную сторону. Естественно связывать содержание рассматриваемого понятия с категорией вины в уголовном праве. Действительно, обвинение трактуют как утверждение о совершении определенным лицом деяния, предусмотренного Уголовным Кодексом ДНР. То есть, ученые рассматривают обвинение и в материальном аспекте [23, с. 45]. Согласно такой позиции обвинение сводится к совокупности установленных по делу и инкриминируемых обвиняемому общественно опасных и противоправных фактов, составляющих содержание конкретного состава преступления, за которое данное лицо несет уголовную ответственность и должно быть осуждено [21, с. 105].

Между тем, другие ученые ограничивают форму и содержание обвинительной деятельности только уголовно-процессуальным законом. Авторы не приравнивают обвинение ни к преступлению, ни к самой ответственности, оставляя его в системе только уголовно-процессуальных понятий [15].

Мы поддерживаем позицию, согласно которой обвинение содержит две стороны – уголовно-процессуальную и уголовно-правовую (материальную). Данная категория, как процессуальная деятельность, находит свое выражение в обвинении, в его материально-правовом смысле [2, с. 28].

Современные авторы связывают содержание обвинения с принципом состязательности в уголовном судопроизводстве. Согласно этому принципу все

функции уголовного процесса распределены на обвинение, защиту и правосудие. При осуществлении правосудия решается спор между сторонами процесса, которые представляют и отстаивают противоположные интересы. Судебный спор контролируется и дополняется активным участием суда в судебном разбирательстве. В итоге состязательность сводится к распределению процессуальных функций между основными субъектами уголовно-процессуальной деятельности. Уголовно-процессуальное законодательство ДНР закрепляет положение, согласно которому поддержание государственного обвинения в суде осуществляется прокурором (ч. 3 ст. 16 УПК ДНР), а при определенных условиях поддерживать обвинение имеет право потерпевший. Доказательства, представленные сторонами, оцениваются судом по внутреннему убеждению. В уголовном производстве могут быть заключены определенные соглашения: 1) соглашение о примирении между потерпевшим и подозреваемым или обвиняемым; 2) соглашение между прокурором и подозреваемым или обвиняемым о признании виновности. Если суд убедится в допустимости такой сделки, он выносит приговор, которым утверждает соглашение и назначает согласованную сторонами меру наказания. Так, в системе правосудия обвинение становится обязательным элементом, поскольку без него не возникают ни функция защиты, ни правосудия. Правосудие осуществляется только в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступления.

Классики теории отечественного уголовного процесса его цель определяли не как обвинение, а как достижение истины [13, с. 52]. Но, согласно современным взглядам, такая цель предполагает процесс ее достижения, истина достигается путем конкретной деятельности. Именно такой деятельностью и является обвинение. В этом контексте задачей суда становится проверка правильности обвинения и вынесение решения по результатам судебного разбирательства. Исходя из изложенного, можем трактовать обвинение как движущую силу уголовного судопроизводства. А состязательность сторон становится способом проверки обоснованности обвинительных требований. Благодаря состязательности обеспечивается возможность для сторон, имеющих противоположные интересы, но равные процессуальные права, обосновывать доказательствами свою позицию, чтобы решение по уголовному делу было законным, обоснованным и справедливым.

Приведенными рассуждениями мы подтверждаем единство материальной и процессуальной сторон обвинения. В материальном смысле это понятие выступает как утверждение о совершении лицом определенного деяния, предусмотренного уголовным законом ДНР. Процессуальная сторона обвинения – это целенаправленная деятельность (функция) обвинителя и других представителей стороны обвинения в уголовном судопроизводстве.

Можем утверждать, что процесс обвинения связан с категорией уголовного преследования. Уголовное преследование признается процессуальной деятельностью, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. В

общенаучном понимании, преследование означает последовательность указанных в законе действий по собиранию доказательств путем производства следственных действий. По вопросу соотношения рассматриваемых понятий в науке уголовного процесса существуют две основные точки зрения. Согласно первой, эти понятия – синонимы (И.Я. Фойницкий, М.С. Строгович, Х.С. Таджиев и др.), вторая точка зрения признает обвинение особой формой уголовного преследования, но не единственной (Ю.Е. Ежова, А.П. Гуляев, А.М. Ларин, О.Я. Баев, М.П. Кан и др.). Так, например, И.Я. Фойницкий отождествлял понятие «уголовное преследование» и «обвинение» [22, с. 3-7]. Уголовное преследование, – писал М.С. Строгович, – это обвинение как уголовно-процессуальная функция, т.е. обвинительная деятельность [18, с. 194]. Оно, по мнению автора, представляет собой сложную процедуру, в которую входят действия следственных органов и прокуратуры, заключающиеся в собирании доказательств, уличающих обвиняемого, избрании принудительных мер, обеспечивающих изобличение обвиняемого. Все они направлены на обоснование перед судом обвинения [17, с. 81-82]. Другие авторы включают в структуру процессуальной функции уголовного преследования различные направления этой деятельности – разоблачение преступника и обвинение лица [7, с. 28-38]. Иными словами, обвинение отождествляют с уголовным преследованием [12, с. 81].

Последняя трактовка представляется спорной. Ряд авторов признают целесообразным разграничивать уголовное преследование и обвинение как различные процессуальные функции. Вполне справедливо полагать, что обвинение может быть осуществлено только перед судом. На досудебных стадиях производится только подготовка к обвинению [5, с. 78]. На этих стадиях осуществляется деятельность уполномоченных должностных лиц, направленная на обеспечение неотвратимости наказания за совершенное преступление. Указанная деятельность содержит возбуждение уголовного дела против конкретного лица, задержание подозреваемого, применение меры пресечения до и после предъявления обвинения, привлечение к уголовной ответственности, проведение следственных действий, ограничивающих конституционные права подозреваемых и обвиняемых, составление обвинительного заключения и передачу уголовного дела в суд для осуществления правосудия [16, с. 144]. Авторы сводят уголовное преследование к обоснованию вывода о совершении конкретным лицом общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом [10, с. 25]. Выдвижение обвинения против конкретного лица на стадии досудебного следствия и в суде называют формой уголовного преследования [10, с. 25]. Направленность уголовного преследования состоит в изобличении подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления [4, с. 31]. Так, в соответствии с современными представлениями, уголовное преследование в широком смысле охватывает всю процессуальную деятельность по уголовному делу: установление события и обстоятельств преступления; лица, его совершившего; доказывание виновности и его наказания. В узком смысле

уголовное преследование рассматривается исключительно как уголовно-процессуальная деятельность обвинения конкретного лица в совершении преступления. Учитывая сказанное, можно признать, что уголовное преследование и обвинение имеют общие признаки с позиции общности целей, хотя реализуются они по-разному. Обвинение можно назвать закономерным итогом уголовного преследования. Обвинение как деятельность становится формой уголовного преследования.

Считаем необходимым заметить, что уголовное преследование осуществляют прокурор и следователь. Деятельность следователя направлена на изобличение конкретного лица в совершении преступления. Такое преследование имеет место независимо от того, предоставлен ли указанному лицу процессуальным решением следователя статус подозреваемого или обвиняемого. То есть, уголовное преследование осуществляется не в отношении подозреваемого, обвиняемого, а с целью его изобличения в совершении преступления. Исходя из такого представления, можем назвать значимые признаки уголовного преследования: оно осуществляется в рамках уголовного судопроизводства; направлено на обеспечение привлечения лица к уголовной ответственности, при условии доказанности его виновности в совершении преступления; применение к нему уголовного наказания, либо отказ от уголовного обвинения, а также применение мер принудительного характера.

Заметим, что уголовно-процессуальный закон выдвигает принцип обоснованности обвинения. В общенаучном понимании, «обоснованный» – это подтвержденный фактами, серьезными аргументами, неопровержимый [11, с. 442]. Обоснованность обвинения – это подтверждение его правильности ссылками на соответствующие нормы права, а также совокупностью доказательств и взаимосвязанных с ними неопровержимых аргументов [7, с. 76]. Поэтому мы считаем, что в содержание понятия обвинения следует добавить указание на то, что утверждение о совершении определенным лицом деяния, предусмотренного уголовным законодательством ДНР, должно быть обоснованным.

Рассмотрим вопрос включения фабулы в содержание обвинения. Ее понимают как изложение фактических обстоятельств уголовного правонарушения. Она образует фактическую часть обвинения и объединяет только те установленные в производстве факты, из которых состоит непосредственно уголовное преступление с его объективными и субъективными признаками. Так, фабулу обвинения можем свести к установленным в уголовном производстве обстоятельствам, которые инкриминируются обвиняемому как деяние, содержащее признаки определенного состава уголовного преступления. Указанное деяние должно быть познано. Такое познание осуществляет уполномоченное на то государством лицо, с применением законных средств [24]. Поэтому представляется верным включение фабулы в структуру обвинения.

Фактические данные, содержащиеся в фабуле обвинения обладают юридическими свойствами и признаками, которые обозначают термином «юридическая формулировка обвинения». В отличие от фактической фабулы обвинения, она для отдельного вида состава преступления всегда является единственной. В словаре термин «формулировка» трактуется как сжатая и точная словесная форма выражения мысли, понятия, суждения и т.д. Поэтому юридическую формулировку обвинения определяем как лаконичную и точную форму утверждения о виновности лица в совершении уголовного преступления.

Установление фактических обстоятельств преступления, составляющих фабулу обвинения, дает основания для его правовой квалификации. В общенаучном смысле квалификация – это определенный процесс, во время которого тщательно анализируются и соотносятся конкретные обстоятельства дела и признаки уголовно-правовой нормы, уточняются фактические и юридические признаки совершенного деяния [1, с. 56]. Но касательно содержания обвинения, квалификация в нем деяния, инкриминируемого обвиняемому, приобретает форму официального признания и закрепления в соответствующем процессуальном документе. Осуществляя квалификацию правонарушения, субъект доказывания анализирует мысленную модель расследуемого события, выделяет его признаки, а затем сравнивает их с признаками, зафиксированными в нормах Особенной части уголовного закона ДНР.

В итоге можем заключить, что фабула обвинения – это фактическая формулировка уголовно наказуемого деяния; юридическая формулировка – это его правовая модель; правовая квалификация – указание на конкретную статью уголовного закона ДНР. Фабула, юридическая формулировка и квалификация составляют структуру обвинения в уголовном судопроизводстве ДНР.

Выводы. Таким образом, в структуру обвинения включены его фабула, юридическая формулировка и правовая квалификация.

Разграничение указанных частей обвинения приобретает значение для полноты и точности содержания соответствующих процессуальных документов. Практическое значение конкретизированной структуры обвинения определено тем, что при составлении обвинительного заключения (акта), а также приговора (иного судебного решения), смысловое наполнение выделенных структурных элементов способствует однозначности понимания данного процессуального документа.

Список литературы

1. Абашева Ф.А., Зинатуллин Т.З. Функциональная характеристика современного российского уголовного процесса / науч. ред. З.З. Зинатуллин. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 216 с.
2. Альперт С.А. Обвинение в советском уголовном процессе. – Х.: Изд-во Харьковского юридического института, 1974. – 58 с.
3. Альперт С.А. Субъекты уголовного процесса. – Х.: НЮАУ имени Ярослава Мудрого, 1997. – 60 с.

4. Баев О.Я. Прокурор как субъект уголовного преследования. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 144 с.
5. Ежова Ю.Е. Уголовный иск и новый уголовно-процессуальный кодекс // Вестник МГУ. Серия 11: Право.– 2002. – № 6. – С. 74-85.
6. Зеленецкий В.С. Функциональная структура прокурорской деятельности. – Х.: Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1978. – 78 с.
7. Зеленецкий В.С., Глинская Н.В. Теория и практика обоснования решений в уголовном процессе Украины. – Х.: Страйд, 2006. – 336 с.
8. Исаенко В.Н. Государственное обвинение в системе уголовно-процессуальных функций // Актуальные проблемы российского права. – № 1 (98). – 2019. – С. 183-193.
9. Карев Д.С. Сущность и задачи советского уголовного процесса // Советский уголовный процесс.– М.: Высшая школа, 1968. – С. 3-38.
10. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – М.: Юрид. лит., 1986. – 159 с.
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Около 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1986. – 797 с.
12. Радченко В.И. Уголовный процесс: учебник для вузов. – М.: Юстицинформ, 2006. – 783 с.
13. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. – М.: Юридлит., 1961. – 277 с.
14. Ривлин А.Л. Понятие обвинения, его место в советском уголовном судопроизводстве // Вопросы государства и права. – М.: Юрид. лит., 1970. – С. 254-262.
15. Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. - М.: Наука, 1971. - 342 с.
16. Соловьев А.Б. Функции уголовного преследования в досудебных стадиях процесса // Прокуратура и правосудие в условиях судебно-правовой реформы. – М.: Изд-во НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1997. – С. 137-144.
17. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 703 с.
18. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. – М.: Наука, 1970. – Т. 2: Основные положения науки советского уголовного процесса.– 1970. – 516 с.
19. Тодыка Ю.Н., Тодыка О.Ю. Конституционно-правовой статус человека и гражданина в Украине. – К.: Видав. Дім «Ін Юре», 2004. – 368 с.
20. Фаткуллин Ф.Н. Изменение обвинения. – М.: Юрид. лит., 1971. – 164 с.
21. Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и судебный процесс. – М.: Изд-во Казанского университета, 1949. – 260 с.
22. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб.: Альфа, 1996. – Т. 1. – 1996.– 552 с.
23. Чельцов-Бебутов М. А. Советский уголовный процесс. – Х.: Юриздат, 1929. – 233 с.

24. Шадрина Е.Г. К вопросу о структуре обвинения // Российский юридический журнал. – 2009. – № 1 (64). – С. 150-155.

УДК 330.5526338

С.И. Охременко, канд. техн. наук, доцент Донбасской юридической академии (г. Донецк)

(e-mail: sveta_okhremenko@mail.ru)

МАРКЕТИНГ В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ

В статье рассматриваются вопросы значения маркетинга в оказании юридических услуг и дается обоснование возможности использования концепции маркетинга услуг в практической деятельности юристов и юридических компаний с целью повышения их конкурентоспособности.

Ключевые слова: маркетинг юридических услуг, юридическая компания, степень риска, доверие клиента, качество юридической услуги.

Okhremenko, S.I.

MARKETING IN THE FIELD OF LEGAL SERVICES

The article examines the importance of marketing in the provision of legal services and substantiates the possibility of using the concept of marketing services in the practice of lawyers and law firms in order to achieve their competitiveness.

Key words: marketing of legal services, legal company, degree of risk, client's trust, quality of legal services.

Одним из важных направлений развития экономик многих стран в последние десятилетия стала сфера услуг. До 70 % валового внутреннего продукта производится в сфере услуг в, так называемых, развитых странах. По данным статистики ежегодный прирост сферы услуг в этих странах составляет более 15 %. И это при том, что темпы роста в сфере торговли значительно скромнее - от 6 до 8 %.

Сфера услуг в большей мере связана с непроизводственной сферой, что определяется ее характерными признаками: неосязаемостью и нематериальностью, невозможностью хранения, обязательным присутствием потребителя в качестве участника процесса оказания услуги, что, прежде всего, относится к сфере обслуживания. Услуга не может существовать отдельно от ее производителя.

Для этой сферы очень важным является гарантированное наличие повышенных требований к качеству услуги, что предполагает наличие системы контроля качества.

Актуальность темы исследования. Оказание услуги — это процесс, результатом которого является получение как социального эффекта, если услуга направлена на человека, так и экономического эффекта, если оказание услуги предполагает единичное производство по индивидуальному заказу [11].

Маркетинг услуг занимает значительное место в таких сферах коммерческой и некоммерческой деятельности, как образование, медицина, страхование, юридические услуги и др. [7].

Юридический маркетинг в целом отличается от маркетинга услуг.

Прежде всего, следует отметить наличие определенных рисков. Изучая внутренние риски маркетинга юридических услуг отмечается, что наряду с внешними рисками, не зависящими от предпринимателя (юридической компании), существенное влияние на предпринимательскую деятельность оказывают внутренние риски, которые в значительной степени определяются ошибочными решениями, принимаемыми предпринимателем (руководством юридической фирмы) вследствие его некомпетентности [10].

Обратившись за юридической помощью в юридическую компанию, клиент этим доверяет свои проблемы специалисту, но сам способен оценить услугу в полной мере лишь после ее получения. Поскольку клиент сталкивается с неопределенной степенью риска, перед юридическим маркетологом ставится цель убедить клиента в квалификации, опыте, а главное – в надежности своей юридической компании, поскольку от профессиональных действий юриста нередко зависит дальнейшая судьба клиента.

Получение доверия клиента к юридической компании возможно за счет квалификации юристов, внимательного отношения сотрудников компании к проблеме клиента и качества рекламной информации [2].

Анализ научных исследований. Проблемы применения теории классического маркетинга услуг в юридическом консалтинге освещались в трудах Астратовой Г.В., Беляева Н.А., Жиделевой О.С., Писаревой Е.В., Скородумовой Е.Д. и др. авторов.

Скородумова Е.Д. указывает, что основными причинами внутренних рисков маркетинга юридических услуг наряду с недостатком знаний в области маркетинга, являются [10]:

1. Отсутствие профессионального опыта руководителя юридической компании;
2. Слабые общеэкономические знания руководства и персонала фирмы;
3. Финансовые просчеты;
4. Плохая организация труда сотрудников компании;
5. Плохая приспособляемость фирмы к переменам в окружающей рыночной среде.

Следует сказать еще и о таком явлении как юридический консалтинг и его специфике. Уместно привести по этому вопросу высказывание профессора Астратовой Г.В.: «Понятие и явление юридической консультации для населения – не новость. А вот консалтинг, и правовой и юридический, пришли вместе с рыночной экономикой. Основное отличие юридического или правового консалтинга состоит в том, что сферой интересов консалтинга является экономическая деятельность. С чем бы ни была связана экономическая деятельность, она должна вестись в соответствии со всеми законодательными и нормативными актами, регулирующими ее» [1].

Цель статьи. Целью данной статьи является рассмотрение возможности и обоснование применения принципов и методов маркетинга услуг в практической деятельности юристов и юридических компаний.

Практика показывает, что для эффективного продвижения услуг юридической компании одних правовых знаний уже недостаточно. Компании, которая стремится к достижению успеха на рынке юридических услуг, необходимо приложить немало усилий.

Именно юридический маркетинг способен определить целевую аудиторию и донести до нее необходимость обращения именно в эту компанию. Использование инструментов юридического маркетинга позволит создать образ эффективного профессионала на рынке юридических услуг и поддерживать стабильное внимание потенциальных клиентов к юридической компании [2].

Можно согласиться с определением, что, на сегодняшний день, юридический маркетинг – это обучение клиента тому, когда именно необходимо обратиться к услугам юриста и какие последствия его ожидают, если вовремя не прибегнуть к помощи профессионала [4].

Засухин Д.В. в своей книге «Маркетинг юридических услуг» отмечает, что «юристы не любят изучать маркетинг». По его наблюдениям «долгие рассуждения и пространные объяснения наводят на юридических профессионалов скуку». И это несмотря на то, что, в то же время, именно юристы являются ярчайшими представителями бизнеса профессиональных услуг [5].

Основные причины, почему клиенты предпочитают не идти для решения своих проблем к юристам, во многом определяются самой спецификой юридической услуги:

1. Нематериальность юридических услуг, поскольку потребителю услуги сложно выбирать услуги адвокатов и юристов, т.к. он не имеет объективных данных для выполнения достоверного анализа сложившейся ситуации.

2. Проблема оценки качества юридической услуги, адекватной сложившейся ситуации.

3. Изменчивость качества юридической услуги с течением времени.

В свою очередь, юристы, особенно в начале карьеры, допускают массу ошибок при выстраивании стратегии по привлечению клиентов. Таких ошибок достаточно много:

1. Недооценка важности значения классического маркетинга. К сожалению, большинство юристов игнорируют изучение объективно существующих современных законов рынка.

2. Отсутствие эффективной целенаправленной системы привлечения потенциальных клиентов. Привлечение клиентов, как правило, ведется бессистемно. Клиент чаще всего ориентируется на интуитивное представление о сложившейся ситуации.

3. Концентрация в первую очередь на привлечении новых клиентов, а не

на удержании «старых». Но опыт показывает, что деловое общение со «старым» клиентом имеет объективно ряд преимуществ. Профессионалам-маркетологам хорошо известно, что привлечение нового клиента обходится в 4 – 6 раз дороже, чем удержание «старого», поскольку «старому» клиенту продать услугу значительно проще.

4. Одинаково активная работа со всеми потенциальными клиентами. Но современный клиент требует индивидуального отношения к себе, т.е., в определенном смысле, он требует специализации юридического консультанта. Клиент исходит из того, что юридические проблемы у него, как для владельца бизнеса, уникальны. В этом случае можно говорить о том, что действует «закон отталкивания» в бизнесе. Чем сильнее вы отталкиваете нецелевую аудиторию, тем сильнее к вам притягиваются ваши целевые клиенты.

5. Отсутствие самопиара. Не следует уповать на «скромность» юридического консультанта, т.е. клиент сам со временем все поймет правильно. Доверие клиента рождается исключительно «благодаря» известности «поставщика» юридической услуги, или, если сказать иначе, через «статус» юриста, каким клиент его воспринимает.

6. Похожесть на конкурентов. Потребителей услуг атакует множество юридических компаний. Чем больше отличий от конкурентов соберет юрист или юридическая компания для своей практики, тем лучше.

7. Продажа услуги вместо результата. Процесс оказания услуги, конечно, имеет значение, но, в конечном итоге, клиент покупает у юриста не саму услугу. Клиент покупает результат, т.е. реализацию своих потребностей посредством оказания ему юридической услуги [5].

Среди всего спектра задач маркетолога, продвигающего юридическую компанию, с учетом специфики юридической деятельности, можно выделить следующие задачи маркетолога юридических услуг:

1. Привлечение новых клиентов;
2. Сбор информации о конкурентах;
3. Анализ внутренней и внешней среды компании;
4. Поддержание имиджа юридической компании.

Привлечение новых клиентов методами продвижения на рынке юридических услуг.

Наиболее эффективным методом на сегодня является использование различных видов интернет-рекламы [2]:

1. Контекстная реклама. Человек, ищущий юридическую помощь, придет на ваш сайт и, заинтересовавшись услугами компании, обратится именно к вам.

2. Поисковое продвижение. Серьезные и крупные компании работают исключительно таким способом. Размещенные на сайте юридически грамотные тексты с необходимым количеством ключевых слов помогают сайту находиться на первых местах выдачи в поиске.

3. Социальные сети как инструмент юридического маркетинга. Крупные юридические компании в социальных сетях размещают правовые новости и

новости компании, такие как выступления в средствах массовой информации, бизнес-блоги адвокатов и экспертные оценки различных юридически значимых ситуаций.

Для эффективного привлечения максимального количества клиентов юридической компании необходимо использовать все вышеперечисленные виды интернет-рекламы.

Благодаря интернету даже очень небольшие юридические компании имеют возможность с минимумом издержек практически мгновенно оказать услугу клиенту в любой точке земного шара. Большинство солидных компаний, оказывающих услуги юридического консалтинга, имеют не только свой сайт в интернете, но также и форумы для общения специалистов и ответов экспертов на стандартные и часто встречающиеся вопросы клиентов.

Рынок юридических услуг в полной мере можно рассматривать как разновидность товарного рынка. При этом рынок юридических услуг имеет свои специфические особенности, которые нужно учитывать при построении маркетинговой политики юридической компании. Некоторые характерные особенности функционирования товарного рынка можно с определенной долей доверительности распространить и на рынок юридических услуг.

К этим особенностям можно отнести:

1. Высокую динамичность;
2. Высокую скорость оборота капитала, связанную с коротким производственным циклом услуги;
3. Высокую чувствительность к изменениям конъюнктуры рынка. Это связано с исключением таких этапов, как хранение, транспортировка, складирование, наиболее характерных для товарного рынка. Существенным фактором является также совпадение по времени производства и потребления услуги;
4. Специфическое предоставление услуг в силу того, что производитель юридической услуги имеет непосредственный личный контакт с потребителем, что способствует повышению лояльности потребителя услуги. При этом значительно возрастает роль межличностных коммуникаций и, как следствие, повышаются требования к манере общения и общей культуре юридической компании;
5. Лояльность реагирования на быстрые изменения рынка юридических услуг вследствие высокой мобильности юридической компании;
6. Высокий уровень дифференциации юридических услуг и как следствие персонализация и индивидуализация услуг, что позволяет использовать инновации;
7. Неопределенный результат в данный период времени, т.к. на потребителя юридической услуги оказывают влияние различные факторы, и конкретный результат можно увидеть только через некоторое время после оказания услуги.

Можно согласиться с утверждением, что маркетинг в сфере юридических услуг – это совокупный, универсальный механизм для

управления юридической организацией, изменяющийся очень быстро под влиянием внешних факторов и откликающийся на желания потребителей [8].

Для достижения основной цели маркетинга как механизма обеспечения результативности использования его технологий, необходимо [9]:

1. Четко определить целевую аудиторию;
2. Сформировать рынок и политику продвижения;
3. Сформировать необходимый бюджет.

Таким образом, специфика маркетинга в сфере юридических услуг определяется особенностями самой сферы предоставления услуг данного вида:

1. Говоря о формировании целевой аудитории юридических услуг, прежде всего, необходимо учитывать действенность фактора расположения юридической компании. Местом продаж юридических услуг, как правило, являются места расположения офисов юридических консалтинговых компаний. Лавлок К. отмечает: «В отличие от производителей, которым для распространения товаров нужны физические каналы сбыта, многие сервисные предприятия используют электронные каналы, либо объединяют в одном месте все операции сервисной компании (прием заказов, их выполнение и «выдача» заказчику)» [6].

2. Услуги юридической консалтинговой компании продвигаются, прежде всего, путем публикаций в специализированных печатных средствах массовой информации, путем проведения бесплатных тренингов, участия в форумах и в конференциях по юридической тематике, а также при помощи размещения информации в интернете и т.п.

Юридический консалтинг является весьма сложным товаром, в каком-то роде одним из вариантов оказания интеллектуальных услуг.

Самым эффективным способом продвижения на рынке юридических услуг являются межличностные коммуникации в качестве персональных продаж услуг, индивидуального обслуживания потребителей, различного вида тренингов и т.п.

При выборе маркетинговой политики продвижения юридической услуги нужно ориентироваться, кроме учета влияния внешней и внутренней маркетинговой среды, и на тенденции развития современного общества.

Основными факторами, влияющими на выбор клиентом юридической фирмы-консультанта, являются следующие:

1. Деловая репутация юридической компании;
2. Качество оказываемых юридических услуг данной компанией;
3. Опыт делового общения с юридическим консультантом;
4. Стоимость оказываемых юридических услуг.

Оценки юридической услуги, которые высказывают клиенты при межличностном общении особенно важны и оказывают решающее влияние на выбор возможности приобретения услуг конкретной компании юридического консалтинга.

3. При формировании бюджета юридической консалтинговой компании необходимо учитывать еще одну особенность юридического консультирования.

Она заключается в специфичности ценообразования на юридические услуги [13].

На сегодня приняты три основные формы оплаты юридических услуг:

1. Фиксированная цена;

2. Почасовая ставка;

3. Процент от стоимости (цены) сделки в качестве вознаграждения за успешное решение юридической проблемы.

Выбор конкретного способа оплаты определяется, прежде всего, конъюнктурой рынка, а также количеством и качеством предоставляемых услуг. При этом не на последнем месте находится деловая репутация компании, опыт практической деятельности и др. В конечном итоге, услуги юридического консалтинга оплачиваются либо по фиксированной цене, либо по трудозатратам.

В числе так называемых кабинетных методов маркетинговых исследований при проведении анализа документов используется юридический анализ. Специфика юридического анализа заключается, прежде всего, в том, что в правовой науке разработан особый словарь терминов, в котором значение каждого слова строго и однозначно определено. Обратившись к юридическим консалтинг-агентствам, предприниматель может получить консультации сразу по ряду интересующих его вопросов: финансовым, управленческим и правовым. Необходимость в услугах консалтинга часто связана с получением и анализом весьма разноплановой информации [3].

Нередки случаи, когда специалисты по юридическому консалтингу заказывают для своих потребностей маркетинговые исследования у узко специализированных компаний, которые предоставляют услуги маркетинговых исследований такого плана. При осуществлении консультационных услуг, прежде чем дать юридические консультации по тому или иному вопросу, необходимо собрать либо информацию вторичного характера, т.н. внутреннюю отчетность предприятия, либо информацию первичного плана, т.е. провести личную встречу (беседу) с руководителем предприятия [12].

Услуги по маркетинговым юридическим исследованиям, так же как и юридический консалтинг, можно в самом широком смысле считать разновидностью услуг маркетинговых исследований [1].

Выводы. Следует отметить, что сфера услуг – очень быстро развивающийся сектор экономики, а, следовательно, можно сделать вывод о том, что маркетинг в сфере услуг играет огромную роль. Развитие маркетинга юридических услуг, прежде всего, ориентировано на клиента, на его потребности, на то, в чем он крайне нуждается. Поэтому необходимо использовать маркетинг как функцию по продвижению услуг на рынке юридических услуг.

С уверенностью можно говорить о том, что основные маркетинговые принципы и современные маркетинговые технологии в полной мере применимы к сфере юридических услуг. Реализация маркетинговых принципов в юридической сфере позволит клиентам получить необходимую информацию

о юридических услугах, определить наиболее реальный спрос на конкретные услуги, сформировать устойчивый и значительно более емкий рынок юридических услуг за счет привлечения большего количества клиентов, установления адекватных цен на свои услуги, а также добиться повышения качества обслуживания клиентов, что предполагает создание действенной системы контроля качества юридических услуг.

Все это в совокупности позволит юридической компании завоевать высокие конкурентные позиции на рынке юридических услуг.

Список использованных источников

1. Астратова Г.В, Абрамова Е.А. Юридический консалтинг как разновидность услуг маркетинговых исследований. «Практический маркетинг» № 1 (143). 2009. С. 29-32.
2. Беляев Н.А., Жиделева О.С. Маркетинг юридических услуг. Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. С. 30-32.
3. Голубков Е.П. Маркетинговые исследования: теория, практика и методология. 2-е изд, перераб. и доп. М.: Финпресс, 2000. – 464 с.
4. Закон.ру. Первая социальная сеть для юристов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zakon.ru/blog/2015/02/06/glavnyj_sekret_marketinga_professionalnyx_uslug/ (дата обращения: 17.09.2020).
5. Засухин Д.В.. Маркетинг юридических услуг. М.: 2014. – 196 с.
6. Лавлок К. Маркетинг услуг: персонал, технология, стратегия, 4-е изд.: пер. с англ. М.: изд. Дом «ВИЛЬЯМС», 2005. – 1008 с.
7. Нагапетьянц Р.Н. Развитие маркетинга в сфере услуг. Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». С.122-124.
8. Новаторов Э.В. Маркетинг услуг: теория и технология, Санкт-Петербург, 2015, С. 18-19.
9. Русскова Д.О. Писарева Е.В. Роль маркетинга в сфере услуг. Universum: экономика и юриспруденция № 6 (51), 2018, С. 111-114.
10. Скородумова Е.Д. Внутренние предпринимательские риски на рынке консультативного юридического продукта.// Баланс. 2008. №8. С.31-35.
11. Христофорова И.В. Современные подходы к маркетингу услуг. Материалы пленарного заседания XII конференции «Наука – сервису». Научный журнал Сервис Plus. 2008. № 1. С. 83-89.
12. Шапошников В.А., Астратова Г.В., Абрамова Е.А. Теория и практика формирования рынка услуг маркетинговых исследований. Монография. Екатеринбург: изд. ВО РГППУ, 2005. – 219 с.
13. Юридический бизнес в России: сб. статей. М.: Альпина бизнес букс, 2006. – 102 с.

УДК 340.1

П.И. Павленко, канд. юрид. наук., доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: starus77.pavlenko@yandex.ru)

М.С. Капитонова, студент магистратуры, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: marinakapitonova78@gmail.com)

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ:
ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ**

В статье рассмотрены актуальные вопросы существования и формирования у населения Донецкой Народной Республики отношения к праву. Новые взгляды на сущность государства и права потребовали обращения к серьезной проблеме уровня правового сознания и правовой культуры современного общества. Отмечается роль и влияние информационных технологий на состояние правовой культуры общества.

Ключевые слова: *ментальность, правовой менталитет, население, информационные технологии, общество.*

Pavlenko, P.I.,

Kapitonova, M.S.

**NATIONAL LEGAL MENTALITY: FEATURES OF
ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT**

The article discusses topical issues regarding the existence and formation of the attitude to law among the population of the Donetsk People's Republic. New views on the essence of state and law demanded an appeal to the serious problem of the level of legal consciousness and legal culture of modern society. The role and impact of information technology on the legal culture of society is highlighted.

Key words: *mentality, legal mentality, population, information technologies, society.*

Актуальность темы исследования. Одним из определяющих признаков организации структуры и системы правового государства, показателем становления и утверждения в мировом сообществе, выступает состояние правовой культуры населения, которое во многом определяется уровнем его правового сознания, развитием демократических институтов, предполагающих социально-правовую активность граждан. Актуальность темы обусловлена целым рядом обстоятельств и, прежде всего, выражается в важности исследования культурных особенностей, эмоциональных, ценностных ориентаций и установок, присущих этнической, социальной группе, например, жителям Донбасского региона. Целью исследования данной научной статьи является изучение и анализ формирования правового менталитета у жителей Донбасса, как одних из представителей славянских народов. В современных научных исследованиях начинает доминировать ценностный подход к изучению государственно-правовых явлений, и при этом особое внимание со стороны представителей науки уделяется изучению

ментальности и юридическому менталитету, как особо важным компонентам правовой культуры общества.

Анализ научных исследований. В настоящее время по факту достижений в данной области, наука накопила уже целый ряд исследований, посвященных проблеме менталитета в целом, однако в концептуальном плане проблема правового менталитета все еще не получила должного осмысления. По большей степени имеющиеся научные разработки в этом направлении направлены на рассмотрение общих проблем менталитета населения. В большей части все исследования сводились к рассуждениям о связи между такими понятиями как «ментальность», «менталитет», или же соприкасались с данными понятиями, с особенностями национального характера.

Среди известных авторов Российской Федерации проблеме изучения менталитета конкретного населения значительное внимание уделяли достойные в отечественной науке исследователи, такие как Дубов И.Г., Козловский В.В., Лесная А.В., Шестопад Е.Б., Марков А.П., Мостовая И.В., Огурцов А.П., Панарин А.С., Пантин И.К., Полякова Т.Н., Пушкарев Л.Н., Скорик А.П., Гуревич А.Л., Дилигинский Г.Г., Ануфриев Е.А., и др. Несомненно весомый вклад в разработку множественных аспектов правовой культуры и правового менталитета внесли такие видные современные ученые как Верещагин В.Ю., Вопленко Н.Н., Овчинников А.И., Шпак В.Ю., Мальцев Г.В., Иванников И.А., Контарев А.А., Малько А.В., Нерсисянц В.С., Матузов Н.И., Баранов В.М., Баранов П.П. Определенный след в исследовании указанной темы оставили русские ученые - Алексеев Н.Н., Бердяев Н.А., Ильин И.А., Лосский Н.О., Новгородцев П.И., Петражицкий Л.И., бесспорной заслугой которых является разработка концептуальных категорий правосознания и правовой культуры, имеющих непосредственное отношение к феномену юридического менталитета. Труды, в которых исследуется непосредственно политический и правовой менталитет в рамках правосознания и правовой культуры, рассмотрены в работах следующих авторов: Баранова П.П., Байниязова Р.С., Коваленко А.И., Крыгина И.А., Лубского Р.А., Меняйло Д.В., Мордовцева А.Ю., Овчинникова С.П., Сальникова В.П., Синюкова В.Н., Шатковской Т.В. и других ученых. За рубежом проблема ментальности и менталитета, в основном с точки зрения политической науки, представлена большим количеством исследований, среди которых принято выделять труды Грауса Ф., Филда Д., Телленбаха Т., Ариеса Ф., Блока М., Динцельбахера П., Дюби Ж., Мандру Р., Февра Л., Броделя Ф., Гайгера Т., Гетца Х., Ле Гоффа Ж., Шпрандель Р., Элиаса Н. и многих других ученых. Однако, определенный ряд вопросов, которые затрагиваются в статье, не рассматриваются качественным образом в указанных работах. Вместе с этим необходимо заметить, что комплексного анализа проблема правового менталитета восточных славян в юридической и политической науках также пока еще не получила. Имеющиеся отдельные исследования, в частности Лубского Р.А. и Меняйло Д.В., только лишь указали на круг проблем, раскрывая специфику факторов, обуславливающих становление и развитие политического и правового

менталитета в социокультурном пространстве. Хотелось бы отметить, что с точки зрения отечественных традиций и ценностно-правовых ориентаций проблема правового менталитета славянских народов до сих пор остается нераскрытой, что определяет для науки конкретные задачи и цели.

Представленная тема имеет значительную актуальность, особенно в современных условиях построения в Донецкой Народной Республике правового государства и гражданского общества. Особенностью правового государства, показателем его становления, выступает состояние как политической, так и социальной культуры общества, которое во многом определяется показателем его сознания, развитием демократических институтов, предполагающих активность граждан, их юридическую грамотность. Научная ценность данной темы с точки зрения теории права также бесспорна. В настоящее время чрезвычайно актуальным становится формирование эффективной системы формирования правового сознания и правовой культуры населения. Создание современных взглядов на сущность государства и права потребовало обращения к серьезной проблеме уровня правового сознания и правовой культуры нынешнего общества.

История государственности свидетельствует, что на процессы формирования и развития политико-правовой культуры особо важное влияние оказывали такие факторы, как особенности геополитического положения государства (между Востоком и Западом), ее территориальное положение и климатические условия, многоэтнический состав населения, характер и уровень хозяйственной деятельности, социокультурный быт, традиции и верования, характер внешней политики, преимущественно военный, личностные характеристики и способности правителей [1, с. 24].

Шарль Луи де Монтескье в своем произведении «О духе законов» упоминал, что: «Законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует, имеет свои законы...», «Как существо физическое, человек, подобно всем другим телам, управляется неизменными законами; как существо, одаренное умом, он беспрестанно нарушает законы, установленные богом, и изменяет те, которые сам установил» [5]. История учений о праве и государстве отражает тысячелетние духовные поиски, теоретические альтернативы решений проблем общественного устройства, форм государственности, принципов и содержания политики, законодательства, роли права как важнейшей социальной системы регулирования общественных отношений.

Безусловно, тот факт, что правовая культура конкретно взятого социума бездуховна без преемственности всех практических положительных сторон из прошлого в истории государства, но также она не будет успешно развиваться без приобщения к правовым традициям других народов, является несомненным. Опыт совсем недавнего прошлого в истории показал, какие печальные последствия имеют попытки ограничить культуру, в том числе и правовую только лишь собственными идеологическими рамками. Правовая культура должна аккумулировать в себе прогрессивные достижения всех типов

правовых культур как нынешней эпохи, так и прошлых эпох. Вопрос состоит в том, как, во имя чего, с какой целью и что заимствовать из этого культурного наследия прошлого. Именно от этого зависят результаты данного процесса.

С глубокой древности взаимопроникновение культур было одним из важнейших факторов развития правовых и государственных институтов. В настоящее время вряд ли можно найти классическую «чистую» национальную правовую культуру [2, с. 114]. Все они представляют собой симбиоз местного и внешнего, инационального или получившего международное признание взаимодействия. В данном контексте необходимо отметить тот факт, что освоение чужого опыта не должно превратиться в принудительное насаждение и слепое копирование заимствованных институтов и реалий, так как это не даст ожидаемого эффекта. Этот процесс должен быть творческим, критическим и ограниченным. Что касается заимствования явлений в политико-правовой системе, отметим, что технические новшества, некоторые организационные и процедурные формы приживаются легче. Сложнее дело обстоит с заимствованием принципов и ценностей, лежащих в основе политико-правовой культуры. Между тем, именно они определяют, к чему стремится то или иное государство и в связи с этим – что оно хочет заимствовать из опыта других стран.

Начиная с XVII-XVIII вв. происходит массовое распространение идей, которые заложили основу современной европейской культуры как в политическом, так и в правовом аспекте. Базовая англо-франко-американская концепция либерального толка предопределила развитие политико-правового сознания на много лет вперед, и, как следствие, очевидно, что в международном опыте на сегодняшний день преобладает одна культура – западная. Ее вклад в политико-правовую сферу велик и неоспорим. Современная либеральная демократия со всеми ее атрибутами ассоциируется с западной культурой. Но в арсенале Запада всегда были и такие средства экспансии как давление, завоевание, колонизация, империализация. К тому же, в нынешнем «прозападном» обществе идейные принципы и ориентиры если и не отсутствуют полностью, то, скорее всего, касаются материального мировосприятия, поэтому воспринимаются нами как отсутствующие в идеологической парадигме. Бросается в глаза колоссальное ослабление идеологических и культурных функций. А между тем ни одна правовая культура немислима без идейных основ. Следовательно, для повышения правовой культуры населения Донецкой Народной Республики необходимо восстановление идеологической и культурно-воспитательной функций государства.

Право в реальной жизни выступает в виде общественных правил поведения (норм). Они непосредственно издаются или санкционируются государством. За их нарушение к гражданам применяются различные меры государственного воздействия [6, с. 58]. Важно осознавать, что изменениям в сознании людей предшествуют значимые изменения в менталитете. К сожалению, в наши дни нельзя говорить не только о высоком, но даже и о

среднем уровне правовой культуры общества. На формирование отношения к праву у граждан огромное влияние имеют не только исторические события, но и текущая ситуация в государстве. Последствия, к которым приведет, например, нынешняя ситуация вокруг коронавируса, будут и для граждан, и для государства в целом важнее, чем сама эта эпидемия [8]. Население постепенно начинает понимать, что необходимо действовать в соответствии с установленными правилами поведения, что влияет на формирование правовой культуры. В начале первой волны заболевания коронавирусом масочный режим соблюдали далеко не все, нарушался режим самоизоляции, и только введение жестких карантинных мер и штрафов повлияло на ситуацию с числом заразившихся. Современное общество переживает глубокий нравственный, эстетический и духовный кризис, вызванный социально-экономическими переменами в стране и в мире в целом. Кризис наблюдается и в правовом сознании граждан: правовой нигилизм, правовое бескультурье стали процветающими в современном обществе явлениями. Это еще раз доказывает, что кризис современного правосознания во многом определяется именно низким уровнем правовой культуры. Поднять уровень его способны тщательно продуманная правовая пропаганда в средствах массовой информации, разработка и внедрение действенных форм вовлечения граждан в правотворческую и правоохранительную деятельность. Для распространения знаний о праве и правопорядке государство должно использовать все имеющиеся в его распоряжении средства: школу, юридические учебные заведения, радио, телевидение, печатные, а также электронные источники информации. В воспитании молодежи должны участвовать разные социальные институты – семья, коллектив учебных заведений, должностные лица органов государственной власти, правоохранительные органы, общественные организации, учреждения культуры [3, с. 58]. Их усилия должны быть объединенными и системными, их действия и работа должны регламентироваться законодательно.

Что же касается уже взрослого населения, тут также в одну из первоочередных задач становится решение проблемы «правового минимума» – обязательного уровня знания права, которым должен обладать каждый гражданин независимо от его социального статуса. Большинство граждан не ориентируются в нормах законодательства, необходимость знания которых диктуется повседневными жизненными потребностями. Все это снижает превентивную силу закона, затрудняет справедливое и своевременное решение вопросов, возникающих у граждан в социальной сфере и процессе их хозяйственной деятельности, отрицательно сказывается на эффективности пользования конституционными правами и свободами, а также на состоянии общественного порядка и преступности.

К сожалению, государственные органы, которые призваны решать данную проблему, действуют разобщенно. Хотя следует отметить, что в настоящее время в Донецкой Народной Республике ведется последовательное информирование о происходящих процессах в действующем законодательстве.

Необходимо отметить, что состояние правовой культуры общества во многом определяется степенью участия профессионалов-юристов в работе по формированию правосознания граждан, а также их собственный уровень культуры. Правовое воспитание и пропаганда должны стать неотъемлемой частью профессиональной деятельности юристов, ведь именно их профессия основана на совершенном владении правовыми средствами.

Сегодня участие юристов в правовом воспитании и правовой агитации населения практически не рассматривается как их служебная обязанность. А между тем имеет смысл вернуться к разъяснению действующего законодательства, к юридической пропаганде и правовоспитанию с непосредственным участием в них юристов путем консультирования, чтения лекций, выступлениям по телевидению и радио, публикациям в печатных изданиях, в социальных сетях. Успешное решение задач правового воспитания неразрывно связано с активной научной разработкой проблем правовой культуры и правового просвещения граждан, внедрением рекомендаций юридической науки в повседневную практику правовоспитательной деятельности.

Современная жизнь в республике во многом характеризуется повышением потребности в юридических знаниях и привлечением к процессу их освоения все большего числа подрастающего поколения. В Донецкой Народной Республике в рамках повышения уровня правовой культуры населения на некоторых телеканалах выходят в эфир передачи, освещающие юридические вопросы. Многие адвокаты дают бесплатные консультации. На базе Донбасской юридической академии создана юридическая клиника, целью которой является помощь населению в решении некоторых юридических вопросов на безвозмездной основе. Профессорско-преподавательский состав принимает участие в съёмках телепередачи «В правовом поле». Все это связано с глобальными изменениями в мировом масштабе, формированием гражданского общества и правового государства в Донецкой Народной Республике. Юриспруденцию можно изучать самостоятельно с помощью учебников, популярной юридической литературы, аудио и видео средств, Интернета и т.п. Любой результат в этом случае важен как для индивида, так и для общества. Все это охватывается понятием «правовое просвещение». Наиболее серьезный и эффективный во всех отношениях канал познания государства и права, и влияния с его помощью на реальную действительность — профессиональное юридическое образование. Именно полное понимание сущности правового менталитета правотворческими органами позволяет увеличить эффективность нормативно-правовых актов. Также это будет способствовать тому, что на должном уровне повысится легитимность органов государственной власти. Юристов-ученых должны интересовать не только теоретические основы проблемы, но и практические модели правовоспитательной деятельности. Научная значимость проблемы подчеркивает необходимость проведения специальных исследований по проблемам правовой культуры, правосознания, правового воспитания и

юридического образования. Представляется, что проведение таких исследований могло бы предусматриваться в деятельности центральных юридических ведомств, Министерства образования и науки ДНР, а также их научно-исследовательских учреждений. Активное участие в их реализации могут принять юридические и педагогические институты, занимающиеся повышением квалификации кадров.

Вместе с тем нельзя забывать, что не меньшее, а возможно, что и большее воспитательное значение имеет и вся повседневная практическая деятельность юридических органов и учреждений. Представления, взгляды, отношение граждан к действующей правовой системе формируется не только в результате ознакомления с законодательством и другими нормативными актами, но в значительной мере зависит от характера информации о работе правоохранительных органов и учреждений. Сегодня становится очевидным, что совершенствование деятельности юридических органов невозможно без существенного повышения общей и правовой культуры самих юристов. На трудности определения этноса обращал внимание еще Гумилев Л.Н., полагая, что этнос скорее дан в ощущениях, нежели в понятиях [6, с. 48]. Вместе с тем границы явления едва уловимы в пространстве между индивидом и коллективом, между бессознательным и сознательным. Таким образом, менталитет и историческая память – это разные по своему содержанию понятия, но тесно взаимосвязанные. Они изначально несут в себе коллективные начала и имеют общую природу возникновения – социальную, так как образованы в результате длительного взаимодействия социальных субъектов, прежде всего этносов. Они выступают главным индикатором целостности, единства всего народа, его идентификатором [7, с. 23]. От правильного понимания, толкования и использования этих понятий не только в научной среде, но и в нормативно-правовой практике зависит успех в выработке государственных документов политико-идеологического характера. Речь идёт в первую очередь о «стратегиях», «доктринах», «концепциях», «основах политики», где менталитет и историческая память прописываются как фундаментальные, ключевые понятия. В устной традиции с помощью преданий передавались образы и основы русской культуры, в т.ч. государства и права, ставшие основой правового просвещения. С высокой долей уверенности можно констатировать то, что еще в догосударственный период древнерусское общество имело достаточно высокие духовные ценности, свидетельствующие о значительном уровне нравственного развития русского народа. Правовая образованность и правовая культура славян, выросшая из мифологического сознания, теснее всего были связаны с моралью, главными этическими категориями человеческого бытия: жизнью и смертью, добром и злом, справедливостью и несправедливостью, правдой и неправдой [9]. Удивительно то, что менталитет больше относят к этносу, а не к другим социальным общностям. И он также трудно поддается определению, как и этнос. Таким образом, правовой менталитет представляет собой глубинный пласт сознания личности, который детерминирует ее позитивное или негативное отношение к

феноменам правовой реальности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ни у зарубежных, ни у отечественных ученых до сих пор нет единого определения понятия «менталитет». Каждый исследователь употребляет его в том виде и смысле, который кажется ему наиболее приемлемым и удобным. По нашему мнению, понятие «менталитет» по отношению к народу приближается по смыслу к понятиям «национальный характер», «народный дух». В широком смысле менталитет – это вся духовная оснащённость человека и общества, их традиции, ритуалы и т.д. При этом обычно менталитет молчалив и проявляется скорее в повседневной будничной деятельности людей, а не в их речи или каких-либо ясных представлениях.

Выводы. В настоящее время правовой менталитет населения Донецкой Народной Республики заметно преобразуется. Граждане становятся менее отчужденными от общедемократических ценностей, уже не так явно дистанцируются от явлений правовой жизни. Дальнейшие позитивные изменения в правовом менталитете неизбежно приведут к значительному подъему правой культуры и правосознания граждан. Менталитет, как специфическая форма коллективного сознания, влияет на оценку событий, и в этом обнаруживается его связь с ценностными ориентациями и мировоззрением. Но, в отличие от последних, он обладает более синкретическим характером, ибо менталитет шире по объему, а его основу составляют не рациональные, а бессознательные структуры. Менталитет, как и идеология, связан с интересами определённых социальных групп и во многом влияет на поведение личности. Однако, если в идеологии социальная общность осознает свои интересы и может формулировать их в виде теоретических конструкций, то менталитет восходит к бессознательному слою душевной жизни и не может быть до конца выражен в рационально-теоретической форме.

Список использованных источников

1. Ануфриев Е.А., Лесная Л.В. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен. // Социально-политический журнал. 1997, № 3. С. 16–27.
2. Гуляихин В.Н. — Правовой менталитет российских граждан // Юридические исследования. – 2012. – № 4. – С. 108 - 133. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.4.310 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=310
3. Гумилев Л.Н. Сочинения. Этногенезибиосфера Земли. М.: Библ. информ. об-ние «Танаис», 1994. 637 с.
4. Малахов В.С., Филатов В.С. Современная западная философия. Словарь. М.: Политиздат, 1991. 414 с.
5. Шарль Луи Монтескье, «О духе законов». – М.: «Мысль», 1999.
6. Перевалов В.Д. Теория государства и права: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / В. Д. Перевалов. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2016. — 341 с. — (Бакалавр и специалист).
7. Теория государства и права: учебник / кол. авт.; отв. ред. А. В. Малько. - М. КНОРС, 2006. - С. 298.

8. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/02/827008-kakim-budet-postkoronavirusnii-mir>
9. URL: <https://lawbook.online/gosudarstva-prava/istoki-pravovoy-kulturyi-pravovoy-39293.html>

УДК 336.2

И.А. Педерсен, канд. экон. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: iralex-2012@yandex.ru)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ИСЧИСЛЕНИЯ И УПЛАТЫ ЕДИНОГО СОЦИАЛЬНОГО ВЗНОСА

В статье проанализировано определение нарушений в сфере исчисления и уплаты единого социального взноса, предложены основные направления совершенствования нормативно-правового регулирования ответственности за нарушения в сфере исчисления и уплаты единого социального взноса в Донецкой Народной Республике.

Ключевые слова: *единый социальный взнос, общеобязательное государственное социальное страхование, нарушения в сфере уплаты единого взноса, ответственность плательщика единого социального взноса.*

Pedersen, I.A.

LEGAL REGULATION OF LIABILITY IN THE SPHERE OF CALCULATION AND PAYMENT OF A UNIFIED SOCIAL CONTRIBUTION

The article analyzes the definition of violations in the field of calculating and paying a single social contribution, and suggests the main areas for improving the legal regulation of liability for violations in the field of calculating and paying a unified social contribution in the Donetsk People's Republic.

Key words: *unified social contribution, compulsory state social insurance, violations in the field of payment of a unified contribution, responsibility of the payer of a unified social contribution.*

Финансовой основой общеобязательного государственного социального страхования являются страховые взносы в государственные социальные внебюджетные фонды. Именно за счет полного и своевременного поступления средств в социальные внебюджетные фонды обеспечивается бесперебойная выплата пенсий, социальных пособий и других социальных платежей. Страховые платежи выступают не только основным источником финансовой деятельности государственных социальных внебюджетных фондов, но и основой реализации всей системы социальной защиты в целом. Формирование социального государства (ст. 1 Конституции Донецкой Народной Республики [1]) напрямую зависит от политики государства, направленной на совершенствование механизма взимания данных платежей, а также на создание

системы гарантий в сфере защиты конституционных прав граждан на социальное обеспечение.

Актуальность темы исследования. Преобладающую долю в источниках формирования ресурсов внебюджетных социальных фондов государства составляют страховые платежи застрахованных лиц и страхователей. Поэтому вопросы противодействия нарушениям законодательства о страховых взносах в социальные внебюджетные фонды государства, вопросы регулирования ответственности за нарушения в сфере исчисления и уплаты единого социального взноса являются достаточно актуальными на современном этапе становления Донецкой Народной Республики. Являясь некоммерческими организациями, внебюджетные фонды не могут заниматься другой деятельностью, кроме той, для которой они созданы. Поэтому обеспечение своевременности и полноты поступления сумм единого социального взноса является важнейшей задачей финансовых органов, решение которой обеспечит эффективность выполнения фондами своих задач и функций по социальной защите граждан Республики.

Анализ научных исследований. Особенности финансово-правовых отношений в сфере уплаты страховых взносов на общеобязательное социальное страхование, а также нормативно-правовое обеспечение данных отношений изучались многими исследователями, а именно: Е. А. Ашмариной, Е. Г. Беликовым, Н. Е. Вахромовой, Е. Ю. Грачевой, О. В. Гутариной, И. И. Кучеровым, О. А. Ногиной, Е. В. Покачаловой, Э. Н. Шафигуллиным и другими. Однако вопросы нормативно-правового регулирования отношений в сфере исчисления и уплаты единого социального сбора в Донецкой Народной Республике практически не исследуются, отсутствуют научные труды по данному вопросу.

Цель статьи состоит в установлении сущности нарушения в сфере исчисления и уплаты единого социального взноса в Донецкой Народной Республике, а также в определении основных направлений законодательного закрепления условий привлечения к ответственности за нарушения в сфере уплаты единого социального взноса.

Согласно Закону Донецкой Народной Республики «Об основах общеобязательного социального страхования» [3] с целью обеспечения защиты прав застрахованных лиц и членов их семей на получение страховых выплат (услуг) по действующим видам общеобязательного государственного социального страхования предусмотрен единый взнос на общеобязательное государственное социальное страхование (ЕСВ), сбор которого осуществляется в систему общеобязательного государственного социального страхования в обязательном порядке и на регулярной основе.

Согласно разделу IV Временного порядка о сборе и учете единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование на территории Донецкой Народной Республики при нарушении сроков и объемов перечисления сумм единого социального взноса органами доходов и сборов к плательщикам применяются следующие меры ответственности (табл. 1).

Таблица 1. Меры ответственности за нарушение сроков и объемов перечисления сумм единого социального взноса в Донецкой Народной Республике

Вид нарушения	Размер санкции
Штрафные санкции	
- неуплата (неперечисление) или несвоевременная уплата (несвоевременное перечисление) единого взноса	10 % своевременно не уплаченных сумм, с учетом имеющейся переплаты
- доначисление органом доходов и сборов своевременно не начисленного единого взноса; - при повторном нарушении в течение календарного года	25 % доначисленной суммы; 50 % суммы доначисленного единого взноса
- непредоставление, несвоевременное предоставление, предоставление не по установленной форме отчетности	340 российских рублей
Пеня	
- наличие сумм недоимки	из расчета 0,01 % суммы недоплаты за каждый день просрочки платежа

Решение о применении мер ответственности принимает должностное лицо органа доходов и сборов в порядке, установленном Министерством доходов и сборов Донецкой Народной Республики.

В то же время в указанном нормативно-правовом акте отсутствует определение понятия нарушения в сфере уплаты единого страхового взноса, не указаны субъекты и субъективная сторона данных правонарушений, не перечисляются обстоятельства, исключающие вину, смягчающие и отягчающие ответственность, не закреплены конкретные виды правонарушений в сфере уплаты единого социального взноса.

Страховое законодательство должно содержать ряд особенностей, которые отличали бы его от налогового законодательства. Так, Закон Донецкой Народной Республики «О налоговой системе» от 25.12.2015 года (с изменениями и дополнениями) [2] определяет налоговые нарушения как «противоправные деяния (действие или бездействие) налогоплательщиков, которые привели к неисполнению или ненадлежащему исполнению требований, установленных настоящим Законом и другим законодательством, контроль за соблюдением которого возложен на органы доходов и сборов». Нарушения в сфере уплаты социального взноса можно определить как виновно совершенные противоправные деяния (действие или бездействие) плательщика

единого социального взноса, за которые законодательно установлена ответственность. Приведенные определения позволяют говорить об их идентичности, за исключением лишь субъектного состава правонарушений. Если в налоговом нарушении субъектами являются налогоплательщики (плательщики различных видов налогов и сборов), то субъектами нарушений в сфере уплаты единого социального взноса являются плательщики взноса. Перечень субъектов, подлежащих ответственности в сфере уплаты социального взноса, представлен в ст. 3 Временного порядка о сборе и учете единого взноса [4].

Частым является отождествление понятий «страховая ответственность» и «ответственность за нарушения в сфере уплаты страховых взносов». Термин «страховая ответственность» определяется как комплекс мер ответственности, закрепленных нормами гражданского, административного и уголовного права. Страховая ответственность включает ответственность не только плательщиков страховых взносов, но и страховщиков (фондов), контролирующих органов, иных субъектов, нарушающих нормы страхового законодательства. Ответственность за нарушения в сфере уплаты страховых взносов предполагает только ответственность плательщика страхового взноса за несвоевременное или неполное его перечисление (неперечисление). Таким образом, можно говорить о различии понятий «ответственность за нарушения страхового законодательства» (страховая ответственность) и «ответственность за нарушения в сфере уплаты страховых взносов».

Следует отметить, что общие условия привлечения к ответственности за нарушения в сфере уплаты страховых взносов аналогичны условиям привлечения к налоговой ответственности. В ст.205 Закона Донецкой Народной Республики «О налоговой системе» [2] перечислены общие условия (принципы) привлечения к ответственности за совершение налогового нарушения. В то же время Временный порядок о сборе и учете единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование на территории Донецкой Народной Республики не содержит принципов привлечения к ответственности за нарушения в сфере уплаты единого взноса. В связи с этим, следует дополнить Временный порядок о сборе и учете единого взноса статьей, аналогичной ст.205 Закона Донецкой Народной Республики «О налоговой системе» [2], включив следующие принципы привлечения к ответственности за нарушения в сфере уплаты единого социального взноса:

– обязанность по доказыванию обстоятельств, свидетельствующих о факте нарушения в сфере уплаты единого социального взноса и виновности плательщика ЕВС в его совершении, возлагается на органы доходов и сборов Донецкой Народной Республики;

– плательщик считается невиновным в совершении нарушения по уплате страхового взноса, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке;

– никто не может быть привлечен повторно к ответственности за совершение одного и того же нарушения;

– основанием для привлечения к ответственности за нарушения в сфере уплаты единого социального взноса является установление факта совершения данного нарушения органами доходов и сборов и принятие по результатам установления такого факта соответствующего решения;

– привлечение организации-плательщика к ответственности за совершение нарушения в сфере уплаты единого социального взноса не освобождает должностных лиц организации от административной, уголовной или иной ответственности в случаях, предусмотренных законодательством Донецкой Народной Республики;

– привлечение плательщика к ответственности за совершение нарушения в сфере уплаты единого социального взноса не освобождает его от обязанности уплатить (перечислить) причитающиеся суммы взноса.

Временный порядок о сборе и учете единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование на территории Донецкой Народной Республики также не содержит статьи, в которой бы закреплялись обстоятельства, исключающие привлечение плательщика единого социального взноса к ответственности, а также обстоятельства, исключающие вину лица (табл. 2). Необходимо законодательное закрепление указанных обстоятельств.

Таблица 2. Обстоятельства, исключающие привлечение плательщика единого социального взноса к ответственности и исключающие вину лица

Обстоятельства, исключающие привлечение плательщика единого социального взноса к ответственности
1) отсутствие события нарушения в сфере уплаты единого социального взноса;
2) отсутствие вины лица в совершении нарушения в сфере уплаты единого социального взноса;
3) совершение деяния, содержащего признаки нарушения в сфере уплаты социального взноса, физическим лицом, не достигшим к моменту совершения деяния совершеннолетия.
Обстоятельства, исключающие вину лица в совершении нарушений в сфере уплаты единого взноса
1) совершение деяния, содержащего признаки нарушения в сфере уплаты единого взноса, вследствие стихийного бедствия или других чрезвычайных и непреодолимых обстоятельств (указанные обстоятельства устанавливаются наличием общеизвестных фактов, публикаций в средствах массовой информации и иными способами, не нуждающимися в специальных средствах доказывания);
2) совершение деяния, содержащего признаки нарушения, плательщиком ЕСВ - физическим лицом, находившимся в момент его совершения в состоянии, при котором это лицо не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими вследствие болезненного состояния

(указанные обстоятельства доказываются предоставлением в орган контроля за уплатой страховых взносов документов, которые по смыслу, содержанию и дате относятся к тому периоду, в котором совершено нарушение);

3) выполнение плательщиком социального взноса письменных разъяснений о порядке исчисления, уплаты ЕСВ или по иным вопросам применения законодательства о страховых взносах, данных ему либо неопределенному кругу лиц органом контроля за уплатой единого социального взноса или другим уполномоченным органом государственной власти (уполномоченным должностным лицом этого органа) в пределах его компетенции. Указанные обстоятельства устанавливаются при наличии соответствующего документа этого органа, по смыслу и содержанию относящегося к периодам, в которых совершено правонарушение, независимо от даты издания такого документа. Данное положение не применяется в случае, если указанные письменные разъяснения основаны на неполной или недостоверной информации, предоставленной плательщиком единого социального взноса;

4) иные обстоятельства, которые могут быть признаны судом, рассматривающим дело, исключаящими вину лица в совершении нарушения в сфере уплаты единого социального взноса.

Следует отметить, что в отличие от норм налогового законодательства, согласно Временному порядку о сборе и учете единого взноса срок давности в отношении начисления, применения и взыскания сумм недоимки, штрафных санкций и пени не применяется.

Кроме того, считаем целесообразным включить во Временный порядок о сборе и учете единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование на территории Донецкой Народной Республики статью, содержащую перечень обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность за нарушения в указанной сфере.

К обстоятельствам, смягчающим ответственность за нарушения при уплате единого социального взноса, следует отнести такие:

- совершение нарушения при исчислении и уплате единого социального взноса вследствие стечения тяжелых личных или семейных обстоятельств;
- совершение нарушения под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости;
- тяжелое материальное положение физического лица, привлекаемого к ответственности за совершение нарушения в сфере уплаты единого социального взноса;
- отсутствие неблагоприятных последствий и несоразмерность наказания допущенному нарушению;
- отсутствие умысла на совершение нарушения в сфере уплаты единого социального взноса;
- признание плательщиком факта совершения нарушения;

- отсутствие намерения скрыть факты нарушения;
- наличие технических неполадок;
- иные обстоятельства.

В целом, смягчающие обстоятельства по спорам, возникающим из правоотношений по уплате социального взноса, аналогичны обстоятельствам по спорам, возникающим из налоговых правоотношений. Органы доходов и сборов, а также суды по своему усмотрению, вправе учесть указанные обстоятельства, а также иные обстоятельства, которые могут быть признаны смягчающими ответственность плательщика за нарушения в сфере уплаты единого социального взноса.

Обстоятельством, отягчающим ответственность, следует признать совершение нарушения в сфере уплаты единого социального взноса лицом, ранее привлекаемым к ответственности за аналогичное нарушение.

Как было сказано выше, обстоятельства, исключают, смягчающие или отягчающие ответственность за совершение нарушений при уплате ЕСВ, устанавливаются судом или органами доходов и сборов, рассматривающими дело, и учитываются при привлечении к ответственности. Между тем, законодательство Донецкой Народной Республики о сборе и учете единого взноса не содержит положения, которое устанавливало бы правила учета таких обстоятельств и их влияние на размер санкции. Отсутствие такого положения может привести к нарушению прав сторон, поскольку сейчас отсутствует ограничение на увеличение размера штрафа и минимальный уровень его снижения при наличии соответствующих обстоятельств.

Также законодательно не определено распределение санкций между бюджетами внебюджетных социальных фондов. Согласно Временному порядку о сборе и учете единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование на территории Донецкой Народной Республики суммы единого взноса распределяются по видам общеобязательного государственного социального страхования пропорционально суммам единого взноса (в процентах):

на общеобязательное пенсионное страхование – 82,5 %;

на общеобязательное государственное социальное страхование на случай безработицы – 4,8 %;

на общеобязательное государственное социальное страхование в связи с временной утратой трудоспособности и в связи с материнством - 5,7 %;

на общеобязательное государственное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний - 7 % [4].

В связи с этим считаем целесообразным, в соответствии с указанным процентным соотношением, распределять между внебюджетными социальными фондами и суммы взысканных штрафных санкций, недоимки и пени.

Выводы. Таким образом, следует отметить, что в настоящее время в Донецкой Народной Республике отсутствует совершенное законодательство, регулирующее правоотношения в сфере исчисления и уплаты единого

социального взноса. При этом единый социальный взнос является основным источником формирования средств внебюджетных социальных фондов Донецкой Народной Республики. В связи с этим необходимо внесение в существующий Временный порядок о сборе и учете единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование на территории Донецкой Народной Республики положений, регулирующих правоотношения в сфере исчисления и уплаты единого социального взноса, а именно – общие условия привлечения к ответственности за нарушения в сфере уплаты единого социального взноса; определение субъектного состава данных нарушений; перечня обстоятельств, исключающих привлечение лица к ответственности; правил применения смягчающих и отягчающих обстоятельств; понятия санкций в данной сфере и других важных норм. В дальнейшем возможна разработка отдельного законодательства о едином социальном взносе на общеобязательное государственное социальное страхование на территории Донецкой Народной Республики, содержащее общие положения об уплате единого взноса, правила обеспечения исполнения обязанности по уплате единого социального взноса, права и обязанности плательщиков и органов контроля за уплатой ЕСВ, формы контроля за уплатой единого социального взноса, понятие нарушений в сфере уплаты ЕСВ и ответственности за их совершение, а также обжалование актов органов контроля, действий (бездействия) их должностных лиц.

Список использованных источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики [Текст электронный]: [принята Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики №1-1 от 2014.05.14] // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/>
2. О налоговой системе [Текст электронный]: Закон Донецкой Народной Республики №99-ІНС. – [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-o-nalogovoj-sisteme-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
3. Об основах общеобязательного социального страхования [Текст электронный]: Закон Донецкой Народной Республики №37-ІНС. – [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-obshheobyazatelnom-sots-strahovanii/>
4. Об утверждении Временного порядка о сборе и учете единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование на территории Донецкой Народной Республики [Текст электронный]: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики № 6-7. – [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0009-6-7-20150418/>.

УДК 346.6

И.П. Подмаркова, канд. экон. наук., доц., Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: irina_podmarkowa@list.ru)

Д.Ю. Верчинский, студент магистратуры, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: duaftn@mail.ru)

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИСКАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье рассмотрено использование административных и экономических методов в деятельности фискальных органов Донецкой Народной Республики (ДНР). Проанализированы формы практической организации налогового контроля Министерства доходов и сборов ДНР. Предложены пути оптимизации форм и методов. С целью оптимизации функций фискальных органов ДНР предложено использовать четыре основных элемента, а также трехуровневую систему нормативно-правового обеспечения начисления и взимания налогов в ДНР.

Ключевые слова: фискальные органы, налогообложение, административные методы, экономические методы, направления оптимизации.

Podmarkova, I.P.,

Verchinsky, D.Yu.

WAYS OF OPTIMIZING ADMINISTRATIVE AND ECONOMIC METHODS IN THE ACTIVITIES OF FISCAL BODIES OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

The article discusses the use of administrative and economic methods in the activities of the fiscal authorities of the Donetsk People's Republic (DPR). The forms of practical organization of tax control of the Ministry of Revenue and Duties of the DPR are analyzed. Ways to optimize forms and methods are proposed. In order to optimize the functions of the DPR fiscal authorities, it is proposed to use four main elements, as well as a three-tier system of regulatory support for the accrual and collection of taxes in the DPR.

Key words: fiscal authorities, taxation, administrative methods, economic methods, optimization directions.

Актуальность темы исследования. В настоящее время в Донецкой Народной Республике (ДНР) идет постоянный процесс совершенствования эффективности работы фискальных органов, который проводится в несколько этапов. Реформа фискальных органов предусматривает сокращение персонала, объединение сервисов и демилитаризацию. Однако осуществление институционально-функциональных реформ в этой сфере требует прочной доктринальной базы, которая пока только формируется. В теоретическом обосновании нуждаются не только структурные изменения, но и оптимизация методов и форм работы фискальных органов. Поэтому рассмотрение путей

оптимизации административных и экономических методов в деятельности фискальных органов ДНР является актуальной темой исследования.

Анализ научных исследований. Вопросами применения методов управления деятельностью фискальных органов и их оптимизации занимались, в частности, такие исследователи, как В.Л. Андрущенко [1], Н.К. Бечко и Н.В. Лиса [2], Л.И. Гончаренко [3], Л.В. Дуканич [4], Е.Ф. Киреева [5], Л.В. Куцегреева и В.В. Наливкина [6], Д.Е. Фадеев [7], и другие. Однако структура и функции фискальных органов в разных странах имеют определенные различия, поэтому вопрос оптимального соотношения административных и экономических методов в деятельности фискальных органов ДНР остается открытым и требует дальнейшего изучения.

Целью исследования является теоретический и практический анализ применения административных и экономических методов в деятельности фискальных органов, и на этой основе формирование путей их оптимизации в ДНР.

В практике налогового администрирования при выполнении некоторых способов воздействия на плательщиков налогов налоговыми органами ДНР используются следующие методы для обеспечения своевременной оплаты налоговых платежей в полном объеме:

- административные методы – это методы воздействия на плательщиков через приказы, распоряжения Министерства доходов и сборов (МДС) ДНР;
- экономические методы – это использование налоговых стимулов и санкций к налогоплательщикам.

Административные методы обеспечивают прямое влияние субъекта управления на управляемый объект. Они характеризуются подчинением воли управляемого воле руководителя по схеме «власть – подчинение». Административные методы МДС ДНР проявляются в налоговом администрировании.

Налоговое администрирование – это государственное управление налоговой системой в целом и ее структурными элементами – отдельными налогами по их законодательному введению, проектированию, планированию, оперативному управлению, налоговому контролю над соблюдением законодательства налогоплательщиками [1, с. 19].

В рамках налогового администрирования осуществляются такие действия: взятие на учет, декларирование налоговых обязательств, определение налоговых обязательств контролирующими органами, изменение сроков выполнения налоговых обязательств, возврат излишне уплаченных налогов, взыскание неуплаченных налогов, применение обеспечительных мер (налоговый залог, налоговое поручительство, административный арест активов), обжалование решений контролирующих органов и т. п.

Анализ теоретических основ налогового администрирования позволил представить его функции в виде рис. 1.

Рисунок 1 - Характеристика функций налогового администрирования.

В отношениях, возникающих между государством и плательщиком по поводу уплаты налогов, интересы государства представляют, прежде всего, органы, осуществляющие управление в области поступления налоговых платежей. Фактически система органов, контролирующая поступления средств в бюджеты в виде налогов и сборов, представлена двумя службами – налоговой и таможенной. Для них разным является место и значение полномочий, связанных с контролем над движением этих платежей от плательщиков в бюджеты среди всех их полномочий. Налоговые органы реализуют соответствующую деятельность без каких-либо дополнительных условий [2, с. 74]. Они созданы специально для функционирования только в сфере налогообложения. Однако предусматривается возможность и необходимость реализации ими контроля над соблюдением и других законов.

Это связано со всем спектром функций государственной налоговой службы, включая отдельные вопросы в части обеспечения соблюдения порядка осуществления хозяйствующими субъектами валютных операций, применения регистраторов расчетных операций и тому подобное. Таможенные органы осуществляют управление в сфере налогообложения наравне со своей основной

деятельностью. Они обеспечивают контроль над поступлением налогов и сборов и получают статус, аналогичный налоговым органам, только при определенных условиях. Такими условиями являются перемещение товаров через таможенную границу и возникновение при этом обязанности по уплате налогов и сборов (пошлины, акцизного налога, других налогов, которые, согласно налоговому законодательству, взимаются в случае ввоза или вывоза (пересылки) товаров и предметов) [7, с. 15].

Реализацию полномочий контролирующими органами следует связывать не только с вопросами их функций, прав и обязанностей, но и с институциональной структурой соответствующих служб, поскольку важно учитывать распределение конкретных ролей между определенными звеньями иерархической фискально-административной системы.

Следует отметить, что деятельность фискальных контролирующих органов предусматривает необходимость налаживания тесного взаимодействия с другими государственными службами, функционирование которых может быть связано с налогообложением или может создавать информационные предпосылки для налогообложения, предупреждения незаконных действий плательщиков, установления обстоятельств и содержания налоговых правонарушений, реализации проверочных мероприятий и тому подобное.

Важно, чтобы при реализации полномочий не дублировались действия различных государственных служб по налогоплательщикам, в противном случае проявляет себя дестимулирующее влияние администрирования налогов на экономическую активность в стране. На это направлен ряд предусмотренных норм: запрет (при любых условиях) на проведение проверок своевременности, достоверности, полноты начисления и уплаты налогов другими органами, кроме налоговых и таможенных, разграничение полномочий между контролирующими органами, концентрация компетенции по взысканию.

Экономические методы управления фискальных органов заключаются в целенаправленном воздействии на экономические интересы участников управленческих отношений. К числу последних отношений относятся отношения между органами государственного управления, субъектами хозяйствования и физическими лицами. В эту группу методов включают следующие рычаги экономического воздействия: внешнеэкономическое регулирование; налогообложение; финансирование и инвестирование; кредитование; ценообразование и другие [3, с. 42].

Экономические методы, как совокупность специфических приемов осуществления управленческой деятельности, применяются на всех уровнях Министерства доходов и сборов ДНР.

Налогообложение в ДНР как метод управления экономическими процессами заключается в эффективной реализации системы налогов и сборов применительно к участникам рынка – субъектам хозяйствования и физическим лицам. С помощью маневрирования налоговыми ставками, льготами, изменениями условий налогообложения, сменой разных видов налогов государство создает условия для ускорения развития определенных отраслей,

территорий, производств, предприятий, способствует разрешению актуальных для общества проблем. Налоговая система является достаточно существенным рычагом воздействия на экономику с целью развития ее в необходимых направлениях. Так, Республика, благодаря умелому регулированию налоговой системы, может стимулировать развитие сельского хозяйства и отдельных сельскохозяйственных культур, малого и среднего бизнеса, экспорта отдельных товаров.

Экономические методы, которые использует в своей деятельности Министерство доходов и сборов ДНР, можно разделить на две большие группы:

- обеспечение поступления налогов, сборов и других обязательных платежей в Республиканский и местные бюджеты;
- налоговый контроль.

Для обеспечения поступления налогов, сборов и других обязательных платежей в Республиканский и местный бюджеты используются следующие методы:

- расчетно-аналитические;
- анализ налоговых поступлений по отдельным видам налогов;
- анализ задолженности по отдельным видам налогов и сборов;
- принудительное взыскание задолженности или ее реструктурирование;
- планирования и прогнозирования;
- налогового регулирования [4].

Проведенный теоретический анализ показал, что проводя налоговый контроль, МДС ДНР использует разнообразные формы практической организации для наиболее эффективного выполнения поставленных перед министерством задач. Форма налогового контроля может быть предварительной, текущей и последующей.

Предварительный налоговый контроль МДС ДНР связан с работой по разъяснению налогового законодательства, сбору, обработке и анализу широкой информации о налогоплательщиках на стадии планирования налоговых проверок для принятия оптимальных решений. Это определяет его значение для качественного проведения контрольных действий. Предварительный анализ позволяет разделить совокупность лиц, подлежащих проверке, на тех, которые имеют невысокую вероятность риска налоговых нарушений, и тех, которые могут осуществлять налоговые ошибки и нарушения с высокой степенью вероятности. Такое разграничение контроля на «группы риска» позволяет обеспечить максимальное количество выявленных нарушений и произведенных доначислений на один час рабочего времени инспекторского состава.

Текущий налоговый контроль МДС ДНР носит оперативный характер, является частью регулярной работы и представляет собой проверку, проводимую в отчетном периоде для оценки правильности отражения различных операций и достоверности данных бухгалтерского учета и отчетности, представляемых в налоговые органы плательщиком.

Последующий налоговый контроль МДС ДНР реализуется путем проведения налоговых проверок по истечении определенного отчетного периода.

Стоит отметить, что нынешняя практика работы налоговых органов свидетельствует о том, что значительная часть времени тратится на комплексные проверки по поручениям властных структур, на работу в различных комиссиях, не связанную с выполнением задач, поставленных перед налоговой службой. В связи с этим необходимо внести соответствующие изменения в действующее законодательство ДНР о запрете привлечения налоговых органов к выполнению несвойственных им функций.

Важным условием успешного проведения структурной перестройки налоговой службы, внедрения технологий и процедур является организация эффективной системы обучения персонала каждого подразделения налоговой службы и налогоплательщиков, поэтому вся совокупность работ по организации и проведению обучения – неотъемлемая часть осуществления модернизации налоговых органов и одна из наиболее сложных его задач.

Таким образом, оптимизация функций налоговых органов ДНР включает следующие основные четыре элемента:

- 1) переход налоговых органов на функциональную структуру;
- 2) введение новых налоговых технологий и процедур;
- 3) обучение налоговых работников и налогоплательщиков;
- 4) повышение уровня информатизации налоговой службы.

Первым и наиболее радикальным шагом совершенствования управления налоговой службой ДНР является переход ее подразделений и всех звеньев на функциональную структуру.

В связи с переходом на функциональную организационную структуру возникнет необходимость в следующем шаге – изменении традиционных технологий и процедур деятельности налоговой службы ДНР, который заключается в полной компьютеризации всех управленческих процессов и обработки данных, предоставленных плательщиками, а также эффективном сотрудничестве с ними.

Такое совершенствование обеспечит наиболее рациональное использование трудовых ресурсов налоговых органов ДНР и создаст предпосылки для комплексного технологического его развития. Кроме того, структура органов управления, построенная по функциональному принципу, только тогда станет эффективной, когда будет обеспечен высокий уровень учебного процесса по подготовке кадров, а также будет обеспечен её доступ к комплексному информационному пространству налоговых органов.

Следует отметить, что в настоящее время в Российской Федерации активно развиваются разнообразные инновационные инструменты осуществления фискального контроля, направленные на совершенствование налогового администрирования и контроля, увеличивающие их эффективность: онлайн-кассы, межведомственные информационные базы, информационный межстрановой обмен, «Личный кабинет налогоплательщика», электронная

налоговая отчетность и др. [6, с. 289]. Два последних инструмента уже достаточно успешно используются и в деятельности органов доходов и сборов ДНР.

Важнейшей особенностью модернизации деятельности фискальных органов должно стать то условие, что во время ее внедрения подразделения налоговых инспекций должны работать в строгом соответствии с действующим законодательством ДНР. Это предполагает выявление тех функций налоговых органов, которые выходят за пределы сферы налогообложения и в перспективе должны быть переданы в другие государственные структуры и ведомства.

Опыт проведения налоговых реформ в странах ЕС предусматривает перспективы цифровизации экономики и предполагает:

1) модернизацию налоговых администраций, направленную на упрощение соблюдения налогового законодательства и выполнение налоговых процедур, расширение использование цифровых услуг, электронную регистрацию налогоплательщиков, уплату и предоставление налоговой отчетности в онлайн-режиме, сокращение бюрократизма для всех налогоплательщиков, в первую очередь для малого и среднего бизнеса;

2) сохранение стабильности налогового законодательства, упрощение и разъяснение применения принципов налогообложения в цифровой экономике; упрощение и улучшение сбора налогов при помощи возможности электронных платформ, и др. [5, с. 81].

Направления совершенствования деятельности фискальных органов ДНР должны предусматривать проведение исследований с целью выявления тех нормативно-правовых положений, которые снижают эффективность работы налоговых органов на конкретных участках и создают проблемы в области развития информатизации. Данную задачу способна решить антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов МДС ДНР в соответствии с положениями Закона ДНР «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 14 сентября 2018 года № 244-ІНС. Однако, учитывая, что до вступления в силу Закона уже было принято значительное количество нормативно-правовых актов в сфере налогообложения, такая работа может потребовать привлечения большого числа квалифицированных экспертов, и, соответственно, дополнительных расходов на оплату их труда.

При осуществлении мероприятий по модернизации целесообразно учесть богатый практический опыт административно-территориальных и межрайонных фискальных органов ДНР по функциональному развитию и повышению информатизации работы.

Концепция модернизации фискальных органов ДНР может состоять из следующих трех взаимосвязанных частей:

- доминанты системы «самоначисления», определение ее особенностей и ограничений;
- идеологии функциональной деятельности;
- проектов организационной структуры.

Направления совершенствования фискальных органов ДНР также включают разработку указанных компонентов для местных органов (городского и районного уровней). Основной задачей при этом является определение функций налоговой инспекции и перечня процедур, обеспечивающих реализацию каждой функции.

Такой подход позволяет более четко описать функциональную систему фискальных органов и предложить проекты организационной структуры всех уровней. Для проведения модернизации фискальных органов предполагается разработка процедур городской и районной государственной налоговой инспекции.

Подготовка указанных документов является практическим вкладом для внедрения и дальнейшего развития нового и важного направления методологической работы МДС ДНР. Это направление предполагает разработку налоговых технологий, управленческих процедур, инструктивных материалов по функциональной деятельности налоговой службы. Отдельные инструктивные материалы по функциональной деятельности разрабатывались в МДС ДНР, но эта работа носила выборочный, а не системный характер. Однако методологическая работа должна приобрести комплексный и постоянный характер, а успех модернизации фискальных органов в значительной мере зависит от ее качества. После исследовательского (экспериментального) внедрения новых управленческих и налоговых процедур и технологий необходимо разработать инструкции, методические рекомендации, учебные программы. То есть, обеспечение безболезненного перехода объединенных Республиканских налоговых инспекций в городах, районах в городах на новую организационную структуру и достижение при этом эффективной работы представляется сложной задачей.

Разработка инструктивных, методических и учебных материалов для подразделений государственной налоговой инспекции, которые будут работать по новой функциональной структуре, потребует активной помощи центрального аппарата и значительной поддержки руководства МДС ДНР. Завершение модернизации налоговых органов позволит создать все необходимые предпосылки для перехода на трехуровневую систему нормативно-правового обеспечения начисления и взимания налогов в ДНР:

- 1-й уровень – законы;
- 2-й – инструктивные материалы по видам налогов;
- 3-й – инструктивные материалы, методики, комплексное обучение по безупречному выполнению функций каждым звеном налоговых инспекций.

Таким образом, необходимо осуществить экспериментальное внедрение разработок обновленных функций по функциональной организационной структуре управления в объединенные Республиканские налоговые инспекции в городах, районах в городах ДНР и объективно оценить их эффективность на практике.

Выводы. Министерство доходов и сборов ДНР является республиканским органом исполнительной власти, реализующим государственную политику в сфере налогообложения и таможенного дела.

Различают следующие методы, которые применяет в своей деятельности Министерство доходов и сборов ДНР: административные и экономические. Административные методы обеспечивают прямое влияние МДС ДНР на налогоплательщиков. Экономические методы влияют на налогоплательщиков косвенно – с помощью ставок, льгот, расчетных методик и анализа ситуации.

Выявлено, что при проведении налогового контроля МДС ДНР использует следующие формы практической организации: предварительную, текущую и последующую.

С целью оптимизация функций фискальных органов ДНР предложено использовать четыре основных элемента: переход налоговых органов на функциональную структуру; введение новых налоговых технологий и процедур; обучение налоговых работников и налогоплательщиков; повышение уровня информатизации налоговой службы.

Также выявлено, что завершение модернизации фискальных органов позволит создать все необходимые предпосылки для перехода на трехуровневую систему нормативно-правового обеспечения начисления и взимания налогов в ДНР: законы; инструктивные материалы по видам налогов; инструктивные материалы, методики, комплексное обучение по безупречному выполнению функций каждым звеном налоговых инспекций.

Важным фактором модернизации деятельности фискальных органов неизбежно должна стать цифровизация большинства процессов, реализуемых в деятельности фискальных органов, что существенно повысит оперативность их работы и позволит повысить долю применения экономических методов и эффективность их воздействия на налогоплательщиков.

Список литературы

1. Андрущенко В.Л. Фискальное администрирование / В.Л. Андрущенко // Финансы и кредит – 2018. - № 3. – С. 18-26.
2. Бечко Н.К. Налоговый менеджмент: учеб. пособие / Н.К. Бечко, Н.В. Лиса. - М.: Центр учебной литературы, 2017. - 288 с.
3. Гончаренко Л.И. Основы налогообложения: учеб. пособие / Л.И. Гончаренко, Д.К. Грушина, Н.П. Мельникова – М.: Финансовая академия при Правительстве РФ, 2016. – 113 с.
4. Дуканич Л.В. Налоги и налоговый менеджмент в России: учебное пособие / Л.В. Дуканич - Ростов-н/Дону: Феникс, 2014. - 616 с.
5. Киреева Е.Ф. Налоговая реформа: необходимость, основные направления и меры по их реализации // Белорусский экономический журнал. - 2018. - № 4 (85). - С. 77-88. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_36662765_26111123.pdf. – (Дата обращения: 14.10.2020).

6. Куцегреева Л.В., Наливкина В.В. Оценка проблематики применения налогового администрирования в России на современном этапе развития экономики // Вестник Академии знаний. - 2019. - № 2 (31). - С. 288-293. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_38247364_58930032.pdf. – (Дата обращения: 14.10.2020).
7. Фадеев Д.Е. Куда ведут основные направления налоговой политики / Д.Е. Фадеев // Налоговые споры. – 2017. - №12. - С. 14 – 21.

УДК 378.147

В.В. Прозоров, канд. экон. наук, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: prozorov_vadim@list.ru)

Н.А. Броварь, студент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: brovar.a.v@gmail.com)

ИННОВАЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМАТЫ И ИХ РОЛЬ В ПЕРИОД «ПАНДЕМИЧЕСКОГО» КРИЗИСА

В статье рассмотрены инновационные образовательные форматы и их роль в период «пандемического» кризиса. Дана оценка возможных перспектив их дальнейшего развития и правового регулирования в системе высшего образования.

Ключевые слова: инновации, пандемия, кризис, инфраструктура, технология, дистанционное обучение, цифровое обучение, онлайн-среда.

Prozorov, V.V.,

Brovar, N.A.

INNOVATIVE EDUCATIONAL FORMATS AND THEIR ROLE DURING THE PANDEMIC CRISIS

The article discusses innovative educational formats and their role during the "pandemic" crisis. An assessment of the possible prospects for their further development and legal regulation in the higher education system is given.

Key words: innovation, pandemic, crisis, infrastructure, technology, distance learning, digital learning, online environment.

Актуальность темы исследования. В настоящее время необходим системный анализ и упорядочивание тех изменений, которые происходят в системе высшего образования в результате пандемии коронавируса. Наступил тот переломный момент, когда вопрос о необходимости «гибридного образования» становится все более и более актуальным. И именно инновации в сфере образования должны стать основой новой модели высшего образования как такового, модели, которая будет работать при любых изменениях, происходящих как во внешней, так и во внутренней среде. По сути, практическое использование инновационных технологий в образовании аналогично процессам модернизации в других областях деятельности человека.

Инновационные технологии позволяют сократить затраты времени, интеллектуальные и материальные ресурсы для достижения результатов, что особенно необходимо и важно в период таких кризисов как «пандемический», когда учебный процесс осуществляется в дистанционном формате. В связи с этим вопросы развития и использования инновационных образовательных форматов являются актуальными.

Анализ научных исследований. Дискуссии об использовании инновационных форматов в образовании идут уже давно, в частности – о процессах цифровой реальности образовательной сферы, однако именно сегодня пришло время осмысления того, что произошло в мировой системе высшего образования в результате «пандемического» кризиса. В общем смысле инновация – это результат инновационной деятельности, который воплощен в новом или усовершенствованно продукте; в новом или усовершенствованном технологическом процессе; новом подходе к образовательным услугам, считают Макареня А.А., Суртаева Н.Н. и Кривых С.В. [2]. Автор подчеркивает, что педагогическая инноватика имеет задачи не только внутренние, но и общепедагогического характера. В настоящее время на всех уровнях происходит переформатирование образовательных процессов. Вяткина Е.О. и Ситнов А.А. говорят о необходимости постоянного внутреннего аудита состояния системы дистанционного образования в высших учебных заведениях [1], Пуляева Е.В. – о проблемах использования дистанционных образовательных технологий и электронного обучения в образовательном процессе [3]. Однако пандемия внесла свои коррективы, и возникшая необходимость ускорения цифровизации стала проверкой готовности учебных заведений и национальных образовательных систем к оперативным действиям.

Цель статьи. Основной целью статьи является анализ современных инновационных технологий в системе высшего образования, возможностей их использования в образовательных процессах в период пандемии коронавируса и необходимости их правового регулирования.

Инновационные технологии обучения, которые в настоящее время развиваются довольно быстрыми темпами, должны быть направлены на удовлетворение интересов студентов, приобретение необходимых знаний, выработку умений, развитие инновационной культуры преподавателя. Особо значимыми вопросы использования инновационных технологий становятся сегодня, когда пандемия COVID-19 затронула большинство стран мира, причем коснулось это не только всех сфер общественной жизни, но и системы образования. Но именно сегодня у любого государства появилась уникальная возможность перевести систему образования в онлайн-среду, отказавшись от всего старого, и перейти к тем инновационным технологиям, которые уже были наработаны, но не использовались в полном объеме.

Так как эпидемиологическая ситуация в мире может остаться неизменной в течение еще какого-то периода, учеба онлайн может войти в жизнь каждого студента. Несмотря на то, что онлайн-образование существует уже давно, у многих этот формат вызывает массу опасений, потому что

виртуальное обучение не предполагает занятий, взаимодействия с педагогами и сокурсниками в традиционной академической среде. Существует мнение, что это снижает эффективность учебного процесса и лишает студентов возможности общаться с профессорско-преподавательским составом. Но исследования показали, что онлайн-обучение не менее эффективно по сравнению с классическим образованием. Кроме того, некоторым студентам оно подходит даже больше и помогает сосредоточиться на занятиях.

Важно помнить, что эффективность обучения во многом зависит от структуры программы и способа преподавания. Современные методики онлайн-обучения направлены на максимальное взаимодействие и совместную работу студентов и профессоров. Это делает формат приближенным к реальным занятиям в стенах вуза.

Безусловно, онлайн-образование возможно при условии, что будут решены проблемы доступности каналов связи, пополнения и обновления оборудования и программного обеспечения, а также проблемы оплаты дорогих телекоммуникационных услуг. Вынужденная самоизоляция способствует росту интереса к самообучению через онлайн-сервисы. Поэтому руководство высших учебных заведений, совместно с преподавателями и сотрудниками, должно позаботиться о привлечении всех доступных средств, для выстраивания образовательного процесса в онлайн-формате и создании эффекта виртуализации учебного процесса «студент – преподаватель». Инновационным образовательным форматом в дистанционном образовании является организация обучения с использованием образовательных онлайн-платформ для передачи образовательного контента и проведение занятий с помощью социальных сетей.

Несмотря на широкий спектр технологий, даже страны, которые находятся сегодня в лидерах цифровизации экономики (Россия, США, Китай), сталкиваются с трудностями при организации онлайн-обучения. При этом наибольшую сложность представляет не столько частичное отсутствие инфраструктуры или неготовность преподавателей к освоению тех или иных технологий цифрового обучения, сколько то, что сложившаяся ситуация радикально меняет устоявшиеся модели социального взаимодействия.

Онлайн-образование имеет ряд преимуществ – это его гибкость, то есть возможность учиться даже для тех, кто не может посещать занятия и видеоконференции, а следовательно, такую учебу можно совмещать с работой или другой деятельностью. Студентам доступны записи лекций, учебники, дополнительные ресурсы, связь с профессорами и консультантами, что позволяет самостоятельно изучать и повторять материал. За счёт использования технологии видеоконференцсвязи студенты также всегда могут связаться с преподавателями, задать свои вопросы и обсудить интересные темы.

Исторически так сложилось, что центрами научной мысли и новых идей были и остаются университеты. Примером того, как высшее учебное заведение сумело по новому взглянуть на то, что составляет основу современного образования и понять, какие задачи перед ним стоят, является Донецкий

национальный университет в Донецкой Народной Республике. ДонНУ по праву можно назвать цифровым университетом. Инновационные образовательные форматы используются в университете не первый год. В период пандемии в университете был развернут штаб по обеспечению электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Возможно, именно сейчас для высших учебных заведений и складываются наиболее благоприятные условия для выработки комплексных стратегий развития.

Например, специалисты ЮНЕСКО разработали и внедрили классификацию инструментов организации дистанционного обучения, которая может стать основой «гибридного образования» [5]:

- ресурсы, обеспечивающие психосоциальную поддержку участников образовательных отношений в условиях пандемии
- системы управления цифровым обучением (Google classroom, Moodle, Blackboard, Canvas)
- приложения для обучения на базе мобильных устройств
- программы с расширенной оффлайн-функциональностью
- массовые открытые онлайн-курсы (MOOC)
- сервисы самообучения
- программы, обеспечивающие возможность совместной работы в режиме онлайн (Skype, Zoom, WebEx)
- инструменты для создания цифрового учебного контента.

Высшие учебные заведения могут опробовать предлагаемые цифровые решения и увидеть, насколько они эффективны в тех новых условиях их деятельности, которые складываются в связи с пандемией, а также определить свои потребности в технологической модернизации.

Происходящие в настоящее время процессы стремительного принятия вузами решений по использованию имеющихся методов дистанционного обучения позволят наиболее оптимально адаптировать образовательный процесс под те условия, которые диктует «пандемический» кризис.

Сегодня дистанционное обучение интенсивно развивается в США, Великобритании, Норвегии, странах Латинской Америки. Дистанционное обучение является приоритетным направлением государственной политики в области образования и в Российской Федерации. Дистанционное обучение решает задачу непрерывного образования и повышает его качество в период пандемии.

Переход на дистанционную форму обучения позволяет всем участникам образовательного процесса находиться в информационном пространстве вуза, что позволяет вузам в рамках разработанных современных информационных и коммуникационных технологий сделать процесс обучения открытым и максимально приближенным к традиционной форме обучения. Инновационные технологии позволили в период пандемии COVID-19 модернизировать и методы организации, контроля и управления образовательными процессами, в частности организовать прием документов для поступающих абитуриентов в различных городах и районах.

Использование дистанционных образовательных программ привело и к развитию рынка образовательных услуг в глобальной сети Интернет. Безусловно, модель получения образования с использованием дистанционных образовательных технологий сегодня, в кризисный период, практически не имеет альтернативы, является удобной и комфортной.

Целью инновационных технологий образования является подготовка человека к жизни в постоянно меняющемся мире, поэтому способность высшего учебного заведения оперативно реагировать на изменения в обществе, сохраняя весь накопленный положительный опыт, имеет большое значение.

В период «пандемического» кризиса, как и в любое другое время, инновационные технологии обучения направлены на удовлетворение интересов студентов, приобретение необходимых знаний, выработку профессиональных навыков и умений, которые должны рассматриваться как инструмент претворения образования в жизнь.

Исходя из того, что под технологией нововведений понимается комплекс методов и средств, позволяющих обеспечить инновационную образовательную деятельность [4], ее можно представить в следующих направлениях:

- внутрипредметные инновации, связанные со спецификой преподавания, методические инновации, связанные с внедрением в учебный процесс нетрадиционных педагогических технологий, таких как кейс-технологии, ролевые и деловые игры, проектная деятельность и др.;

- административные инновации, затрагивающие принятие решений руководителями различных уровней и способствующие эффективному руководству образовательными учреждениями;

- идеологические инновации, обновляющие сознание, являющиеся основой всех инноваций вообще, понимание которых способствует рациональному и правильному использованию внедряемых подходов.

Экстренный перевод обучения в дистанционный формат в условиях пандемии имеет существенные отличия от правильно спланированного онлайн-обучения. Образовательные организации, вынужденные работать со студентами дистанционно в целях снижения рисков распространения коронавируса, должны осознавать эту разницу при оценке эффективности так называемого «онлайн-обучения» с применением дистанционных образовательных технологий.

В условиях угрозы распространения коронавирусной инфекции большинство университетов и колледжей по рекомендации Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики приняли решение о переходе на дистанционное обучение.

В связи с этим все очные занятия, включая лекционные, практические и даже лабораторные при наличии виртуальных аналогов были перенесены в онлайн-среду.

Преподаватели вынуждены организовывать учебный процесс посредством дистанционных технологий обучения на основе различных

способов доставки электронного контента и доступных инструментов коммуникации обучающихся и преподавателей в электронной информационно-образовательной среде.

Экстренный переход на дистанционное обучение – мера вынужденная, не все вузы были готовы к этой кардинальной перестройке учебного процесса, что связано с разным уровнем развитости информационной инфраструктуры, обеспеченности дисциплин электронными образовательными ресурсами и готовности преподавателей к использованию цифровых платформ и сервисов в образовательном процессе.

Дистанционное обучение предполагает, что преподаватель владеет активными методами обучения и помогает студентам формировать индивидуальные стили обучения в онлайн-режиме, овладевать возможностями платформы онлайн-обучения и необходимым программным обеспечением. Для эффективного управления онлайн-курсом преподавателям нужно использовать инструменты стимулирования обучающихся к освоению курса, вырабатывать у них дисциплину и навыки соблюдения сроков выполнения заданий, осуществлять и предоставлять оперативную обратную связь

К наиболее приемлемым образовательным форматам, на наш взгляд, можно отнести: обучение в сотрудничестве, метод проектов, разноуровневое обучение.

Эти форматы успешно могут быть использованы в дистанционном процессе, не влияя на содержание обучения [1]. Но необходимо отметить - их применение невозможно без использования информационных технологий, что обеспечит расширение круга знаний, изменение процесса работы студентов под влиянием компьютерных технологий и необходимости использования методов анализа для выполнения заданий.

Дистанционный формат обучения дает возможность развивать творческие способности каждого студента, ориентироваться на рациональную дифференциацию содержания обучения, индивидуальный подход, активное включение обучающихся в процесс усвоения знаний и навыков, давать установку на творческое, заинтересованное усвоение необходимой в жизни информации и применение методов постоянного обновления [3]. Основные задачи развития дистанционных технологий подготовки студентов состоят в адаптации к изменяющимся внутренним и внешним условиям и совершенствовании методов обучения, учитывая при этом и прошлый опыт. Использование этих методов поможет в дистанционном формате саморазвитию и самоорганизации студентов, научит самостоятельно вырабатывать и принимать профессиональные решения в условиях недостаточности информации, активизировать знания, умения.

В период «пандемического» кризиса многие страны столкнулись со сложностями электронного обучения и использования дистанционных образовательных технологий, это было связано с пробелами в законодательном регулировании образования. В настоящее время нужно, в первую очередь, подготовить и одобрить законодательную базу для

дистанционного образования. После этого должны быть предоставлены ресурсы для обеспечения доступности дистанционного обучения в режиме онлайн для всех.

Например, в России Госдума внесла поправки в закон об образовании, который и сейчас устанавливает возможность применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Законопроект разграничивает полномочия Министерства просвещения и Министерства науки: первое устанавливает правила в среднем и профессиональном образовании, второе – в высшем. Целью его принятия должно стать оперативное устранение правовых пробелов в этих областях. Но в законопроекте не удалось определить и законодательно закрепить ответы на целый ряд вопросов:

1. Не установлен порядок принятия решения о применении электронного обучения и дистанционных образовательных технологий Министерством просвещения и Минобрнауки;

2. Отсутствует классификация и определения образовательных технологий; не установлен порядок применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий образовательными организациями;

3. В законопроекте отсутствуют основные критерии для введения электронного обучения – в частности, временные рамки проведения занятий по образовательным предметам и контрольных мероприятий, механизмы контроля присутствия учащихся;

4. Необходимо расширить финансово-экономическое содержание законопроекта, а именно – речь идет о финансировании технического оснащения образовательных учреждений для обеспечения электронного обучения, семинаров, посвященных электронному обучению;

5. Создание общего технологического решения – единой электронной платформы для педагогов – чтобы они овладевали техническими навыками и эффективными методиками дистанционного образования, обеспечивающей конфиденциальность информации и сохранность персональных данных участников образовательного процесса.

Выводы. Вполне очевидно, что ясность законодательного регулирования электронного образования и дистанционных образовательных технологий даст возможность сохранить высокое качество дистанционного обучения в условиях существующих и вновь возникающих вызовов современного общества, как в России, так и в других странах.

Таким образом, «пандемический» кризис показал социальное значение сферы образования и важность перемен в духе времени в консервативных образовательных учреждениях. В периоды кризисов, отсутствие которых в будущем гарантировать невозможно, зачастую приходится жить и функционировать по новым или измененным правилам, поэтому каждый такой кризис стоит рассматривать как возможность для совершенствования действующего законодательства.

Среди основных преимуществ инновационного дистанционного обучения в сфере высшего образования мы видим следующие: возможность заниматься в удобное для себя время, в удобном месте и нужном ритме, неограниченно по продолжительности; большой охват источников учебной информации как таковых, развитие навыков активного общения через сети связи друг с другом и с преподавателем; равные возможности образовательного процесса для всех, независимо от места нахождения, что особенно актуально для студентов-заочников; и главное – расширение полномочий преподавателя в сфере координации познавательного процесса, в усовершенствовании преподавания как такового, в увеличении творческой активности и развитии собственного мастерства, в повышении своей педагогической квалификации в соответствии с нововведениями и инновациями.

Список литературы

1. Вяткина Е.О., Ситнов А.А. Концепция внутреннего аудита состояния системы дистанционного образования в высших учебных заведениях //Аудиторские ведомости. 2019. № 5. С. 19 – 28. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/402928>
2. Макареня А.А. Методология инновационных процессов в педагогическом образовании (для научно-педагогических работников): концепция/ А.А. Макареня, Н.Н. Суртаева, С.В. Кривых. - СПб., 2008.
3. Пуляева Е. В. Проблемы использования дистанционных образовательных технологий и электронного обучения в образовательном процессе //Законодательство и экономика. 2018. № 10. С. 58 – 63.
4. Симоненко В.Д., Фомин Н.В. Современные педагогические технологии: Учебное пособие. - Брянск: Изд-во БГПУ, 2015.
5. COVID-19 Educational Disruption and Response. UNESCO. – URL: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse> (дата обращения: 15.04.2020) National learning platforms and tools. UNESCO. – URL: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse/nationalresponses#EASTERN%20EUROPE%20&%20CENTRAL%20ASIA> (дата обращения: 13.04.2020) How countries are using ed tech (including online learning, radio, television, texting) to support access to remote learning during the COVID-19 pandemic. TheWorldBank. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/edutech/brief/how-countries-are-using-edtech-to-support-remote-learning-during-the-covid-19-pandemic> (дата обращения: 13.04.2020).

УДК 342.951

Б.Н. Сиренко, канд. юр. наук, Донбасская юридическая академия (г.Донецк)

(e-mail: sirenkobogdan@mail.ru)

И.О. Крамарчук, студент, Донбасская юридическая академия (г.Донецк)

(e-mail: ira13012001@rambler.ru)

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОБОРОТА ИНФОРМАЦИИ

В статье рассмотрены отдельные аспекты вопроса привлечения к административной ответственности в сфере оборота информации; выделены особенности административного правонарушения в области оборота информации, а также указаны пути совершенствования правовой процедуры привлечения к указанному виду ответственности.

Ключевые слова: информация, административная ответственность, государство, правонарушение, административное правонарушение.

Sirenko, B.N.,

Kramarchuk, I.O.

FEATURES OF ATTRACTION TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR INFORMATION TURNOVER OFFENSES

The article discusses some aspects of bringing to administrative responsibility in the field of information circulation; features of an administrative offense in the field of information circulation are highlighted, as well as ways to improve the mechanism of bringing to this type of responsibility.

Key words: information, administrative responsibility, state, offense, administrative offense.

Актуальность темы исследования. В современных условиях процесс развития информационного пространства Донецкой Народной Республики, в силу объективно сложившихся на ее территории ряда негативных обстоятельств, характеризуется сложным и многогранным характером. Как закономерный результат, правоотношения в этой отрасли не могут быть полноценно защищены от посягательства со стороны. Принимая во внимание сложившиеся обстоятельства можно сделать обоснованный вывод об их неприемлемости, поскольку информация имеет особое значение для жизнедеятельности общества и государства в целом. Следовательно, отсутствуют обоснованные предпосылки для утверждения, что в Донецкой Народной Республике созданы оптимальные приемлемые условия для правовой охраны как информации, так и информационных ресурсов в целом.

Считаем важным акцентировать внимание на значимости и важности правового механизма привлечения к административной ответственности за правонарушения в рассматриваемой сфере, что, прежде всего, обусловлено значением информации в современном мире: эффективное разрешение указанной проблематики непосредственно влияет на процессы возникновения и

развития правоотношений в государстве и обществе целом. В этой связи усовершенствование административно-правового механизма, способствующего регулированию информационных правоотношений, представляется обоснованным и необходимым. Исследование настоящей темы позволит выделить особенности административной ответственности за правонарушения в сфере оборота информации, а также определить последующие перспективы развития и усовершенствования законодательных норм в области оборота информации и правовой ее защиты.

Анализ предшествующих исследований и публикаций. Проблемам исследования способов защиты информации посредством применения юридической ответственности посвящены работы ученых-правоведов П.И. Кононова, В.Я. Кикоть, И.Ш. Килясханова, К.Э. Шеннона и др. Однако, настоящие тенденции развития информационной деятельности свидетельствуют о наличии недостаточно изученных и проблемных аспектов в рассматриваемом вопросе [1].

Целью исследования является освещение и раскрытие проблемных вопросов привлечения к административной ответственности за нарушения в указанной сфере и выработка более эффективных методик по их разрешению.

Вопросам оборота информации в настоящее время посвящены работы многих исследователей и ученых. Однако указанная проблема начала зарождаться значительно раньше. Подтверждением этого могут являться попытки некоторых исследователей точно определить понятие «информация». Так, К.Э. Шеннон считает, что информация — это аспект человеческого общения, представляющий собой сообщение, передаваемое от одного субъекта к другому, которое может транслироваться не только с помощью языка, но и с помощью технологий [9].

Такой интерес к изучению сферы оборота информации является обусловленным в связи с возрастающей ролью информации в жизни населения. Акцентируя внимание на указанной сфере, особого совершенствования требует правовой механизм применения мер административной ответственности за нарушение законодательства в указанной выше сфере [2]. То есть речь идёт об административных правонарушениях. Вывод о целесообразности усовершенствования именно этого аспекта является обоснованным в связи с тем, что с каждым годом в мире правонарушения в сфере оборота информации имеют тенденцию к учащению. И хотя правовой институт административной ответственности неоднократно был предметом самостоятельного научного исследования, но до настоящего времени он не получил подробного изучения. Следовательно, исследование административной ответственности в рассматриваемой сфере представляется актуальным.

Стоит указать, что совершенствование и развитие информационных технологий сопровождалось возникновением множества спорных моментов касательно различных аспектов информационной деятельности. Примером такового может служить возникший вопрос по поводу наличия возможности в конкретном случае выявить административные правонарушения в сфере

оборота информации, а также возможность установить механизм их совершения и привлечения правонарушителей к указанному виду ответственности [4]. Конечно, говоря о рассматриваемой проблеме, невозможно оставить без внимания сопутствующий дискуссионный аспект — вопрос отсутствия специальных административных норм, регулирующих сферу информационных правоотношений.

Прежде всего, стоит определиться с категорией административной ответственности. Понятие административной ответственности включает в себя элементы более широкого понятия – юридической ответственности. Исходя из этого, считаем важным отметить, что административная ответственность сохраняет в себе все признаки юридической ответственности, а именно: а) представляет собой вид государственного принуждения; б) влечет за собой состояние, при котором правонарушитель претерпевает неблагоприятные последствия личного либо имущественного характера; в) наступает в результате применения к правонарушителям санкций правовых норм, указанных в нормативном акте; г) воплощается в процессуальной форме.

Анализируя приведенные выше признаки, мы можем дать четкое определение административной ответственности, которая представляет собой вид государственного принуждения, реализуемого в предусмотренной законом процессуальной форме и отражающего специфическое правовое состояние лица, при котором оно претерпевает неблагоприятные последствия морального, личного, имущественного или организационного характера в результате государственного осуждения совершенного им административного правонарушения.

Интерес к изучаемой теме обусловлен ещё и тем, что государственный аппарат стремится к цифровизации всей информации, которая буквально ещё пару лет назад являлась очерком негативного последствия бюрократизма [7]. Разбирая понятие цифровизации информации государственным аппаратом, считаем важным отметить, что приведенная категория представляет собой способ организации государственной власти, основанный на информационных технологиях, имеющий целью предоставление информационных услуг и информации в целом различным органам государственной власти и предоставление населению государства дистанционного участия в принятии решений. Однако заинтересованность эта тема вызывает не только у ученых, но и у лиц, преследующих своими действиями противоправный умысел с целью получения какой-либо выгоды. Вследствие этого возникает проблема привлечения к административной ответственности в области оборота информации [8].

Считаем важным отметить, что в настоящее время в среде ученых существуют несколько отличающихся между собой точек зрения по вопросу классификации проступков. Так, П.И. Кононов, В.Я. Кикоть, И.Ш. Килясханов предлагают разделить административные правонарушения в области связи и информации на определенные подвиды [3]. К первому виду ими было предложено отнести правонарушения в области связи. Ко второму виду были

отнесены правонарушения в области свободы массовой информации. Третий вид включал в себя правонарушения, посягающие на установленный законом порядок сбора, хранения, использования, распространения или защиты информации ограниченного доступа. К последнему виду было предложено отнести правонарушения, посягающие на общие отношения в сфере информации [1]. Следует отметить, что данными авторами была выделена четвертая группа проступков, к которым они относили нарушение порядка предоставления статистической информации или нарушение порядка предоставления обязательного экземпляра документов, письменных уведомлений, уставов и договоров.

Стоит отметить, под правонарушениями в сфере оборота информации стоит определить совокупность общественно опасных, противоправных деяний, который посягают на установленный порядок государственного управления в информационной сфере с использованием информационных средств и технологий [5]. Исходя из изложенной выше информации, условно совокупность данных правонарушений можно разделить на несколько групп:

1) посягательства, определённые законодательством как противоправные, в отношении реализации информационных прав и свобод человека и гражданина. К таковым стоит отнести нарушение права на тайну переписки. Также в последнее время стали актуальны вопросы злоупотребления свободой слова и свободой массовой информации;

2) посягательства, определённые законодательством как противоправные, в сфере индустрии телекоммуникаций и связи. Примером такого может быть мошенничество с использованием информационных технологий, подлог информации, распространение вредоносных программ, незаконный перехват информации и другие;

3) противоправные посягательства в сфере организации и деятельности СМИ. Рассматривая данную группу, заметим, что сюда входит воспрепятствование работе журналиста, что в современном обществе стало достаточно распространённым явлением в силу недостаточной законодательной базы в отношении журналистской деятельности;

4) нарушение мер, обеспечивающих информационную безопасность общества, государства, гражданина. Сюда стоит отнести указанные нарушения в отношении информации, составляющей государственную тайну, нарушение правил сертификации телекоммуникационного оборудования, умышленное уничтожение государственных информационных ресурсов и другие.

Таким образом, исходя из приведенного анализа, административные правонарушения в области оборота информации по объекту посягательства можно разделить на четыре группы. Данное многообразие правонарушений в области оборота информации обусловлено различными направлениями деятельности государства, общества и отдельных граждан, действия которых направлены на обеспечение информационной безопасности.

Заметим, что при рассмотрении изучаемой проблемы возникают сложности в связи с тем, что она имеет межотраслевой характер. Это означает,

что проблематика административных правонарушений в области оборота информации тесно взаимосвязано не только с административным правом, но и с техническими науками. В связи с этим справедливо будет отметить, что лицо, не обладающее специальными знаниями в информационной сфере, сталкивается с проблемой квалификации содеянного деяния. Чаще всего с этим сталкиваются такие должностные лица, как судья, прокурор, следователь и лица, участвующие в разрешении дела [6].

Основным отличительным признаком административной ответственности в изучаемой сфере является то, что ответственность такого рода, в первую очередь, является определенным способом защиты информации [7]. Данное положение обусловлено тем, что задачей административной ответственности является изобличение виновных и предотвращение посягательств на объект в дальнейшем. Ещё одним отличительным признаком является то, что объектом посягательства является порядок государственного управления в информационной сфере. Указанное положение связано с защитой прав и свобод человека в заявленной сфере, а именно — информационной сфере.

Таким образом, можно отметить, что административное правонарушение в области оборота информации следует определить, как общественно опасное, противоправное, виновное деяние в форме действия или бездействия, посягающее на установленный порядок государственного управления в информационной сфере. Данное деяние возможно с использованием информационных средств и информационных технологий либо иных видов информационной деятельности, исходящим от виновного лица.

Выводы. Рассмотренные нами аспекты, касающиеся института административной ответственности в сфере оборота информации, а также предлагаемые меры по совершенствованию его материальных и процессуальных составляющих, не исчерпывают комплекса всех проблем в рассматриваемой области. Отметим, что новые проблемы, которые появятся в процессе совершенствования законодательства, в дальнейшем потребуют своего разрешения. Исследование административной ответственности за нарушение законодательства об обороте информации позволяет сделать определенные заключения и на их основе сформулировать предложения, направленные на совершенствование механизма реализации мер административной ответственности в области связи и информатизации.

Современный этап развития общества характерен особой ролью информационной сферы, которая является совокупностью информации, информационной инфраструктуры, а также определенной системы, регулирующей возникающие информационные правоотношения. Значение информационной сферы выражается в том, что данная сфера является фундаментальной в экономических, политических и других правоотношениях, преобладающих в обществе. Одними из средств, обеспечивающих нормальное функционирование информационной сферы, являются административно-правовые средства.

Исследовав данную тему, следует подчеркнуть, что административная ответственность — это мера административного принуждения, которая применяется за совершение административных правонарушений. Основанием административной ответственности в сфере оборота информации по общему правилу являются административные правонарушения. Однако в данном случае они касаются не только информационной сферы, но и конституционных прав граждан, касающихся личной тайны, частной жизни и так далее. Ответственность за правонарушения в области оборота информации реализуется в административном порядке путем применения санкций, предусмотренных Особенной частью КоАП Украины.

Учитывая практику установления и реализации юридической ответственности в сфере оборота информации, было бы вполне оправдано для формирования действенного механизма привлечения к административной ответственности закрепить в КоАП Украины положение о том, что вина юридического лица, совершившего административное правонарушение, определяется исходя из вины должностных лиц, которые представляют это юридическое лицо.

Также следует отметить, что в целях эффективной реализации мер административного принуждения целесообразно продумать концепцию классификации составов административных правонарушений в области оборота информации. Следовательно, необходимым является закрепление данной классификации, которая могла бы включать в себя все отношения, связанные с поиском, получением, передачей, производством, а также распространением информации.

В процессе реализации мер административной ответственности в области связи и информатизации возникают различные правоотношения, особую группу составляют отношения властного характера. Специфической разновидностью таких отношений являются отношения, связанные с квалификацией административных правонарушений. Под квалификацией административных правонарушений в области оборота информации понимается установление соответствия признаков совершенного деяния признакам конкретного состава административного правонарушения. Как составная часть деятельности компетентных должностных лиц (органов) по применению законодательства об административных правонарушениях квалификация представляет собой мыслительный процесс того или иного лица, заключающийся в сопоставлении признаков совершенного деяния с признаками, включенными законодателем в конструкцию определенного состава. Результатом этого сопоставления является правовая оценка совершенного деяния. Данная оценка заключается в выводе о том, что деяние содержит признаки состава административного правонарушения.

На основе проведенного исследования можно заключить, что решение поднятого проблемно-поискового вопроса возможно при решении ряда негативно влияющих факторов. К таким факторам следует отнести:

– в первую очередь, стоит повысить значимость информации в современном государстве. Несомненно, невозможно не заметить, что информация – это один из основных ресурсов государственного управления. Следовательно: – посягательства на данный объект должны быть отдельно квалифицированы государством и иметь наименование «Административные правонарушения в области оборота информации»;

– невозможно говорить об указанной выше категории без нормативного закрепления её в нормативном акте. Т.е. данные административные правонарушения требуют фиксации и тщательного описания в Кодексе административных правонарушений, действующих в пределах рассматриваемой территориальной единицы;

– в связи с тенденцией к созданию и ведению сайтов органов государственной власти, следует обращать отдельное внимание на усовершенствование защиты данных сайтов. Это положение включает в себя не только разработку и использование антивирусных программ и других, но и предотвращение административных правонарушений в области оборота информации, которая включала бы в себя заблаговременное изобличение виновных.

Отметим, что исследование данного вопроса позволяет на основе разработанных предложений усовершенствовать административный механизм реализации мер ответственности за правонарушения в сфере оборота информации. В исследовании определены конструктивные составляющие механизма реализации мер административной ответственности в области оборота информации.

Подводя итог, стоит упомянуть – в связи с тем, что нормативно-правовые акты, принимаемые государственными органами, представляют собой информацию, которая включает в себя информацию по поводу деятельности этих органов, а также информацию о процессе государственного управления, то можем определить, что результатом деятельности таких органов является сама информация. Данное положение обуславливает значение реализации всех вышеуказанных аспектов, требующих усовершенствования. Следовательно, можно сказать о существенности раскрытия заявленной проблемы в рамках усовершенствования не только административного права и государства, но и способов защиты информации.

Список литературы

1. Административное право России: учебник для студентов вузов / под ред. П.И. Кононова, В.Я. Кикотя, И.Ш. Килясханова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юнити: Закон и право, 2008. — 559 с.
2. Бачило И.Л. Информационное право: Учебник. М.: Юрайт, 2017.
3. Войниканис Е. А., Якушев М. В. Информация. Собственность. Интернет: Традиция и новеллы в современном праве. М.: Волтерс Клувер, 2004. 300 с.

4. Лопатин Ю.Н. Информационная безопасность в России. Проблемы, поиски решений/Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке - 2008, с. 51-57.
5. Лопатин В.Н. Информационная безопасность в электронном государстве // Информационное право. 2018. № 2. С. 2.
6. Махров И.Е. Административная юрисдикция органов исполнительной власти // Право и экономика. — 2002. — № 12.
7. Остроушко А.В., Букалеров А.А. О необходимости разработки мер административной и уголовной ответственности к лицам, размещающим в сети Интернет порочащую граждан информацию // Административное и муниципальное право. 2015. № 11. с. 1174-1177.
8. Право в сфере Интернета: Сб. ст. / Рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018.
9. Шеннон К. Э. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. 832 с.

УДК 342.56

Ю.А. Скорченко, канд. истор. наук, доцент, Луганский государственный аграрный университет (г. Луганск)

(e-mail: skorchenko60@mail.ru)

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье предпринята попытка проанализировать многоаспектные усилия по организации деятельности судебной власти Луганской Народной Республики, исследовать качество правосудия, рассмотреть факторы, влияющие на повышение авторитета юстиции.

Ключевые слова: суд, судебная система, судебная власть, судопроизводство, ветви власти.

Skorchenko, Yu.A.

PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVING THE LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC JUDICIAL POWER

The article attempts to analyze the multifaceted efforts to organize the activities of the Lugansk People's Republic judiciary, to investigate the quality of justice, and to consider the factors that influence the enhancement of the authority of justice.

Key words: court, judicial system, judicial power, legal proceedings, branches of government.

Актуальность темы исследования. После обретения в 2014 году независимости в ЛНР произошла смена тоталитарной формы доминирования государства над человеком воплощением в практику концепции служения органов власти интересам граждан, обеспечения их прав и свобод. Народная Республика стремится добиваться существенных сдвигов в утверждении

демократических норм общественной жизни, а также позитивных перемен в области соблюдения прав человека. Однако чтобы преодолеть все еще имеющееся взаимное отчуждение власти и народа, необходимы значительные усилия, в том числе содействие государства развитию гражданского общества, которое и обуславливает темпы, формы и содержание демократических трансформаций в Луганской Народной Республике.

В современной интерпретации гражданское общество – это социум с развитыми экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями между его субъектами, независимое от государства, но взаимодействующее с ним. Общество граждан высокого социального, экономического, политического, морального и культурного статуса, создающих совместно с государством развитые правовые отношения.

Одной из важнейших задач гражданского общества выступает ограничение императивных функций государства определенными институционально-организационными и правовыми рамками. Институты гражданского общества в силу своей политико-правовой и функциональной природы призваны осуществлять различные превентивные действия, направленные на ограничение произвола публичной власти.

Актуальной проблемой сегодняшнего дня является определение юридической наукой закономерностей организации государственной власти, в частности, ее судебной ветви, а также принципа разделения властей. Судебная власть служит одним из основополагающих элементов в процессе формирования гражданского общества. Законодательная и исполнительная ветви власти являются цементирующими, а судебная ветвь выступает опорой государства, залогом достойной жизни народа. Приоритетным направлением государственного строительства представляется усовершенствование системы взаимоотношений между сферами власти. Без этого сложно уяснить проблему соотношения социальной свободы и народной власти – выражения процесса демократизации общественно-политической жизни в ЛНР. Стабильное развитие государства обеспечивается распределением властных компетенций; принятием законов, их исполнением; разрешением социальных и индивидуальных разногласий, споров и т.д.

Ни одна из ветвей власти не должна вмешиваться в полномочия других. Значительная часть недоразумений между ними возникает в том случае, когда присваиваются чужие права или не осуществляются собственные. Для предупреждения и устранения расхождений существует система сдержек и противовесов, примирительных процедур, или, в конце концов, судебное разрешение конфликтных ситуаций.

Формирование правового государства в ЛНР требует, прежде всего, реализации положений верховенства права, когда функционирование институтов государственного управления ограничено Конституцией, законами, а главным направлением деятельности органов власти выступает обеспечение прав и свобод человека и гражданина.

В правовом государстве существенно повышается роль судебной инстанции как значимой структуры управления социумом. Осуществляя правосудие на основании законности, объективности, справедливости суд призван находить решение коллизий во всех сферах общественных отношений, включая и определение ответственности государства, его органов перед гражданином.

Важным условием эффективного правосудия является повышение роли судебной ветви власти как самого существенного гаранта защиты прав и свобод человека. Стабильные законы, упорядоченное правосудие – это фундамент, на котором основывается доверие граждан к государственной власти в целом. Поэтому актуальной методологической проблемой выступает всесторонний научный анализ понятий, признаков, функций судебной власти; механизма ее взаимодействия с иными властными институциями; поиск путей дальнейшего развития этой ветви государственной власти ЛНР.

Анализ научных исследований. В монографической библиографии (А.В. Аверин, С.Ф. Афанасьев [14], Л.В. Головкин [13], М.И. Клеандров [10], В.А. Терехин [16]) изучение представленных проблем свидетельствует о существовании значительного интереса ученых к кругу вопросов, поставленных выше. В учебно-методической литературе (А.Н. Азрилиян [18], В.И. Акишина, П.А. Гук [10], В.А. Бабренев [11], А.Б. Барихин [2], В.М. Бозров [1], Т.С. Коваленко [12]) они раскрываются в общем виде. Несколько подробнее – в периодических изданиях (Г.Б. Власова, Е.И. Изотов [3], Т.С. Коваленко [4], В.В. Момотов [6], В.А. Терехин [15]).

Состояние и различные аспекты дальнейшего развития судебной ветви власти послужили предметом исследования видных ученых - С. С. Алексеева, М.И. Байтина, А.Д. Бойкова, Н.В. Витрука, К.С. Гаджиева, В.Н. Голузо, В.В. Гошуляка, А.А. Гравиной, Г.Т. Ермошина, Г.А. Жилина, В.М. Жуйкова, В.Д. Зорькина, С.В. Игнатъевой, И.А. Исаева, А.С. Кобликова, Г.Н. Козырева и др.

Целью статьи является поиск путей дальнейшего изучения, осмысления актуальных проблем развития судебной ветви власти Луганской Народной Республики.

В соответствии с принципом разделения властей народ, избирая своих представителей в руководящие органы ЛНР, делегирует им те властные полномочия, которые касаются законодательной ветви, а следующее разделение полномочий между органами исполнительной и судебной власти осуществляется конституционным или законодательным путем. Властные полномочия Народного Совета и Главы ЛНР, получившие легитимность в результате выборов, создают систему вторичного представительства, реализуя делегированные народом компетенции. Таким образом, исполнение функций судебной власти осуществляется судьями судов общей юрисдикции, которые назначаются Главой ЛНР, а судьи Верховного Суда ЛНР – Народным Советом по согласованию с Главой ЛНР.

Для претворения в жизнь судебной власти закон предоставляет судьям необходимые права, обязанности и полномочия, а также предусматривает определенные гарантии их реализации. На судью, как носителя судебной власти, наделенного правом решать все юридические коллизии, которые возникают в обществе, возложена большая ответственность.

Судебную власть следует понимать как систему независимых судов, которые в порядке, определенном законом, воплощают в действительность правосудие. В соответствии со ст. 1 Закона ЛНР «О судебной системе» судебная власть реализуется путем осуществления правосудия в форме гражданского, административного, уголовного, а также конституционного судопроизводства [9]. Важно подчеркнуть, что в ст. ст. 6,80 Конституции ЛНР суд определяется как независимый орган государственной власти, который в установленных Основным Законом границах выполняет свои полномочия, реализуя правосудие [5, с.7; с. 39-40].

Суды всех уровней образуют единую судебную систему. Каждый из них по характеру своей деятельности и полномочиям выполняет функции государственного органа, на который возложена обязанность от имени Луганской Народной Республики защищать права и свободы человека и гражданина путем осуществления правосудия.

Сущностью судопроизводства выступает деятельность судов по разрешению споров, конфликтов, проблемных ситуаций, что является самым существенным способом исполнения полномочий судебной власти. Правосудие осуществляется судебными органами на основании процессуального закона, который устанавливает процедуру рассмотрения и решения дел. Регламентация судебного процесса и исполнения судом всех процессуальных требований позволяют гарантировать правильное выяснение обстоятельств каждого дела, применения к правоотношениям норм действующего в ЛНР законодательства и постановления законного и обоснованного решения. Одновременно важным содержанием деятельности судебной власти является обеспечение функционирования системы юстиции для защиты общественного порядка, прав, свобод, интересов граждан путем реализации правосудия. Таким образом, правовой формой исполнения судебной власти выступает правосудие, которое, в свою очередь, требует соблюдения определенных правил.

В соответствии со ст.13 Конституции ЛНР[5,с.9]; ст. ст. 6,7,9 Закона ЛНР «О судебной системе» [9]; ст. ст. 39, 260, 263, 267, 385, 434 Уголовно-процессуального кодекса ЛНР [17,с.55-57;с.235-238; с.240; с.306; с.336-337] основными принципами судопроизводства являются законность; равенство всех участников судебного процесса перед законом и судом; гарантирование доказанности вины; соревновательность сторон и свобода предоставления суду своих доказательств в обеспечении перед судом их убедительности; поддержка государственного обвинения в суде прокурором; обеспечение обвиняемому права на защиту, гласность судебного процесса и его фиксацию техническими средствами; обеспечение апелляционного и кассационного обжалования

решения суда, кроме случаев, предусмотренных законом; обязательность судебных решений.

Судебная власть, что также значимо, осуществляет ограничивающую миссию в обществе и государстве. Речь идет о рассмотрении жалоб на действия должностных лиц; контроль над законностью нормативно-правовых актов; разрешение противоречий, конфликтов между физическими и юридическими лицами и т. д. Деятельность судов не исчерпывается реализацией правосудия. Судам свойственны и контрольные функции относительно иных ветвей власти, что свидетельствует об их властных полномочиях. Они принимают решения, обязательные к исполнению. Убедительным примером реализации контрольных функций судами служит проверка законности содержания граждан под стражей, санкционирование ареста, досмотра, обыска жилища или иного владения лица; снятие ограничений относительно тайны переписки, контроль телефонных, телеграфных и иных переговоров, наложение ареста на почтовые и телеграфные отправления и их выемка в учреждениях связи и т.д.

Следует подчеркнуть, что судебная защита становится эффективной и действенной только при условии полной независимости судебной ветви власти и реальной самостоятельности судей. Это выступает в качестве надежной гарантии соблюдения прав и свобод граждан.

В реальной жизни имеются попытки вмешательства в деятельность судебной власти – так называемое «телефонное», «депутатское», «митинговое» право. Данные устремления коренятся в моральных аспектах властных, предпринимательских и иных структур, игнорирование «сильными мира сего» принципов законности. Пока еще не удалось полностью преодолеть указанные негативные явления.

Самостоятельность судей – это, прежде всего, независимая процессуальная деятельность во время рассмотрения и разрешения проблемных вопросов на основании материального и процессуального законов в соответствии с правосознанием судей и в условиях, которые исключают внешнее вмешательство. Чем выше степень самостоятельности и независимости, которыми пользуется суд относительно остальных ветвей власти, тем выше уровень законности и демократичности в обществе, тем надежнее защита прав и свобод граждан. В ст. 4 Закона ЛНР «О статусе судей» четко зафиксировано, что судьи независимы, подчиняются только Конституции ЛНР и никому не подотчетны [8].

Анализируя многоаспектный комплекс вопросов относительно самостоятельности судей, можно констатировать их внешнюю независимость (от влияния органов законодательной, исполнительной власти, местного самоуправления, общественных организаций, СМИ, служебных, должностных лиц, граждан); внутреннюю (от влияния субъектов правоохранительной системы, участников конкретного судебного процесса и т.д.); морально-нравственную независимость (имеется в виду уровень правового и морально-этического сознания судьи). Кроме сугубо процессуальной, существует еще и материально-техническая, кадровая, финансовая самостоятельность, а также

необходимое организационное обеспечение. Эти проблемы детально прописаны в Законе ЛНР «О судебной системе» (ст.ст.38-43) [9]. Их решение обеспечивает Судебный департамент при Верховном Суде Луганской Народной Республики и входящие в его систему органы, гарантирующие нормальную деятельность судов. Из вышеизложенного следует вывод: объединение процессуальной и организационной составляющих практически обеспечивает самостоятельность и независимость судебной ветви власти.

После разработки Конституции, принятия ряда законов, подзаконных нормативных актов в целом была сформирована нормативно-правовая база для обеспечения реальных гарантий независимости судебной ветви власти, самостоятельности судей ЛНР. Это система мер и мероприятий, которую условно можно разделить на общие и специальные. К первой группе относятся экономические, политические, организационные и т.д., ко второй – юридические. Рассмотрение гарантий первой группы свидетельствует о ее чрезвычайной важности для эффективной деятельности судов. Юридические гарантии независимости судебной власти закреплены в Конституции, законах, указах Главы ЛНР, постановлениях Правительства ЛНР.

Вместе с тем целесообразно отметить, что абсолютно независимой судебной власти нет и существовать не может, потому что она прочно связана с другими ветвями власти при помощи системы сдержек и противовесов и относится к единой системе государственного управления, которая обязана обслуживать интересы граждан ЛНР. Изолированная (замкнутая) судебная система будет функционировать исключительно на себя, на собственные корпоративные интересы.

Накопленный опыт деятельности судебной ветви власти ЛНР в сложных условиях трансформации регионального социума свидетельствует о безусловной необходимости продолжения работы по дальнейшему развитию, всех правоохранительных структур, судопроизводства в целом. Вопросы совершенствования выполнения функций судебной системы нельзя отделять от повышения качества работы других ветвей власти, улучшения условий жизнедеятельности общества в целом.

На наш взгляд, в ЛНР необходимо создавать такую социальную среду, в которой могло бы формироваться высокоморальное судопроизводство, юридическая система, в условиях которой ни бизнесмен, ни депутат, ни чиновник будут не в состоянии использовать «телефонное» право. Этому должно способствовать развитие гражданского общества (независимые СМИ, свобода пикетирования судебных помещений, свобода слова и т.д.); наличие строгой ответственности за попытки вмешательства в деятельность судебных органов; внедрение негосударственного (альтернативного) судопроизводства (третейские суды).

Повышению уровня правосудия мог бы оказывать содействие надлежащий подбор кадров; детальные, обстоятельные проверки кандидатов на должности судей.

Существование высокоморального судопроизводства невозможно без наличия значимых этических качеств, высоких нравственных принципов у представителей юстиции. Указанные моральные свойства опираются на нравственно-правовые нормы действующего законодательства ЛНР, которые предъявляются к кандидатам в судьи и судьям. Служебное лицо системы правосудия должно обладать сплавом нравственных, психологических и иных свойств. Важно, чтобы эти достоинства позитивно реализовывались в процессе судопроизводства.

С этой целью возможно внедрение психологического тестирования граждан, желающих занять судейские должности с целью выявления возможных деформаций личности, несовместимых с обязанностями и полномочиями судьи.

Наряду с проанализированным выше, имеется проблема обеспечения широкого и равного доступа населения к правосудию, которое обязано предоставлять государство. Свободный доступ к правосудию – сложное понятие, которое объединяет несколько аспектов, в частности процессуальный, организационный и т.д. Проблема доступности суда – это ответ на вопрос – «а существует ли суд вообще?» Если к суду нет свободного доступа, то какой смысл в его существовании?

Важное общественное значение имеет открытость судебной ветви власти. В этом вопросе должен действовать принцип: оглашается все, что не запрещено. Кстати сказать, суды являются форумом для разрешения споров, но это не значит, что предварительное обсуждение предмета дискуссий не может происходить еще где-то (на страницах специальных журналов, в интернете или среди населения). Суды, как и другие государственные учреждения, не могут находиться вне критики, обсуждения. Гласность судопроизводства обеспечивается возможностью присутствия в открытом судебном заседании лиц, не являющихся участниками процесса, представителей средств массовой информации (журналистов). Институт медиа-сопровождения деятельности судебной власти как форма социального контроля никоим образом не может конфликтовать с принципами судейской независимости. Неправомерно лишь вмешиваться в процессуальную деятельность судей.

Актуальными проблемами остаются вопросы серьезного повышения качества политического и юридического образования населения ЛНР, воспитания граждан, особенно молодежи, в духе уважения к закону, к суду; преодоление преступных проявлений, правового нигилизма. Крайне важно сплотить граждан вокруг идеи моральной справедливости. Духовным фундаментом нашего социума должны стать моральность, справедливость, порядочность. В ЛНР необходимо настойчиво формировать общество моральной справедливости. Понятие о нем связано с правами человека, которые исторически изменяются в процессе социального развития. В известном словаре нашего знаменитого земляка В. И. Даля «справедливость» отождествляется со словом «правда», однако в смысле «правосудие», «сделано законно» и т.д. Справедливые и гуманные решения судебных органов

позитивно влияют на минимизацию правового нигилизма, способствуют повышению правовой культуры, формированию правового сознания населения.

Категория справедливости является в своей сущности социально-этической. Этот нравственный императив поддерживается правовыми механизмами, которые конкретизируют нормы поведения, обеспечивают справедливость в форме законов, устанавливаемых государством. В этом отношении мораль базируется на праве. С другой стороны, законность и правопорядок нуждаются в постоянной опоре на принцип справедливости как на прочное моральное обоснование. Консолидировать общество, нацелить его развитие на реальные демократические преобразования, прежде всего властных структур, гарантируя строгий контроль над соблюдением законов, представляя образцы социальных норм поведения в соответствии с современными демократическими ценностями.

Отмеченные меры будут содействовать повышению уровня защиты социально-экономических и политических прав граждан ЛНР, повышению их общей и правовой культуры, обеспечению свободного доступа к правосудию, улучшению его качества, преодолению судебной волокиты.

Выводы. Судебная власть существует исключительно в форме государственно-правового института, который призван удовлетворять потребности социума, граждан, государства в законном, справедливом, оперативном разрешении споров, конфликтов, возникающих в процессе реализации прав и обязанностей субъектов правоотношений.

Таким образом, обретение судами реальной независимости, формирование влиятельной судебной ветви власти является вопросом большой общественной значимости. Авторитет судей базируется исключительно на законности принимаемых решений, доступности суда, беспристрастности судебной власти. Высоконравственная деятельность представителя правосудия и его положительные моральные качества рассматриваются как необходимые условия и предпосылки доверия социума к судебной власти. Эти положения не заменит ничто: ни судейский иммунитет, ни высокая зарплата и т.д.

Следует настойчиво и активно решать сложные, комплексные проблемы дальнейшего развития и всестороннего совершенствования судопроизводства. Особого внимания требуют усилия по организации деятельности судебной власти, осуществление которых будет способствовать повышению ее авторитета, продвижению Луганской Народной Республики по пути построения правового социального государства, существенно улучшит качество правосудия, позволит эффективнее защищать права и свободы человека и гражданина.

Список литературы

1. Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник / коллектив авторов; под ред. В. М. Бозрова. - М.: ЮСТИЦИЯ, 2019. - 568 с.
2. Барихин А. Б. Большой юридический энциклопедический словарь / А. Б. Барихин. - М.: Книжный мир, 2006. - 720 с.

3. Власова Г. Б., Изотов Е. И. Власть государственная и власть судебная (диалектика соотношения понятий)/ Г. Б. Власова, Е. И. Изотов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление.- 2018.- №7 (98). - С.63-67.
4. Коваленко Т.С. Становление судебной системы ЛНР сквозь призму российского и украинского опыта / Т.С. Коваленко // Право как эффективный инструмент регионального развития: проблемы и перспективы, барьеры и возможности: научно-практическая конференция (РФ, г. Кострома, Костромской госуниверситет, 8-10 декабря 2016 г.). - С.168-174.
5. Конституция Луганской Народной Республики: текст с изменениями и дополнениями.- Луганск: ПРЕСС-ЭКСПРЕСС, 2020.- 44 с.
6. Момотов В. В. Эффективность правосудия в контексте правовой культуры: сравнительно-правовой анализ / В. В. Момотов // Судья.- 2017.- № 10. - С. 4-15.
7. Организация судебной деятельности: учебник / В.А. Бобренев, О.Н. Диордиева, Г.Т. Ермошин и др.; под ред. В.В. Ершова. - М.: РГУП, 2016. - 390 с.
8. О статусе судей: Закон Луганской Народной Республики от 22 мая 2015 г. № 29-II [Электронный ресурс].- Режим доступа: <https://nslur.su/>
9. О судебной системе: Закон Луганской Народной Республики от 30 апреля 2015 г. № 18-II [Электронный ресурс].- Режим доступа: <https://nslur.su/>
10. Ответственность судьи: монография / М. И. Клеандров. – М.:ИНФРА-М, 2017. - 576 с.
11. Правовые основы судебной власти в Российской Федерации: учебное пособие / В. И. Анишина, П. А. Гук. - М.: Юрлитинформ, 2015. - 248 с.
12. Правосудие и судебная система Луганской Народной Республики: учебное пособие / под ред. Т.С. Коваленко. МВД ЛНР, Луганская академия внутренних дел им. Э. А. Дидоренко; Костромской государственный университет.- Кострома: Изд-во КГУ, 2017.- 152 с.
13. Суд и государство / под ред. Л. В. Головкин, Б. Матьё. - М.: Статут, 2018. - 272 с.
14. Суд как субъект правовой политики: монография / А. В. Аверин, С. Ф. Афанасьев [и др.]; ред. А.В. Малько. - М.: Юрлитинформ, 2014. -232 с.
15. Терехин В. А. Модернизация судоустройства и судебных инстанций как приоритетное направление судебно-правовой политики / В. А. Терехин // Российская юстиция.- 2010.- № 5.- С. 39.
16. Терехин В. А. Суд в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека: теория и практика: монография / В. А. Терехин. - М.: Юрлитинформ, 2013. - 352 с.
17. Уголовно-процессуальный кодекс Луганской Народной Республики: текст с изменениями и дополнениями.- Луганск: ПРЕСС-ЭКСПРЕСС, 2018.- 416 с.
18. Юридический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. - М.: Институт новой экономики, 2007. – 982 с.

УДК 346.2

Н.Л. Стрельцова, канд. экон. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г.Донецк)

(e-mail: dnkc@ukr.net)

А.Ю. Белик, студент, Донбасская юридическая академия (г.Донецк)

(e-mail: belik.belik-lina12@yandex.ru)

ПРАВОВОЙ СТАТУС ХОЛДИНГОВЫХ КОМПАНИЙ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В статье рассмотрены некоторые вопросы правового регулирования холдинговых компаний в Донецкой Народной Республике и аспекты развития деятельности данной предпринимательской активности.

***Ключевые слова:** холдинговая компания, конкурентная стратегия, холдинг, правонарушение, правовое регулирование.*

Streltsova, N.L.,

Belik, A.U.

LEGAL STATUS OF HOLDING COMPANIES IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

The article discusses some issues of legal regulation of holding companies in the Donetsk People's Republic and aspects of the development of this entrepreneurial activity.

***Key words:** holding company, competitive strategy, holding, offense, legal regulation.*

Актуальность темы исследования. Возможность достижения превосходства над конкурентами возникает лишь в случаях выработки стратегии, направленной на выбор приоритетов и их усовершенствования. В отличие от тактических действий на рынке стратегия должна быть направлена на обеспечение преимуществ над конкурентами в долгосрочной перспективе. Завоевание конкурентного преимущества является первостепенной задачей холдинговой компании, так как это позволяет обеспечить надежный источник прибыли. Исследование вопросов формирования конкурентной стратегии позволит компании приобрести конкурентное преимущество.

Анализ предшествующих исследований и публикаций. Основные теоретические и практические вопросы стратегического управления холдингами исследованы в трудах отечественных специалистов: Ю.Г. Алексеева, В.В. Барабанова, Е.В. Берштрама, В.Н. Глазунова, А.М. Голубева, П.В. Горского, М.А. Гурова, А.Н. Давыдова, А.А. Дружинина, И.С. Шиткина.

Целью статьи является исследование комплекса мер, направленных на разработку конкурентной стратегии холдинговой компании в современных условиях развития экономики.

Развитие экономики Донецкой Народной Республики столкнулось с массой несовершенств в правовом обеспечении, в том числе как связанных с созданием и регламентацией деятельности объединений предпринимателей, так и с недостаточностью исследования теоретического построения конкурентной стратегии, способствующей дальнейшей деятельности названных объединений.

Если организационно-управленческие и финансово-экономические аспекты объединений коммерческих организаций в определенной мере освещались в современной литературе, то юридические вопросы деятельности холдингов до последнего времени оставались наименее исследованными. Предпринимательские объединения представляют собой организационно-правовое выражение экономических постулатов, регулирующих производство товаров и формирование капитала, экономии затрат, а также повышение рентабельности. Данное положение свидетельствует о необходимости изучения предпринимательских объединений. Так, по нашему мнению, актуальным является изучение холдинговых компаний.

Под холдинговой компанией в широком смысле И.С. Шиткина понимает "совокупность двух или более коммерческих организаций, одной из которых является основное (преобладающее) общество, а остальные - дочерние и (или) зависимые общества" [4 с. 65]. Холдинговой компанией в узком смысле, по мнению автора, является основное (преобладающее) общество, "способное определять решения дочерних и зависимых обществ" [4 с. 78].

Компания имеет конкурентное преимущество в том случае, когда она лучше своих конкурентов преодолевает силы у конкуренции. Этому способствует разработка конкурентной стратегии. Результативность стратегии зависит от многих факторов. Из них, по нашему мнению, основными являются:

- стратегия компании, основанная на особенностях и степени разработанности конкретной отрасли;
- способность компании реагировать на изменения условий;
- стратегии, реализуемые конкурентами.

Проанализировав приведенные факторы, подчеркнем, что одинаково эффективных стратегий не существует. Для каждой холдинговой компании такая тактика имеет индивидуализированный характер, что свидетельствует о разнообразных комбинациях вышеуказанных факторов, способствующих достижению конкретных целей компании [2].

Наиболее наглядно основные конкурентные стратегии представлены

М. Портером. Рассмотрим подробнее каждую из них:

1) Стратегия низкой себестоимости (лидерство в области затрат).

Основой данной стратегии является экономия на масштабе производства и привлечение большего числа потребителей. Особенностью данной стратегии является то, что для потребителей цена является определяющим фактором при покупке;

2) Стратегия дифференцирования (стратегия отличия).

Указанная стратегия основывается на специализации в изготовлении оригинальной продукции, имеющей явные отличительные преимущества с точки зрения потребителей. Особенностью данной стратегии является дифференциация товара на рынке благодаря качественным характеристикам данного товара;

3) Стратегия концентрации на сегменте (стратегия сосредоточения).

Данная стратегия основывается на обеспечении преимуществ над конкурентами в отдельном специализированном сегменте рынка. При этом особенностью стратегии является гарантия стабильного сбыта. Таким образом холдинговая компания имеет возможность обслуживать потребителей эффективней, чем конкурент, который сосредотачивает свой потенциал на весь рынок;

4) Стратегия внедрения новшеств.

Холдинговые компании, реализующие свою деятельность на основе данной стратегии, сосредотачивают свои усилия на поиск новых видов продукции, а также методов организации производства. Особенностью данной стратегии является большой объем продаж, сопряженный с повышенным риском;

5) Стратегия немедленного реагирования на потребности рынка.

Компании, реализующие данную стратегию, нацелены на максимально быстрое удовлетворение возникающих потребностей рынка. Основной принцип деятельности – выбор и реализация проектов, наиболее рентабельных в текущих рыночных условиях, возможность быстрой переориентации производства, изменения технологии с целью получения максимальной прибыли в короткий промежуток времени.

Особенностью деятельности холдинговой компании является наличие тесной взаимосвязи между показателями эффективности и стратегическими возможностями компании.

Оценка эффективности холдинговой компании через ее деятельность, вытекающей вследствие какой-либо стратегии, требует разработки методики оценки эффективности.

Так, наукой определены основные требования методики оценки эффективности холдинговых компаний, к которым относятся:

- 1) себестоимость процесса;
- 2) доходы в разрезе клиентов;
- 3) данные о процессах, осуществляемых для каждого клиента.

Данные требования для полного восприятия исследуемой темы следует рассмотреть в рамках этапов таковой оценки и рассмотреть более подробно.

Определение ключевых бизнес-процессов и выделение основных клиентских транзакций является первым этапом. В него входит такая деятельность как: расширение охвата клиентских транзакций; преобразование ежемесячной отчетности в систему мониторинга указанных транзакций. Отметим, что такой мониторинг должен производиться в реальном времени.

Вторым этапом является определение уровня затрат на осуществление бизнес-процессов. Указанный этап характеризуется определенными условиями:

— изучение распределение затрат рабочего времени и показателя загрузки помещений и оборудования, участвующих в процессах, осуществляемых для каждого клиента;

— причисление затрат, которые составляют себестоимость бизнес-процессов:

- а) краткосрочные затраты;
- б) долгосрочные затраты;
- в) постоянные затраты.

Третий этап представляет собой определение рентабельности взаимоотношений клиентов. Отметим, что рентабельность является одной из основных составляющих целесообразного развития и функционирования хозяйственно-финансовой деятельности субъекта, в том числе холдинговых компаний. Особое значение в показателях рентабельности взаимоотношений с клиентом зачастую имеют нефинансовые показатели. Из этого вытекает ещё один этап.

Таким образом, четвертым этапом является определение нефинансовых показателей. Проанализировав научную литературу, можно говорить о четырех показателях:

- 1) показатели, относящиеся к человеческим ресурсам;
- 2) удовлетворенность клиентов;
- 3) уровень обслуживания потребителей;
- 4) показатели, операционного характера.

Приведенное выше исследование даёт четкое понимание об экономической деятельности холдинговых компаний. Ещё одним критерием плодотворного функционирования данного вида предпринимательского образования является правовая регламентация деятельности указанных объединений.

На основе анализа законодательства Донецкой Народной Республики целесообразно сделать вывод о том, что деятельность холдинговых компаний в Донецкой Народной Республике характеризуется отсутствием систематизированного регулирования данной сферы предпринимательской деятельности. В таких обстоятельствах большое значение имеет локальное нормотворчество самих холдингов и групп компаний, направленное на создание единого предпринимательского объединения и регламентацию внутренних и внешних отношений указанных объединений. Заметим, что отсутствие специального нормативно-правового акта создает правовые и управленческие проблемы организации и деятельности холдинговых компаний. То есть отсутствие указанного нормативно-правового акта приводит к невозможности четко определять организационную форму предпринимательства, максимально извлечь из нее возможные преимущества и избежать ответственности за нарушение требований действующего законодательства, установленных применительно к холдинговым образованиям.

Одной из основных причин возникновения холдингов как формы объединения субъектов предпринимательской деятельности является объективное стремление получения большего дохода при меньших затратах. Именно это и позволяет осуществить холдинговая система. Анализ зарубежного опыта свидетельствует о том, что интегрированные структуры сформировались совместно, несмотря на существенные региональные различия

в условиях хозяйствования и мотиваций к объединению. Данные структуры весьма значительны в экономках таких развитых стран, как США, Япония, Германия и Швейцария. Они контролируют более 1/3 промышленного производства своих стран, более 1/2 внешней торговли, более 3/4 патентов и лицензий на высокие технологии и «ноу-хау» [3, с. 7]. Важнейшим признаком холдингового объединения является наличие контроля одного участника над другим [1].

Согласно действующему законодательству, регламентирующему деятельность холдинговых компаний (Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики), холдинговые компании не подлежат государственной регистрации. Вследствие этого целесообразно будет сделать вывод о том, что возможность прекращения статуса холдинговой компании также не предусмотрена.

Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики также не закрепляет требования к основному и дочернему хозяйственным обществам. Речь идёт о необходимости указывать в уставе свою принадлежность к холдингу. Следовательно, целесообразно будет указать на то, что участники холдинга могут сделать это по своему усмотрению. Данное положение можно подтвердить наличием диспозитивных норм в деятельности холдинговых компаний, согласно которым возможно внедрение в состав устава любых положений, не противоречащих закону.

Следует подчеркнуть, что приобретение группой компаний статуса холдинга, а также распространение на него специального правового режима имеет огромное значение как для участников такого объединения, так и для государства, работников и иных лиц, вступающих во взаимоотношения с ними.

Таким образом, правовое регулирование холдингов, осуществляемое преимущественно в рамках гражданского законодательства путем определения категорий основного и дочерних хозяйственных обществ (ст. 86 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики), является недостаточным, чтобы удовлетворить потребности динамично развивающихся предпринимательских отношений и гарантировать сбалансированную защиту интересов, затрагиваемых отношениями межкорпоративной зависимости.

Современное законодательство о холдингах в Донецкой Народной Республике находится на этапе своего формирования. Холдинг в Донецкой Народной Республике представляет собой молодое и не пользующееся особой популярностью явление. Следовательно, несовершенство законодательства о холдингах объяснимо. В условиях стремительного развития законодательства и экономики в целом для обеспечения развития предпринимательства, а также защиты интересов государства необходима разработка должной регламентации правового регулирования холдингов.

Актуальность поддержки создания холдингов в Донецкой Народной Республике выражается в том, что это способствует реализации интересов государства по загрузке предприятий национальной промышленности, причем не только профильных отраслей, но и обеспечивающих (энергетика, транспорт,

строительство), и тем самым повышает уровень занятости и укрепляет социальную стабильность. Анализируя правовой статус холдинга, стоит подчеркнуть, что холдинг — это хозяйственно-финансовое объединение, в свою структуру включающее холдинговые компании и дочерние компании, которые основывают свои отношения на экономической зависимости и контроле. Особенностью данного объединения является то, что участники, сохраняя формальную юридическую самостоятельность, принимая участие в предпринимательской деятельности, подчиняются одной холдинговой компании, которая в силу владения преобладающими долями участия в уставном капитале, договора или иных обстоятельств прямо или косвенно, оказывает определенное влияние на принятие определенных решений компаниями, находящимися у неё под контролем [5].

Таким образом, приведенные выше положения свидетельствуют о целесообразности принятия нормативно-правового акта, который полностью охватывал бы правовое регулирование создания, функционирования и прекращения деятельности холдинговых компаний. Данный нормативно-правовой акт будет являться основой стабильного регулирования данного предпринимательского объединения. Специальный правовой акт обеспечит правовую деятельность холдингов и эффективность государственного контроля холдинговых компаний. Данный контроль позволит улучшить развитие экономической составляющей Донецкой Народной Республики.

Совершенствование холдинговых компаний свидетельствует об усилении процесса концентрации производства и капитала. Данный процесс способствует подчинению средних компаний крупным, а также их объединению.

В ходе исследования нами были рассмотрены основные конкурентные стратегии холдинговых компаний, способствующие должному функционированию данных компаний и установлено, что указанные предпринимательские объединения подлежат самостоятельному правовому регулированию нормами гражданского законодательства.

Таким образом, проведенное исследование дает возможность сформулировать определенную концепцию правового регулирования деятельности холдинговых компаний законодательством Донецкой Народной Республики. Основой такого регулирования должны являться холдинговые правоотношения. Вследствие этого, следует подчеркнуть, что законодательно должна быть закреплена цель правового регулирования холдинговых компаний — урегулирование отношений управления, возникающих между холдинговой компаний и компанией-участником. Особое внимание стоит уделить законодательному закреплению понятия холдинга. При правовом регулировании холдинговых отношений необходимо учитывать интересы хозяйственных обществ — участников холдинговых отношений, их акционеров (участников), третьих лиц, вступающих в правоотношения с лицами, входящими в холдинг. Необходимо разделить правовое регулирование отношений, касающихся ответственности лиц, имеющих возможность

определять решения, принимаемые хозяйственными обществами, которое осуществляется положениями законодательства о дочерних обществах, и холдинговых отношений, как отношений управления, которые подлежат самостоятельному правовому регулированию нормами гражданского законодательства.

Также стоит подчеркнуть, что для регулирования деятельности холдинговых компаний особым условием является законодательное закрепление предмета, содержания и формы холдингового договора, а также порядок регистрации холдинговой компании и прекращения деятельности такого объединения. Необходимость разработки и включения в законодательство механизма охраны и защиты прав и законных интересов участников холдинговых отношений является актуальным в связи с недостаточностью законодательного закрепления данного вида отношений.

Подводя итог приведенного выше исследования, стоит сделать ряд **ВЫВОДОВ:**

— на законодательном уровне нет закреплённого определения холдинга и холдинговой компании. Содержание указанных понятий находит своё отражение в некоторых нормативно-правовых актах. На современном этапе развития законодательства Донецкой Народной Республики правовой базой создания и деятельности холдинговых компаний является Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики. Вследствие этого целесообразным, по нашему мнению, является принятие специального закона, в котором должно быть закреплено определение холдинговой компании, а также основные положения организации деятельности данного вида компании;

— управление в холдинге характеризуется участием органов холдинга в отношениях с предприятиями, находящимися у него в подчинении, а также в отношениях между указанными органами и его подразделениями;

— правовая природа управления холдингом раскрывается во взаимосвязи и взаимозависимости частноправовых и публично-правовых элементов в регулировании хозяйственной деятельности;

— рассматривая возможность создания специального закона, следует включить основные понятия, правила взаимодействия участников холдинга. По нашему мнению, особое внимание стоит уделить понятиям «холдинг», «холдинговая компания», «дочерняя компания», «контрольный пакет акций» и другим;

— при разработке уставов холдинговых компаний должны быть использованы конкретные условия деятельности, связанные с основными положениями деятельности холдингов в части регулирования взаимоотношений субъектов и объектов данного предпринимательского объединения.

Список литературы

1. Белых В., Берсункаев Г. Холдинги и холдинговое законодательство в России // Бизнес, менеджмент, право. 2007. – № 1. – С. 86–89.

2. Кашанина Т. В. Корпоративное право. Право хозяйственных товариществ и обществ: Учебник для вузов. – М.: Инфра-М-НОРМА, 1999. – 815 с.
3. Шепелев С. Б. Формирование и развитие корпоративных структур холдингового типа в условиях структурной перестройки промышленности: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: Москва, 2004. – 26 с
4. Шиткина И.С. Предпринимательские объединения: Учебно-практическое пособие — М., 2001. — 348 с.
5. Шиткина И. С. Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление: Научно-практ. издание: Учеб. пособие. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 648 с.

УДК 346.1

Н.Л. Стрельцова, канд. экон. наук, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: dnkc@ukr.net)

Н.А. Величко, студент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: n_velichko@bk.ru)

СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В условиях современного постиндустриального общества человеческая жизнь - не только социальная, но и экономическая, во многом даже ее политические отношения - неразрывно связана с развитием технологий. Современные технологии, влияющие на повседневную деятельность людей, также заставляют реагировать на эти изменения, «адаптировать» действующую нормативную базу к изменяющимся условиям окружающей среды. В данной статье рассмотрено влияние интернета на развитие предпринимательского права и предложены пути его дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: Интернет, предпринимательское право, научно-образовательный интернет-портал предпринимательского права.

Velichko, N.A.,

Streltsova, N.L.

MODERN BUSINESS LAW ON THE INTERNET

In the conditions of modern post-industrial society, human life - not only social, but also economic, economic, in many respects even its political relations - is inextricably linked with the development of technology. Modern technologies that affect the daily activities of people also make us react to these changes, "adapt" the current regulatory framework to changing environmental conditions. This article examines the influence of the Internet on the development of business law and suggests ways of its further existence.

Key words: *Internet, business law, scientific and educational Internet portal of business law.*

Актуальность темы исследования. В данной статье наше внимание будет обращено на быстрое развитие правовой дисциплины предпринимательского права в сети Интернет, проблемы реализации предпринимательских отношений и их влияния на все сферы права.

При написании работы были проанализированы следующие научные исследования: Шелков Н.А. «Особенности предпринимательской деятельности, осуществляемой в сети Интернет, по законодательству Российской Федерации», Галкин С.С. «Современное предпринимательское право и интернет: научно-образовательный аспект» и др.

Цель темы исследования. Цель статьи заключается в освещении роли предпринимательского права в современных условиях, а также рассмотрении информационных технологий для реализации и популяризации предпринимательского права.

Термин «Предпринимательское право» можно рассматривать в четырех смыслах: 1. Предпринимательское право, как система законодательства — это совокупность правовых норм, содержащихся в источниках права (нормативные правовые акты, деловые обычаи) и регулирующих порядок осуществления хозяйственной деятельности. Изучение коммерческого права также включает анализ прецедентного права и арбитража для достижения единообразия в понимании и применении правил, содержащихся в источниках права. 2. Предпринимательское право, как научная дисциплина, т.е. система знаний, совокупность представлений ученых о конкретной отрасли. Наука о предпринимательском (коммерческом) праве признает историю её происхождения, стадию становления и, исходя из объема собранной информации, объявляет руководящие принципы развития. 3. Предпринимательское право, как учебная дисциплина — это система общей информации о хозяйственном праве как отрасли, науке, а также о ее законодательстве и практике. 4. Предпринимательское право, как отрасль права — это совокупность правовых норм, регулирующих деловые отношения и тесно связанных с ними. При этом термин «законодательство» рассматривается в более широком смысле, включая некоммерческие отношения, а также отношения в сфере государственного регулирования бизнеса для обеспечения интересов государства и общества. Связи с общественностью, регулируемые коммерческим правом, являются предметом данной отрасли.

Рассмотрим подробнее три группы отношений, перечисленные выше, входящие в предмет предпринимательского права. Центральную и основную группу составляют, несомненно, предпринимательские отношения, то есть отношения, возникающие в процессе осуществления предпринимательской деятельности. Легальное определение предпринимательской деятельности закреплено ст. 26 Гражданского кодекса ДНР [8], согласно которой:

1. Физическое лицо вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной

регистрации в качестве физического лица-предпринимателя, за исключением случаев, предусмотренных абзацем вторым настоящей части.

В отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления физическими лицами такой деятельности без государственной регистрации в качестве физического лица-предпринимателя.

2. К предпринимательской деятельности физических лиц, осуществляемой без образования юридического лица, соответственно применяются правила настоящего Кодекса, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, если иное не вытекает из закона, иных нормативных правовых актов или существа правоотношения.

3. Физическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без образования юридического лица с нарушением требований части 1 настоящей статьи, не вправе ссылаться в отношении заключенных им при этом сделок на то, что он не является предпринимателем. Суд может применить к таким сделкам правила настоящего Кодекса об обязательствах, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

4. Физические лица вправе заниматься производственной или иной хозяйственной деятельностью в сфере сельского хозяйства без образования юридического лица на основе соглашения о создании крестьянского (фермерского) хозяйства, заключенного в соответствии с законом о крестьянском (фермерском) хозяйстве.

Главой крестьянского (фермерского) хозяйства может быть физическое лицо, зарегистрированное в качестве предпринимателя.

Однако это определение не единственное, есть и другие точки зрения. Например, анализ нормативных правовых актов и обзор судебной практики дал О.М. Олейник: «в настоящее время в хозяйственном праве нет юридического определения предпринимательской деятельности» [5, с. 2]. На сходных позициях также критично выступает А.Г. Быков, указывая на то, что законодатель видел основную цель закрепления данного положения не в формулировке концепции предпринимательской деятельности, а в указании на то, что гражданское законодательство также регулирует отношения между лицами, занимающимися предпринимательской деятельностью (или с их участием), кратко отметив при этом (чтобы не возникало возмущенных вопросов), что подразумевается под этой деятельностью [1, с. 72]. Несмотря на определенную объективность и содержательность аргументации авторов, их мнение нельзя назвать бесспорным.

В последнее время Интернет стал активно использоваться как особый рынок, на котором потребителям предоставляются различные виды услуг. Кроме того, технические возможности Интернета активно используются как средство ведения бизнеса.

Соответственно, есть организации, частные лица, которые активно работают на этом рынке, оказывая потребителям различные виды услуг. Любая

предпринимательская деятельность должна осуществляться строго в соответствии с законом, что гарантирует соблюдение прав и обязанностей как хозяйствующих субъектов и потребителей, так и третьих лиц, а также гарантирует защиту прав и законных интересов, перечисленных в судебном или ином порядке, установленном законом.

Как известно, любой рынок имеет присущий только ему ряд особенностей, которые проявляются не только в специфике продаж, рекламных кампаний, но и в особом режиме правового регулирования отношений, возникающих на этом рынке.

Обсуждаемый рынок также имеет ряд присущих только ему особенностей, с учетом которых будет сделана попытка сформулировать общие проблемы его правового регулирования и предложить комплекс первоочередных мер для решения этих проблем.

Сегодня ведется много дискуссий, предметом которых является Интернет и проблемы его правового регулирования. В принципе, трудно рассматривать тему правового регулирования предпринимательской деятельности в отрыве от общих проблем контекста «Интернет и право».

На сегодняшний день одной из основных проблем при рассмотрении вопроса правового регулирования сети и отдельных смежных правоотношений является вопрос о соотношении в применении действующего законодательства и принятии специальных нормативных правовых актов, в которых будет учтена специфика Интернета, а также взаимодействие таких актов и содержащихся в них норм.

Проблема в том, что Интернет часто воспринимается как некое «внеправовое» поле, которое в силу своей специфики не может регулироваться существующими правовыми нормами, а недавно принятые законы специально «для Интернета» должны определять особый статус Сети. Довольно спорное мнение. Если провести аналогию, становится ясно, что у любого рынка есть своя специфика. Но ведь и в строительстве, и на рынке рекламы применяются установленные «общие» нормы, которые конкретизируются в специальных нормах, лишь развивая положения существующих. Это должно определяться специальными правовыми нормами. Действующим законодательством предусмотрен электронный документооборот, другое дело, что нет механизма его применения. В равной степени это относится и к проблемам правового регулирования предпринимательской деятельности, на аспектах которых будет предложено остановиться ниже.

Любая коммерческая деятельность предполагает заключение различного рода сделок. Действующее законодательство не регулирует должным образом правовые вопросы заключения сделок с использованием Интернета и связанных с ним технологий.

Большая часть транзакционной переписки, которая по своему содержанию практически есть «преддоговорные споры», ведется по электронной почте с использованием других средств электронной связи, происходит обмен коммерческими предложениями, условиями будущих

транзакций и, по сути, соглашения о намерениях часто заключаются. Естественно, что если у каждой из сторон есть хорошие намерения заключить сделку, то проблем нет: стороны включают согласованные условия в тексты договоров, которые затем подписываются в обычной письменной форме и не имеют взаимных претензий.

Иная ситуация может быть в тех случаях, когда в результате одна из сторон обнаруживает, что контрагент не выполняет условия сделки, согласованные с помощью электронных средств связи (например, это часто бывает, когда стороны, договорившись об условиях сделки (оформить ее по известной схеме «счет-оплата-сервис», то есть без оформления документа, подписанного каждой из сторон), отказывают в исполнении заключенной в электронном виде сделки. Действующее законодательство не дает ответа на этот вопрос в части сделок, заключаемых посредством электронного документооборота.

При обращении за защитой своих прав в суд возникает проблема допустимости доказательств, а именно самой переписки, в которой были согласованы определенные условия. Распечатки, сделанные с помощью программы электронной почты, не будут приняты судом в качестве доказательства. Нотариус никоим образом не будет удостоверять «подлинность» распечаток, поскольку перечень выполняемых им действий является закрытым и не предусматривает возможности такого заверения документов. Конечно, есть институт свидетелей; вы можете попробовать связаться с лицом, предоставляющим услугу электронной почты, для подтверждения факта отправки этого сообщения; вы можете попробовать придумать другие способы подтверждения переписки с помощью электронных средств. Но на это уйдет много времени и денег, а гарантий намного меньше, чем при использовании обычных письменных форм документов.

Еще одна проблема - защита и защита исключительных прав. Любой субъект хозяйствования использует в своей работе зарегистрированные товарные знаки, промышленные образцы, знаки обслуживания; он всегда должен иметь возможность защитить право на торговое наименование. На данный момент и эти проблемы не решены. Существующая судебная практика в силу своей малочисленности, а также из-за того, что законодательство игнорирует особенности правового поля Интернета, не может дать однозначный ответ на поставленные вопросы, сформировав единое мнение судебных органов. властей по этому поводу.

Любая бизнес-деятельность ориентирована на потребителя. Сегодня никто не может дать потребителю, заказавшему товар через электронный магазин, гарантии, что товар будет доставлен потребителю вовремя, в необходимой конфигурации. «Электронные магазины» по большей части не размещают информацию о товарах (услугах) на веб-серверах в том виде, в котором она должна быть размещена в соответствии с законодательством ДНР.

Таким образом, необходимо принять следующие меры для обеспечения защиты прав и законных интересов субъектов хозяйствования, потребителей и других лиц - пользователей сети Интернет.

Необходимо принять законы «Об электронном документообороте» и «Об электронной цифровой подписи». Это необходимо сделать в предложенном порядке с упором на правовое закрепление механизма обращения электронных документов. Сложилась парадоксальная ситуация:

а) законодательством в принципе признается возможность отправки документов в электронном виде (ч. 2 ст. 542 ГК ДНР) [8];

б) в ряде областей, например, таких как банковское дело, электронная подпись и электронный документооборот активно используются, например, при расчетах с платежными поручениями.

Однако при отсутствии реального механизма реализации электронного документооборота его применение практически невозможно, а в некоторых случаях применение приводит к возникновению вышеуказанных юридических проблем. Эту задачу должны решить два вышеуказанных законодательных акта.

Принятие Закона «Об электронной коммерции (торговле)». Принятие этого закона должно установить порядок заключения договоров через Интернет с учетом известной специфики, в том числе порядок отправки оферты и акцепта, технологию подписания договора, порядок и условия хранения документов, внесение изменений и дополнения к действующим нормативным правовым актам в целях решения проблемы допустимости при соблюдении необходимых условий электронных документов и их копий в качестве доказательств в процессе, с установлением порядка подготовки и подачи таких документов.

Также необходимо принять совместное постановление Пленумов Верховного суда ДНР и Арбитражного суда ДНР для обобщения существующей практики по делам, связанным с Интернетом.

Деловое право наиболее широко используется в научном, педагогическом, инновационном и технологическом аспектах. В экономической, филологической и социологической научной литературе широко распространена квалификация Интернета как средства массовой информации, позволяющего сочетать основные формы подачи информации: текст, аудио, видео. В этом отношении Интернет, с инновационной и технологической точки зрения, имеет очень фундаментальные существенные особенности, которые выгодно отличают его от традиционных СМИ и других источников информации: неограниченный охват и эффективность, низкая стоимость распространения информации, возможное хранение информации в базы данных, возможность повторного использования информации. , установление взаимосвязи между информационными единицами, интерактивность публикации и новый уровень взаимоотношений с аудиторией, возможность личных контактов, реального времени, многоязычия и др. [4]

Несмотря на текущую ситуацию, следует отметить следующую положительную динамику. В настоящее время сеть четко следует процессу создания интегрированных источников информации, основанных, во-первых, на освещении юридических тем, связанных с предпринимательской деятельностью, а во-вторых, на использовании различных форм подачи информации с учетом современных интернет-технологий. В качестве примера таких источников приведем Интернет-проект «Юристы Москвы», он разработан сотрудниками кафедры коммерческого права МГУ и до сих пор представлен в основном в социальных сетях и на YouTube. Одним из ключевых информационных элементов этого проекта являются видео-интервью, в основном с юристами, практикующими и обеспечивающими юридическое сопровождение предпринимательской деятельности. Поскольку сами интервью основаны не только на обсуждении юридических вопросов, но и на «перечислении» личного и профессионального опыта интервьюируемого, такое содержание представляется гармоничным сочетанием практических, юридических и образовательных акцентов, что приветствуется. На наш взгляд, основной формой практической реализации потенциала Интернета для развития современного предпринимательского права может стать создание одноименного Интернет-портала. Портал «Современное бизнес-право» в целом может быть информационным каналом, основанным на использовании современных технологий при проектировании и дальнейшей передаче научного (теоретического и практического) опыта Школы бизнес-права. Другими словами, Интернет-портал, учитывая его инструментальный характер, преследует главную цель дальнейшего внедрения научного подхода в хозяйственное право и сохраняет самобытность доктрины экономического права на новой технологической основе, отвечающей всем требованиям, вызовам времени. В качестве основы для создания Интернет-портала могут быть использованы следующие элементы:

1. Основными субъектами целевой аудитории портала являются не только ученые, аспиранты и студенты, но и профессиональные практики, так как фокус портала объединяет решение теоретических и практических юридических проблем на основе концепции комплексного подхода в сфере права и правоприменения.

2. Портал действует как научно-образовательная Интернет-площадка, выполняя следующие основные функции: информационно - публичное распространение материалов по актуальным вопросам предпринимательского права как науки и учебной дисциплины; организационные - обеспечение разработки единых концептуальных концепций предпринимательского права, координация деятельности по продвижению предпринимательского права в национальном и международном профессиональном сообществе, в Интернете и др.; отчетность - создание и распространение научного и образовательного контента специализированного публичного интернет-портала является особым результатом научной и образовательной деятельности отдельного ученого или исследовательской группы.

3. Гармоничное использование основных форм представления информации (текст, звук, видео) при создании контента портала, а также установление связей между порталом и другими тематическими источниками для обмена аудиторией, общая социальная значимость портала, общая информация, опубликованная на нем.

4. Основное содержание портала условно можно разделить на общую, научную (теоретическую и практическую) и учебную части. Содержанием общей части портала может быть материал, дающий общее представление о юридической школе, ее истории, основных представителях, научных концепциях. Научная часть портала может быть основана на материалах о текущей научной деятельности в целом и ее отдельных представителях в частности: видео научных конференций, круглых столов, диссертаций по экономике и праву, видеоподборки с ведущими юристами (учеными и практиками), представителями научно-педагогической школы, циклы передач представителей школы, экспертные заключения представителей школы по определенным правовым вопросам, прогнозы научных и других важных событий, правовые и уголовные документы, основанные на применении комплексного подхода и сопровождаемые соответствующими научными комментариями, научные статьи, монографии представителей школ и др.

Вывод. Исходя из вышесказанного, на наш взгляд рассмотрение особенностей правового регулирования вопросов Интернет-торговли как отдельного, специфического вида предпринимательской деятельности, а также основных проблем практического применения норм гражданского законодательства к электронной торговле, перспектив их разрешения представляется нам особенно важным. Стоит отметить, что вопрос о самом понятии торговли, осуществляемой при помощи средств сети Интернет, остаётся до сих пор достаточно дискуссионным в теории предпринимательского права. При разработке и принятии указанных документов обязательно должен быть учтен аналогичный опыт стран, в которых более развита данная правовая дисциплина, практические и научные рекомендации международных организаций и отдельных правоведов.

Хочется отметить, что предложенный нами подход использования Интернета для развития современного предпринимательского права является одним из возможных и не претендует на статус единственно правильного. Любое последовательное использование современных интернет-технологий для продвижения предпринимательского права заслуживает одобрения и поддержки, так как обеспечивает его соответствие научно-современным тенденциям, а следовательно, и дальнейшее развитие ее научного и образовательного потенциала.

Список литературы

1. Быков, А.Г. О содержании курса предпринимательского права и принципах его построения // – М.: Стартап, 2013. – 416 с.

2. Галкин, С.С. Современное предпринимательское право и интернет: научно-образовательный аспект // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) — 2018. — С. 197-205.
3. Гарматин, А. А. Теоретические основы и принципы организации телевизионного интернет-вещания // дис. канд. филолог. наук. Тольятти, 2005. — С. 9-10.
4. Кутюгин, Д. И. Интернет как коммуникативное пространство информационного общества // дис. канд. социол. наук. М., 2009. — С. 82—83
5. Олейник, О.М. Формирование критериев квалификации предпринимательской деятельности в судебной практике // Предпринимательское право. — 2013. — № 1. — С. 2–16.
6. Серeda, Н. В. Организационно методические основы использования интернет-услуг для продвижения товаров // дис. канд. эконом. наук. М., 2002. — С. 13-15.
7. Шелков, Н. А. Особенности предпринимательской деятельности, осуществляемой сети Интернет, по законодательству Российской Федерации // Молодой ученый. — 2017. — № 41 (175). — С. 132-134.
8. Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики // принят Народным Советом ДНР от 13.10.2019, по состоянию на 01.09.2020 / Народный совет ДНР 2020. — 1011 с.

УДК: 347.763

В.В. Чамлай, канд. юрид. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: Valentinovich-v@mail.ru)

**ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕВОЗОК
АВТОМОБИЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ ОТ СТАНОВЛЕНИЯ СССР ДО
РАЗВИТИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

В статье рассмотрены особенности развития нормативно-правовой базы, регламентирующей перевозки грузов от момента зарождения сухопутных перевозок до развития грузоперевозок в постсоветский период. Комплексный анализ нормативно-правой базы грузоперевозок позволяет не только оценить значимость перевозок в периоды экономических и политических потрясений, но и оценить значение перевозок в условиях восстановления государства в послевоенные годы.

Ключевые слова: революция, война, перевозки грузов, общество, экономический кризис, транспорт, нормативно-правовой акт.

Chamlay, V.V.

**FEATURES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF
LEGISLATIVE BASE IN THE SPHERE OF ORGANIZATION OF
TRANSPORTATIONS BY MOTOR TRANSPORT FROM THE SOVIET**

UNION TO THE DEVELOPMENT OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

The article examines the features of the development of the regulatory framework governing the transportation of goods from the inception of land transportation to the development of freight transportation in the post-Soviet period. A comprehensive analysis of the legal and regulatory framework for cargo transportation allows not only to assess the significance of transportation during periods of economic and political turmoil, but also to assess the importance of transportation in the context of the restoration of the state in the post-war years.

Key words: *revolution, war, transportation of goods, society, economic crisis, transport, normative legal act.*

Актуальность темы исследования. Процесс правового регулирования организации перевозок грузов имеет место в любом государстве независимо от формы государственного правления и особенностей политического режима. Анализ аспектов, связанных с формированием грузоперевозок в различные периоды развития Донбасса крайне актуален и сегодня, учитывая индустриальное прошлое региона, а также успехи в металлообрабатывающей и угледобывающей промышленности. Процесс развития транспортных отношений, их динамичность и изменчивость предполагает стремительное развитие транспортного законодательства, которое должно лечь в основу регулирования транспортных отношений, направленных на перевозку грузов, пассажиров, багажа. Необходимость совершенствования регулирования общественных отношений в сфере перевозок сегодня стоит особо остро, потому как одним из составляющих столпов развития Донецкой Народной Республики в условиях экономической блокады националистической Украиной и непризнанности со стороны мирового сообщества является совершенствование законодательства для налаживания экономических отношений и увеличения товарооборота, который возможно обеспечить в связи с географической особенностью региона лишь сухопутным путем. Изучение проблем, связанных с налаживанием перевозок, необходимо производить с позиции исторического анализа, дабы оценить значение перевозок в условиях переходных этапов развития государства, переняв опыт решения проблем, связанных с обеспечением общества в условиях развития грузоперевозок и правового регулирования дорожного хозяйства в целом.

Целью статьи является анализ законодательной базы, регулирующей организацию перевозок пассажиров и грузов, а также транспортные отношения с момента их возникновения вплоть до обретения государственности Донецкой Народной Республикой.

Анализ научных исследований. Проблемы регулирования сухопутных перевозок в разное время рассматривались рядом ученых-юристов и правоведов, а также представителей профессорско-преподавательского состава, среди которых можно выделить работы: Г. Дегтярева, М. Ильчука, А. Романовича, [2,6,11], а также ряда ученых современников – С. Морозова, О. Фаста [7,12].

Развитие нормативно-правовой базы в сфере регулирования автомобильных перевозок берет свое начало с момента становления и развития советской власти в годы развития НЭП. Развитие рыночных отношений способствовало увеличению товарооборота и развитию грузоперевозок в целом. Научно-технический прогресс на рубеже XX века расширил численность автомобильного транспорта по всему миру. Страна Советов, пусть и с некоторым запозданием, также пережила бум развития автомобилестроения.

Правовое закрепление тенденций развития перевозок закрепилось еще в период внедрения политики «военного коммунизма» и нашло свое продолжение при смене политического курса страны. Первый нормативный акт был подписан В.И. Лениным 10 июня 1920 г. – декрет Совнаркома РСФСР «Об автодвижении по г. Москве и её окрестностям»[3]. Согласно декрету устанавливался порядок передвижения транспорта, особенности регистрации, порядок установления шоферских документов, наличие путевых листов, а также меры по предотвращению опасности при движении по улицам Москвы, с установлением скоростных ограничений при движении автомобилей по столичным улицам, а также создавался Транспортный Отдел Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов – «Автоинспекция». Несмотря на отсутствие дорог, небольшой процент числа автомобилей на 1000 человек населения, с начального этапа развития автомобильного транспорта в стране был организован Центральный комитет по перевозкам, на который был возложен контроль за транспортной системой по всей стране. Проблема отсутствия транспортного сообщения и качественных дорог имела особую актуальность в период «коллективизации». Слаборазвитое автомобилестроение, низкая грузоподъемность автомобилей, дефицит шоферов-профессионалов, а также отсутствие элементарной механизации погрузочно-разгрузочных работ стали одними из причин низкой эффективности грузоперевозок на начальном этапе перехода к новому политическому курсу. Кроме того, что дефицит техники влиял на скорость осуществления погрузочных работ, имело место проблема банальной «бюрократии», а как следствие – и простой техники, в связи с длительным оформлением документов, занимающих до 65% рабочего времени. Данные проблемы были одной из причин дальнейшего снижения эффективности труда, а переход к курсу «коллективизации» не изменил ситуацию в транспортном парке, потому как численность единиц транспорта в крупнейшем транспортном узле страны составляла всего 1066 грузовиков, из которых около 80% были приобретены на рубеже свертывания НЭП в 1929 году.

Следующий этап реорганизации органов управления транспортом пришелся на июнь 1931 года, когда СНК СССР организовал орган управления автомобильным транспортом в СССР. Согласно новому законодательству был введен порядок применения тарифов на перевозки грузов и утвержден новый контролирующий орган – Совет труда и обороны (СТО). Новые тарифы унифицировали порядок отчетности: путевой лист, учётно-эксплуатационный лист, гаражный лист, лист учёта ремонта и ДТП [6].

29 мая 1939 г. Верховным Советом СССР был принят закон «Об образовании в союзных республиках Народных Комиссариатов автомобильного транспорта». Закон не только закрепил новые органы управления автотранспортом, но и обозначил правовое обособление транспорта общего пользования в самостоятельную систему, что привело к перераспределению 56% всего автопарка страны; также устанавливалась форма автотранспортной статистической отчетности: формы №1 и 2 (грузовой автопарк), форма № 5 (легковые авто и автобусы). Согласно приказу Наркомата автомобильного транспорта от 31 декабря 1939 г. №124 устанавливался порядок обслуживания автомобилей с установлением трех видов ремонта: текущий, средний и капитальный. Ужесточение требований к поддержанию технического состояния автомобилей и плановое проведение регламентных работ позволило активизировать перевозку грузов. Большая часть машин находилась в государственной собственности на предприятиях, а посему не имела должного ухода за техническим состоянием, в отличие от личных автомобилей. Принятие Закона позволило повысить степень контроля. Согласно нового закона необходимо было минимизировать километраж пустопорожних пробегов, увеличить численность гаражей, оборудовать ремонтные мастерские для проведения технического обслуживания. Кроме того, установление порядка и сроков осуществления технического обслуживания автомобилей позволило не только контролировать состояние машин, но и минимизировать количество ДТП на дорогах. Параллельно с этим принимались меры по уменьшению простоя автомобилей путем оборудования подъездных дорог, а также повышению механизации погрузочно-разгрузочных работ в местах приема и сдачи грузов [5].

Значительные изменения в регламентации отношений, связанных с грузоперевозками, пришлось на период ВОВ, что было вызвано спецификой формирования правоотношений в военное время. Реформирование гражданского права было призвано охватить все стороны хозяйственной жизни государства, повышая требования к организации перевозок в части, касающейся своевременности доставки грузов, а также обеспечения их сохранности. В условиях военных действий учитывались обстоятельства, связанные с порчей имущества или груза вследствие бомбардировки или обстрела, которые не снимали ответственности с перевозчика, а воспринимались как временные трудности, причем ответственность в каждом частном случае определялась индивидуально, что приводило к разграничению обязательств. Необходимость снабжения линии фронта повысила значимость грузоперевозок в целом, дефицит водителей и недостаток техники особенно остро ощущались на начальном этапе войны в 1941 году, когда враг стремительно наступал, и советское руководство вынуждено было мобилизовать большую часть шоферов на защиту Родины. В целях активизации грузоперевозок и минимизации порожних пробегов при Министерстве автомобильного транспорта было создано 45 краевых

хозрасчетных транспортно-экспедиционных контор, способствовавших усилению контроля и дополнительной перевозке грузов в годы ВОВ [12].

Высокая степень централизации государственных органов являлась характерной чертой сталинского периода управления, что позволило в итоге не только одержать победу в ВОВ, но и активизировать процесс восстановления народного хозяйства в первую послевоенную пятилетку.

Период Хрущёвской оттепели 1953-1964 годов тесно связан со стремительным экономическим ростом страны, развитием отечественного автомобилестроения, а также изменениями в нормотворческой базе, регламентирующей грузоперевозки. В период с 1951 по 1954 годы были приняты временные инструкции и правила централизованных перевозок строительных материалов и нефтепродуктов, в 1955 году был издан «Справочник единых тарифов на перевозку грузов автомобильным транспортом», действовавший на территории всей страны, устанавливалось Положение Министерства автомобильного транспорта «О взаимной материальной ответственности» от 04.05.1955 года. Согласно Положению закреплялось правовое регулирование перевозок грузовым автомобильным транспортом, которое было едино для всех государственных, кооперативных и общественных организаций. Положение определяло взаимную ответственность в части, касающейся не только вопросов перевозок, но и взаимодействия ведомственных автохозяйств, что предусматривало введение типовых договоров на осуществление грузоперевозок. [2, С.43.] Дальнейшее развитие регулярных междугородных перевозок способствовало появлению Временного положения «О порядке выполнения регулярных междугородных централизованных перевозок грузов автомобильным транспортом общего пользования». Положение, вступившее в силу с 01.03.1959 года, закрепляло порядок осуществления междугородных перевозок, порядок расчётов между грузовыми автостанциями и автохозяйствами, степень материальной ответственности перевозчиков и грузовых автостанций, а также новый документооборот, необходимый в процессе организации перевозок. Новый этап в урегулировании перевозок и грузов был связан с развитием основ гражданского законодательства, а также принятием Гражданского кодекса в 1961 году. Процесс изменения правовых норм позволял регулировать процесс автоперевозок, при котором перевозчик несет ответственность за доставку груза независимо от вида транспорта, с помощью которого осуществляется перевозка. Кроме того, к середине 60-х годов XX столетия начались регулярные перевозки из СССР в страны социалистического лагеря, расширяя географию поездок вплоть до границ скандинавских стран и Финляндии. Ответственность за организацию и подготовку перевозок в зарубежные страны возлагалась на подведомственное предприятие «Совтрансавто», которое также налаживало перевозки в страны востока: Монголию, Турцию, Иран, Ирак, Афганистан, Сирию. При организации международных перевозок советские водители должны были представлять СССР на международном уровне. Несмотря на начало «застойного периода» и относительное смягчение условий

по сравнению с послевоенными годами, принципы работы оставались прежними и требования к организации перевозок оставались жесткими, как к автомобилям, так и к водителям-профессионалам. Прежде всего, водители 70-х годов должны были быть одеты в специальную форму в виде темно-синего костюма, белой рубашки, а также фуражку с кокардой – всё это напоминало форму пилотов пассажирского авиалайнера. При этом стоит отметить, что и мастерство водителей-дальнобойщиков соответствовало высочайшему классу советских пилотов. Водитель должен был быть опрятен, не ругаться матом, а также не употреблять алкоголь. Для обучения водителей привлекались лучшие профессиональные мастера, обучавшие дальнобойщиков высококлассному вождению.

Чтобы стать водителем «Совтрансавто», до обучения нужно было соответствовать следующим требованиям:

- Имеет опыт вождения по внутренним направлениям в СССР более 10 лет, при этом 5 последних лет должно было быть безаварийное водительское вождение по открытым категориям С и Е;
- Знание иностранного языка, если кандидат собирается ездить в дальние поездки;
- Водитель грузового автомобиля должен соответствовать требованиям первого класса;
- Наличие положительных рекомендаций с предыдущего места работы;
- Пройти обязательную проверку в органах госбезопасности;
- Быть как минимум кандидатом в члены КПСС (неофициальное требование);
- Знать особенности транспортного законодательства других стран и дисциплины, которые могли пригодиться в длительных рейсах [1].

Начальный опыт заграничных поездок водитель приобретал в странах советского лагеря: Польше, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Югославии. В результате поездок по ближайшим зарубежным странам водитель приобретал опыт и становился высококвалифицированным профессионалом. После жесткого отбора водители-«международники» приравнивались к элите трудового народа: пилотам «Аэрофлота», капитанам дальнего плавания, а также водителям крупных чиновников. Высокий уровень зарплат позволял зарабатывать в районе 500-700 рублей в месяц, что по советским меркам было достойным результатом.

В начале 70-х годов началось активное развитие автомобильных перевозок между социалистическими странами. В Берлине 05 декабря 1970 года было подписано «Соглашение об общих условиях выполнения международных пассажирских перевозок». В 1971 году в Будапеште было заключено «Соглашение о внедрении единой контейнерной транспортной системы» в целях защиты интересов перевозчиков. Среди источников правового регулирования разрешительной системы международных автоперевозчиков особого внимания заслуживают межправительственные

соглашения о международном автомобильном сообщении, а также многосторонние международные соглашения. В 1972 году была открыта регулярная грузовая линия перевозок из Москвы в Софию, Варшаву, Прагу, Берлин, Париж, Берн. Кроме того, 14.09.1973 года Главное управление «Совтрансавто» заключило договор «Об оказании технической помощи и других услуг транспортным средствам, осуществляющим международные перевозки между СССР и Социалистической Федеративной Республикой Югославия (СФРЮ)». К концу 70-х годов появились некоторые негативные тенденции в отношении грузоперевозок из Нидерландов, потому как потребность в нидерландских разрешениях была очень высока, а голландцы отказались проводить переговоры о перевозках на межправительственном уровне. Причиной негативных факторов стало отсутствие профессионально подготовленных водителей и управленческого персонала, в том числе отсутствие производственной базы и конкурентоспособного и отвечающего требованиям международных перевозок подвижного состава. Для решения проблем в сфере перевозок стали привлекаться специалисты из Министерства внешней торговли СССР, а также изучению иностранных языков при главке, проводились семинары с привлечением специалистов из Минфина СССР, Госплана СССР и Минвнешторга СССР. Отдельно подготовкой специалистов автомобильного профиля для междугородных перевозок занимались в Московском автомобильно-дорожном институте, при этом на шестом курсе наряду с иностранными языками дополнительно изучалась «Специфика международных автомобильных перевозок» и «Действующие конвенции». В 1978 году было издано Постановление Совета Министров СССР об организации поддержки иностранному подвижному составу и его экипажам на территории СССР. В целях обслуживания было создано производственное объединение «Совинтеравтосервис», которое занималось поддержкой технического состояния транспорта. Обеспечение перевозок крупногабаритных и тяжеловесных грузов было возложено на научно-производственное объединение «Спецтяжавтотранс».

До начала 90-х годов в СССР с 1984 по 1989 год было подписано несколько межправительственных соглашений о международном автомобильном сообщении с Республикой Италия, Испанией, Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии. В результате распада СССР в 1991 г. произошел разрыв экономических связей между советскими республиками и иностранными государствами, что привело к резкому сокращению объемов перевозок грузов и пассажиров. В результате развала страны произошло разрушение централизованной системы управления автотранспортом. Глобальному разрушению способствовал экономический кризис и инфляция, процесс приватизации предприятий и развал крупных транспортных компаний. Так «Совтрансавто» перестало быть монополистом в сфере международных автомобильных перевозок, наряду с «Совтрансавто» право перевозок получили иные зарегистрированные предприятия, которые занимались внешнеэкономической деятельностью.

Начиная с 1992 года произошло значительное снижение объемов перевозок по всем видам транспорта, потому как общий грузооборот снизился на 33 %, а на смену старому законодательству СССР была сформирована новая законодательная база, на основе которой произошло дальнейшее развитие международных автомобильных перевозок. Так, основу украинской законодательной базы в части, касающейся грузовых перевозок автомобильным транспортом составляют: Закон Украины «Об автомобильном транспорте» от 05.04.2001 № 2344-III, Приказ Министерства транспорта Украины от 14.10.1997 года №363 «Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом в Украине» [10], Постановление «Об утверждении Перечня документов, необходимых для осуществления перевозок грузов автомобильным транспортом внутреннего сообщения» от 25.02.2009 года [8]. Следует отметить, что Украина с 1991 по 2014 год присоединилась к ряду многосторонних договоров международного масштаба. Оказание содействия по перевозкам грузов автомобильным транспортом предполагает использование ряда договоров, среди которых действующими являются и советские нормативные документы. Одним из основных договоров является Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов от 19 мая 1956 года. Украина присоединилась к Конвенции о договоре международной перевозки грузов автомобильным транспортом от 19 мая 1956 года согласно ЗУ «О присоединении к Конвенции о договоре международной перевозки грузов автомобильным транспортом»; особые условия предусмотрены для перевозки опасных грузов (взрывчатых веществ, оружия, отравляющих, легковоспламеняющихся, радиоактивных и других опасных веществ). Они регулируются Законом «О перевозке опасных грузов» 6.04.2000 года № 1644-III и Европейским соглашением о международной дорожной перевозке опасных грузов, а также грузов 200, остаются действующими и на территории Донецкой Народной Республики [4].

Тем не менее, следует отметить, что транспортное законодательство ДНР, в большей его части, сформировано и представляет собой комплекс нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу отношений. Нормативные акты ДНР, регулирующие перевозки грузов автомобильным транспортом, находятся на стадии доработок и усовершенствования. Таким образом, можно в целом поддержать точку зрения многих ученых, которые сходятся во мнении, что, несмотря на многолетний опыт, отраженный в перечне нормативной базы, современное транспортное законодательство требует ряда доработок. В частности, следует уделить отдельное внимание договорам перевозки грузов автомобильным транспортом, а также восстановлению деятельности государственных транспортных компаний, увеличению престижа профессии дальнотойщика в обществе.

Выводы. Анализируя современное законодательство Донецкой Народной Республики и Конституцию в частности, можно прийти к выводу о том, что расчет делался на законодательство стран, соседствующих с Донецкой Народной Республикой. Наиболее предпочтительным стало законодательство

Украины и Российской Федерации. Прежде всего, существует несколько точек зрения в выборе приоритетов, среди которых выделим формирование экономических взаимоотношений непосредственно с Российской Федерацией. С другой стороны, следует указать на тот факт, что в силу сложившихся обстоятельств Донецкая Народная Республика частично унаследовала основы и украинского законодательства, что закреплено в Постановлении Совета Министров ДНР №9-1 от 02.06.2014г. «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» [9].

Список использованных источников

1. Взгляд в прошлое: «Совтрансавто», «софики» и КГБ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://oo-dk.org/oo_dk_articles/2759-glazami-voditelja.html(дата обращения 25.10.2020).
2. Дегтярев Г. А. Централизованные перевозки грузов автомобильным транспортом. / Г.А. Дегтярев Г.А. — М., 1955. — 356с.;
3. Декрет СНК РСФСР от 10.06.1920 "Об автодвижении по городу Москве и ее окрестностям (Правила)" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1794#020311816097658952>– (дата обращения 24.10.2020).
4. Закон ДНР «О присоединении Донецкой Народной Республики к европейскому соглашению о международной дорожной перевозке опасных грузов (ДОПОГ) от 30 сентября 1957 года № 211-ИНС от 13.10.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-prisoedinenii-donetskoj-narodnoj-respubliki-k-evropejskomu-soglasheniyu-o-mezhdunarodnoj-dorozhnoj-perevozke-opasnyh-gruzov-dopog-ot-30-sentyabrya-1957-goda/> (дата обращения 25.10.2020).
5. Закон СССР от 29.05.1939 Об образовании в союзных республиках республиканских народных комиссариатов автомобильного транспорта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wiki-source.org/wiki> – (дата обращения 25.10.2020).
6. Ильчук М.С. Автоторожное право (Пособие для автоторожных учебных заведений) / М.С. Ильчук. – М.: изд. 1931 (стеклография «Сталь») – 82 с.;
7. Морозов С.Ю. Постатейный комментарий к Федеральному закону от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» / С.Ю. Морозов Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2009. — 147с.
8. Постановление Кабинета Министров Украины от 25.02.2009 г. № 207«Об утверждении Перечня документов, необходимых для осуществления перевозки груза автомобильным транспортом во внутреннем сообщении» [Электронный ресурс]. - Режим доступа:<https://i.factor.ua/journals/bn/2009/march/issue-13/article-79866.html> (дата обращения 25.10.2020).
9. Постановление Совета Министров ДНР № 9-1 от 02.06.2014г. «О применении Законов на территории ДНР в переходный период»

- [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://mer.govdnr.ru/images/phocadownloadpap/PostanovN9_1_02062014.pdf (дата обращения 25.10.2020).
10. Приказ Министерства транспорта Украины от 14.10.1997 года № 363 «Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом в Украине». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0128-98> (дата обращения 25.10.2020).
11. Романович А.Н. Транспортные правоотношения / А.Н. Романович Ми., Изд-во «Университетское». — 1984. — 126с.
12. Фаст О.Ф. История развития правового регулирования законодательства, связанного с организацией перевозок грузов автомобильным транспортом до принятия Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2007. №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-pravovogo-regulirovaniya-zakonodatelstva-svyazannogo-s-organizatsiey-perevozk-gruzov-avtomobilnym-transportom-do> (дата обращения: 25.10.2020).

УДК 743.74

Е.А. Янчик, аспирант, Донбасская юридическая академия (г.Донецк)

(e-mail: XANDERkj@rambler.ru)

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ И ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ И ОТГРАНИЧЕНИЕ ИХ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ

В статье рассматриваются проблемы практики применения уголовного законодательства об ответственности за злоупотребление и превышение должностными полномочиями и предлагаются пути их решения посредством внесения изменений и дополнений в Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: должностное лицо, злоупотребление должностными полномочиями, преступления коррупционной направленности.

Yanchik, E.A.

PECULIARITIES OF QUALIFICATION OF ABUSE AND EXCEPTION OF POWERS AND DEMONSTRATION FROM ADJACENT COMPOSITIONS

The article examines the problems of the practice of applying criminal legislation on liability for abuse and abuse of office and suggests ways to solve them by making changes and additions to the Criminal Code of the Donetsk People's Republic.

Key words: official, abuse of power, corruption crimes.

Актуальность темы исследования. В данной статье внимание будет обращено к проблемам практики применения уголовного законодательства об

ответственности за злоупотребление и превышение должностными полномочиями и раскрытию особенностей квалификации злоупотребления и превышения должностных полномочий.

Анализ научных исследований. В рамках темы данного исследования этим проблемам посвятили свои труды: Бугаевская Н.В., Грошев А.В., Бриллиантов А.В., Козаченко И. Я. и другие.

Цель статьи. Исходя из актуальности темы исследования, целесообразно провести исследование проблем практики применения уголовного законодательства об ответственности за злоупотребление и превышение должностными полномочиями и особенностей квалификации злоупотребления и превышения должностных полномочий.

Современный этап развития уголовного законодательства непосредственно связан с экономическими и политическими преобразованиями в Республике. Совокупность этих обстоятельств определила необходимость коренного реформирования правовой системы и преодоления такого негативного явления как коррупция.

В трудах ученых, средствах массовой информации отмечается значительное распространение коррупции на всех уровнях общества, начиная с высших государственных, различных общественных объединений.

Уже неоднократно обращалось внимание на то, что коррупция охватила все звенья аппарата управления, судебную систему, правоохранительные органы, учреждения и заведения, которые призваны обслуживать население, удовлетворять его жизненно важные потребности и представляет реальную угрозу национальной безопасности страны, а противодействие ей должно быть отнесено к высоким приоритетам государства [2].

Одной из гарантий успешного функционирования государства и гражданского общества является создание условий для эффективной работы государственного аппарата, аппарата органов местного самоуправления и предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности.

Эффективность подобной деятельности на сегодня в Донецкой Народной Республике значимо уменьшена политическими, экономическими, правовыми и иными изменениями, а также состоянием преступности. Важным звеном в цепи названных факторов является злоупотребление должностными лицами властью или служебным положением.

Так как должностное преступление, прежде всего, посягает на деятельность государства в целом и органов государственной власти, деятельность которых направлена на обеспечение прав и законных интересов общества.

Злоупотребление должностными полномочиями представляет собой не только преступное деяние, оно в целом разрушает доверие к государственным органам и функционированию всей правовой системы, именно поэтому необходимо провести исследование, которое поможет повысить эффективность уголовно-правовых мер противодействия должностным преступлениям.

Весьма нередко злоупотребление властью или служебным положением является тем средством, с помощью которого должностное лицо совершает иное, более тяжкое преступление для достижения желаемого преступного результата. С использованием служебного положения часто совершаются такие преступления как хищение в особо крупных размерах, незаконная приватизация государственной или коммунальной собственности, уклонения от уплаты налогов, сборов и других обязательных платежей; сокрытия преступлений и тому подобное. Злоупотребление властью или служебным положением также способствует развитию организованной преступности [1].

В доктрине уголовного права вопросам ответственности за должностные преступления уделялось значительное внимание. Эти вопросы были предметом специальных исследований таких, в частности, ученых, как П.П. Андрушко, А.Ф. Бантышев, Б.В. Волженкин, А.В. Галахова, А.А. Дудоров, А. А. Жижиленко, Б.В. Здравомыслов, В.Ф. Кириченко, М.И. Коржанский, М.Д. Лысов, Ю.И. Ляпунов, П.С. Матышевская, М.И. Мельник, А.Б. Сахаров, Я. Светлов, И. Соловьев, А. Н. Трайнин, М.И. Хавронюк, и др. Большинство научных работ по данной проблематике относится к началу 90-х годов прошлого века. В последние годы в Украине была защищена лишь одна докторская диссертация (М. Мельник, 2002 год), где отчасти исследовались теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления в сфере служебной деятельности, и четыре кандидатских (А. Дудоров, 1994; В.С. Лукомский, 1996; М.И. Хавронюк, 1997; С.А. Шалгунова, 1999), в которых освещались вопросы уголовной ответственности за взяточничество, превышение военным должностным лицом власти или должностных полномочий, а также уголовно-правовые и криминологические меры предупреждения взяточничества среди сотрудников органов внутренних дел.

В теории уголовного права вопросам анализа и квалификации преступлений в сфере служебной деятельности значительное внимание в своих работах уделяли П.П. Андрушко, А.Ф. Бантышев, Б.В. Волженкин, А.А. Герцензон, М.И. Коржанский, П.С. Матышевская, М.И. Мельник, П.П. Михайленко, А.Я. Светлов, А. Н. Трайнин, М.И. Хавронюк, В.И. Шакуни и др. Но последние законодательные новеллы в сфере антикоррупционного законодательства Донецкой Народной Республики, которые существенно повлияли на содержание уголовно-правовых норм о преступлениях в сфере служебной деятельности, а также происходящие события в государстве обуславливают необходимость их дополнительного научного исследования и разработки научно обоснованных предложений по применению, а при необходимости – совершенствованию криминально-правовых норм, которыми устанавливается ответственность за злоупотребление служебными полномочиями или их превышение.

В соответствии со ст. 6 Конституции Донецкой Народной Республики «Государственная власть в Донецкой Народной Республике осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» [5]. Эти

конституционные предписания распространяются на всех без исключения должностных лиц, независимо от того, являются ли они представителями законодательной, исполнительной или судебной ветви власти, выполняют свои служебные функции в государственном аппарате, органах местного самоуправления или в общественных объединениях, осуществляющих служебную деятельность в юридических лицах публичного или частного права. Не имеет также значения служебное положение лица, ведомственная или отраслевая принадлежность предприятия, организации, учреждения, сфера их деятельности, организационно-правовая форма и форма собственности, на основании которых они созданы и функционируют. Полной степени требование действовать в пределах предоставленных им полномочий и способом, предусмотренным законодательством, распространяется и на тех лиц, которые хотя и не относятся к служебным, но сфера профессиональной деятельности которых связана с предоставлением публичных услуг, поскольку предоставление таких услуг направлено на установление, изменение или прекращение прав и / или обязанностей юридических и физических лиц и влечет за собой последствия правового характера [4].

Злоупотребление служебным положением является широким понятием, которое охватывает злоупотребления властью, и предлагает исключить из ст. 334 УК Донецкой Народной Республики словосочетания, связанные с термином «власть».

При злоупотреблении лицо стремится воспользоваться не только служебным положением, но и авторитетом должности (престиж, связи и т.п.), прежде всего – когда коррумпированные чиновники влияют на решения лиц низших рангов, непосредственно им не подчиненных. В связи с этим предлагается определить преступное поведение как «использование должностным лицом служебного положения или обусловленных им возможностей».

Установлено, что большая часть этих деяний являются активными действиями, а незначительное количество - бездействием, что требует указать на служебное злоупотребление в форме бездействия в судебном толковании. Автор исследовал формы преступного служебного злоупотребления, а также наиболее распространенные действия, связанные с ним, и выяснил, что они чаще всего проявляются в такой противоправном поведении, как: мошенничество; незаконное получение материальных и других услуг, льгот и преимуществ за счет предприятия; уклонения от налогообложения; отчуждение имущества и имущественных прав, находящихся в налоговом залоге; предоставления недвижимости в пользование без оформления и оплаты; сокрытия преступлений работниками, которые обязаны им противодействовать и тому подобное [6].

Законные интересы гражданина имеют преимущество перед государственными интересами, однако практика применения ст. 334 УК Донецкой Народной Республики свидетельствует о том, что правоохранительные органы и суд признают это не всегда. Поэтому интересы

службы в органах государственной власти и органах местного самоуправления не совпадают с интересами службы в негосударственных структурах, в которых действуют правила рыночной конкуренции, а, следовательно, подтверждается необходимость дифференциации ответственности должностных лиц и принятия соответствующих судебных разъяснений.

Однако, существует группа субъектов, не наделенных законом признаками должностного лица, но в профессиональной (производственной) деятельности их можно признать таковыми в условиях, когда они выполняют организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности (преподаватели, кассиры, врачи). Также можно отнести государственных нотариусов к представителям власти, а частных нотариусов - к лицам, которые осуществляют функции представителя власти по специальному полномочию [4].

Обосновывается целесообразность установления отдельной ответственности представителей власти и лиц, выполняющих организационно-распорядительные и административно-хозяйственные обязанности на предприятиях, в учреждениях и организациях государственной и коммунальной форм собственности, от лиц, выполняющих такие обязанности на предприятиях, в учреждениях и организациях других форм собственности.

Представляется юридически обоснованным и социально правильным подход законодателей тех стран, где принято концепцию об отличиях сущности деликтов государственных служащих и служащих других организаций (Грузия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва, Россия, Таджикистан, Туркменистан) и есть отдельные разделы о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях, разная ответственность должностных лиц публичной и частной сфер. В странах Европы (Австрия, Испания, Италия, Норвегия, Финляндия, ФРГ, Франция и др.) также есть отдельная уголовная ответственность публичных должностных лиц. Кроме того, Конвенция ООН против коррупции разделяет меры против коррупции в публичном и частном секторах [3].

Неимение отчетливых критериев деления лиц на должностных и служебных, произвольное определение данных категорий требует их унификации для всех отраслей права, гармонизации актов, содержащих данные понятия, закрепленные в межотраслевом законе статуса должностных и служебных лиц, основ организации службы в органах государственной власти и органах местного самоуправления, а также в других структурах государственной формы собственности. Автор придерживается мнения о замене в уголовном законодательстве термина «госслужащий» на термин «должностное лицо».

В будущем необходимо ввести в уголовный кодекс Донецкой Народной Республики дифференциацию должностных лиц и дать им наименования, соотносящиеся с гражданским правом, а именно: публичными должностными лицами являются лица, постоянно или временно осуществляющие функции представителей власти в органах государственной власти и органах местного

самоуправления, а также постоянно или временно занимают на предприятиях, в учреждениях и организациях государственной и коммунальной форм собственности должности, связанные с исполнением должностных обязанностей.

При служебном злоупотреблении лицо нарушает свои служебные обязанности с прямым умыслом, вопреки интересам службы и при этом к его последствиям может относиться как умышленно, так и неосторожно. Если по служебной халатности, то ссылка в законе на неисполнение или ненадлежащее исполнение субъектом своих обязанностей «из-за недобросовестного отношения к ним» указывает на совершение этого преступления только по неосторожности. Следовательно, установление отсутствия или наличия умысла по деянию является главным при отграничении этих преступлений [2].

Служебный подлог как специальный состав служебного злоупотребления необходимо отделять от преступления, предусмотренного ст. 334 УК Донецкой Народной Республики, по объекту - общественными отношениями в сфере обращения официальных документов в органах государственной власти, органах местного самоуправления, на предприятиях, в учреждениях и организациях независимо от форм собственности, а также обязательным признаком служебного подлога - предметом. Служебное злоупотребление имеет материальный состав, а служебный подлог - формальный, поскольку является окончанным с момента совершения одного из действий, предусмотренных ч.1 ст.346 УК Донецкой Народной Республики [7].

При сочетании служебного подлога и злоупотребления или совершение их последовательно друг за другом, когда служебный подлог выступает как средство совершения другого преступления, считается, что ответственность должна наступать по совокупности служебного злоупотребления и служебного подлога.

Относительно отграничения служебного злоупотребления от получения взятки (ст. 343 УК Донецкой Народной Республики) следует согласиться, если выполненное должностным лицом в связи с получением взятки деяние является преступным (служебный подлог, злоупотребление властью или служебным положением и т.д.), содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений [7].

Итак, преступные деяния должностных лиц органов государственной власти, органов местного самоуправления и предприятий, учреждений и организаций государственной и коммунальной форм собственности, с одной стороны, и должностных лиц предприятий, учреждений и организаций различных форм собственности (кроме государственной и коммунальной) - с другой, не являются в полной мере однородными и отличаются по содержанию, что требует установления их отдельной ответственности за преступления в сфере служебной деятельности.

Целесообразна унификация понятия «должностное лицо» для всех отраслей права, закрепленные в отдельном межотраслевом законе правового

статуса должностных и служебных лиц и основ организации и функционирования службы в органах государственной власти и органах местного самоуправления, а также организациях государственной формы собственности. После унификации законодательства должностным лицам, которые выполняют служебные обязанности в публичной и в негосударственной сферах, следует вернуть название «должностное лицо» и дать название «публичное должностное лицо» и «частное должностное лицо». Название Главы 30 УК Донецкой Народной Республики изложить как «Преступления в сфере публичной должностной деятельности» и включить в УК Донецкой Народной Республики новую главу «Преступления в сфере частной должностной деятельности» [7].

Предлагается внести изменения в ст. 334 УК Донецкой Народной Республики, которую изложить в следующей редакции:

«Статья 334. Злоупотребление должностными полномочиями.

1. Злоупотребление должностным положением, то есть умышленное использование публичным должностным лицом должностного положения или обусловленных им возможностей вопреки интересам службы, если оно причинило существенный вред охраняемым законом правам, свободам и интересам отдельных граждан или государственным, или общественным правам и интересам или правам и интересам юридических лиц, -

наказывается ...

2. То же деяние, если оно совершено публичным должностным лицом, занимающим ответственное положение, -

наказывается ...

3. Деяние, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи, повлекшее тяжкие последствия, или совершенное публичным должностным лицом, занимающим особо ответственное положение, -

наказывается ...

Изменить примечание к ст. 334 УК Донецкой Народной Республики, взамен его в Главу 30 Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления Особенной части УК Донецкой Народной Республики добавить «Определение понятий, употребляемых в статьях этого раздела», в которой объединить содержание примечаний к ст. 334 и 343 УК Донецкой Народной Республики. Определение субъекта преступлений, которые могут совершаться с использованием служебного (должностного) положения, закрепить в специальном разделе, где будут содержаться важные понятия, употребляемые в различных разделах УК Донецкой Народной Республики [6].

Предлагается дать разъяснения по правильному пониманию признаков объективной стороны данного преступления «вопреки интересам службы», так как интересы службы в органах государственной власти и органах местного самоуправления не совпадают с интересами службы в негосударственных структурах:

«Деяния (действие или бездействие) частного должностного лица субъекта не должно признавать совершенным не взирая на интересы службы в случаях, если определено, что данное деяние, хотя и вызвало ущерб интересам других субъектов хозяйствования, однако было совершено в пределах допустимой конкуренции (частное должностное лицо не нарушило соответствующих нормативных актов и правил конкуренции, установленных главой 3 Хозяйственного кодекса Украины) и не нанесло существенный вред правам, свободам и интересам отдельных граждан или государственным или общественным правам и интересам или правам и интересам юридических лиц.

При оценке действия таковым, совершенное вопреки интересам службы, права, свободы и законные интересы отдельных граждан надлежит считать приоритетными относительно всех иных правоохраняемым интересам».

С целью решения проблемы отграничения злоупотребления властью или служебным положением от превышения власти или служебных полномочий предлагается исключение из ст. 338 УК Донецкой Народной Республики ее первой части и поглощения состава простого превышение полномочий составом злоупотребления властью или служебным положением.

Статьей 334 УК Донецкой Народной Республики предусмотреть ответственность за злоупотребление властью или служебным положением представителями власти, что связано с насилием в отношении физических лиц. Случаи применения должностными лицами, которые не являются представителями власти, насилия в отношении физических лиц, предлагается квалифицировать по соответствующим статьям, предусматривающим посягательство на жизнь и здоровье.

Существует потребность дополнить законодательное определение предмет взятки ссылкой на его материальный характер путем внесения соответствующих изменений в ч. 1 ст. 343 УК Донецкой Народной Республики.

Предлагается все квалифицирующие признаки различных составов преступлений, которые являются разновидностями злоупотребления должностным положением, выложить в едином определении: «должностным лицом с использованием должностного положения или обусловленных им возможностей».

Положение о малозначительности деяния должно применяться в отношении злоупотреблений властью или служебным положением. Во избежание противоречий в применении ч.1 ст.225 УК Донецкой Народной Республики термин «существенный вред» предлагается заменить на другой - «значительный ущерб» в преступлениях, признаком которых является наличие существенного вреда, а ч. 2 ст.225 УК Донецкой Народной Республики исключить ссылки на отсутствие существенного вреда, с которой связывается возможность применения данной нормы.

В будущем «Служебную необходимость» надо признавать самостоятельным обстоятельством, исключаяющим преступность деяния. В связи с этим предлагается дополнить УК Донецкой Народной Республики

статьей 338-1 «Служебная необходимость», в которой это понятие определить следующим образом:

«Не является преступным деяние (действие или бездействие) публичного или частного должностного лица, связанное с причинением вреда охраняемым интересам в состоянии служебной необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей охраняемым законом правам, свободам и интересам отдельных граждан или государственным или общественным правам и интересам или правам и интересам юридических лиц, если эту опасность в данной обстановке нельзя было устранить другими средствами и если при этом не были превышены границы служебной необходимости».

Подводя итоги, в заключение нужно отметить, что, совершенствуя и улучшая законодательство в области борьбы с должностными преступлениями, важно реализовывать в жизнь множество новых ясных, прозрачных и значимых идей, нацеленных на защиту прав и свобод человека и гражданина, общественных интересов, безопасности государства.

Для вышеуказанной цели следует создавать условия для предупреждения, выявления и пресечения коррупционных преступлений и правонарушений путём обеспечения конкретной правовой регламентации деятельности системы органов власти и государства.

Время от времени необходимо пересматривать законы и практику для наилучшего и квалифицированного обеспечения их способности отвечать на меняющиеся условия.

Рассмотрев характеристику общих составов должностных злоупотреблений, рекомендуются нормы по совершенствованию уголовного законодательства в области ответственности за обозначенные противоправные деяния. Охранительная и предупредительная функции уголовного закона должны воплощаться на практике, а не носить декларативный характер, а лица, совершившие преступления, не смогут избежать уголовной ответственности.

Необходимо отметить тот факт, что для этого в Донецкой Народной Республике есть необходимый научный потенциал, готовый к дальнейшей функциональной работе по усовершенствованию и выработке эффективного государственного антикоррупционного законодательства в соответствии с международными нормами и стандартами.

Список литературы

1. Бриллиантов А.В. Уголовное право. Части Общая и Особенная: учебник/ А.В.Бриллиантов, А.Н. Караханов [и др.]; под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект.- 2016. – 1184 с.
2. Бугаевская Н.В. Новые признаки должностных лиц// Известия Тульского государственного университета. - 2015.- № 4.- С.108-109.
3. Грошев А.В. Ответственность за взяточничество (вопросы теории и практики)/ А.В. Грошев. – Краснодар, 2008. - 332 с.

4. Козаченко И. Я. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. - М.: Норма, 2008. – 1006 с.
5. Конституция Донецкой Народной Республики (в ред. Законов от 27.02.2015 № 17-ІНС, 29.06.2015 № 63-ІНС, 11.09.2015 № 92-ІНС, 29.12.2017 № 205-ІНС, 30.11.2018 № 01-ІНС, от 06.03.2020 № 106-ІНС).
6. О практике применения судами Донецкой Народной Республики законодательства по делам о преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://supcourt-dpr.su/zakonodatelstvo/infm/o-praktike-primeneniya-sudami-doneckoy-narodnoy-respubliki-zakonodatelstva-po>
7. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики. Утвержден Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014, действующая редакция по состоянию на 07.09.2020.